

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER
HN YSGK 9

3 2044 014 091 086

Slav 1075. 20. 30

1-75 m

1-75

3.8

—

3

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

N 2758

9
0

501

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ САВВИЧА
ТИХОНРАВОВА.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Московское Археологическое Общество
и
Общество Любителей Россійской Словесности.

МОСКВА.
Печатня А. И. Снегиревой, Савеловскій пер., соб. домъ.
1894.

Slav1075.20.30
✓

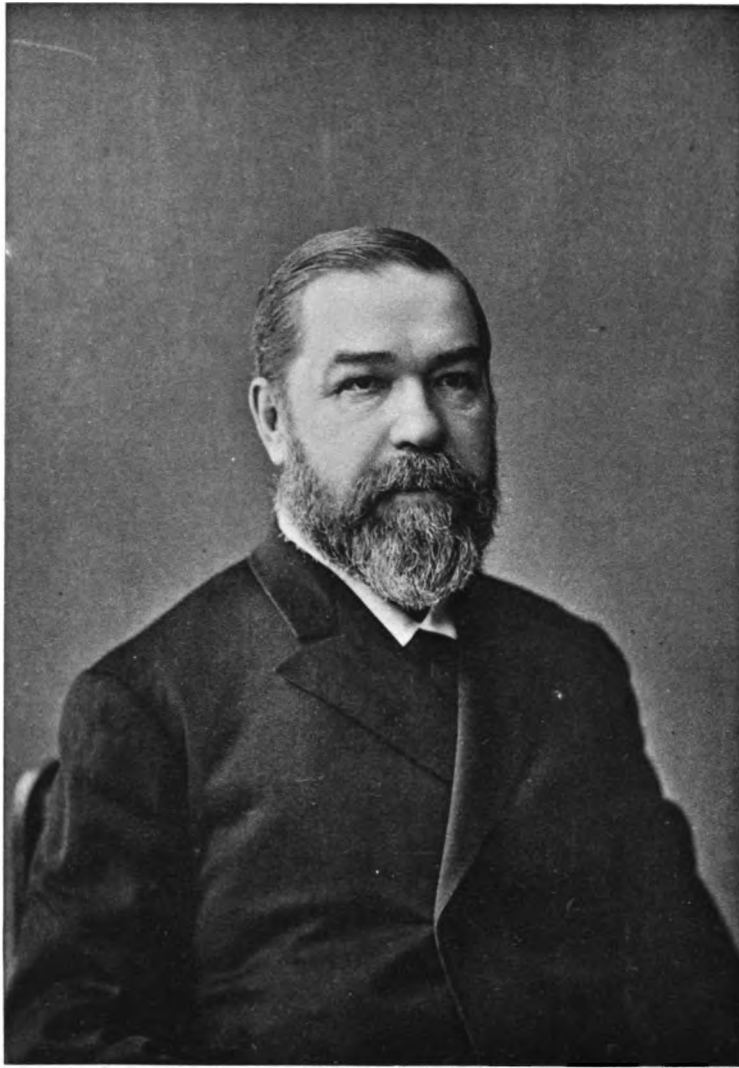

(690).

71*2

Печатано по распоряженію Императорскаго Московскаго Археологическаго
Общества на основаніи § 56 его устава.

Председатель Графиня Уварова.

Сторожукъ С. В. Квильменск. Киевъ.

Сторожукъ С. В.

РОД. 30 ОКТ. 1832 Г. — † 27 НОЯБ. 1893 Г.

Памяти Н. С. Тихонравова *).

Мм. Гг.!

Пять дней тому назадъ мы опустили въ могилу тѣло нашего дорогаго незабвеннаго предсѣдателя. Еще такъ недавно раздавался съ этой кафедры его тихій, но проникавшій въ душу, голосъ, а теперь онъ уже тамъ, откуда не доносятся къ намъ никакіе голоса, гдѣ царствуетъ вѣчное безмолвіе....

Считая неумѣстнымъ, въ виду свѣжей могилы покойнаго предсѣдателя нашего заниматься подробной оцѣнкой многосторонней дѣятельности, тѣмъ болѣе, что этому предмету будетъ посвящено одно изъ ближайшихъ засѣданій О. Л. Р. С., я намѣренъ сегодня напомнить вамъ въ общихъ чертахъ нравственный образъ человѣка, вырваннаго изъ нашей среды неумолимой смертью, человѣка, котораго я имѣлъ случай слушать въ университетѣ и къ которому впоследствии былъ привязанъ узами благодарности и долготѣней дружбы. Н. С. былъ типическимъ представителемъ традицій московскаго университета въ лучшую пору его существованія; онъ поступилъ въ университетъ въ ту эпоху, когда кафедры филологическаго факультета были заняты такими людьми, какъ Грановскій, Будрявцевъ, Соловьевъ, Леонтьевъ, Буслаевъ. Хотя Н. С. слушалъ всѣхъ этихъ профессоровъ, но главнымъ руководителемъ его въ занятіяхъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ, который съ гордостью считалъ его своимъ ученикомъ. О времени пребыванія своего въ университетѣ Н. С. всегда вспоминалъ съ восторгомъ. Это былъ тотъ идеальный міръ, куда онъ любилъ уходить отъ мелочныхъ дрязгъ дѣйствительности. Обыкновенно сдержанный и скупой на слова, онъ воодушевлялся и дѣлался словоохотливымъ въ разказахъ о любимыхъ наставникахъ. Юность Н. С. совнала съ тѣмъ подъемомъ общественнаго духа, который охватилъ Россію съ восшествіемъ на престолъ Александра II. Словно теплое дуновеніе весны пронеслось тогда надъ

*) Рѣчь, читанная въ публичномъ засѣданіи Общ. Люб. Р. Слов. 5 декабря 1893 г. временнымъ предсѣдателемъ Н. И. Стороженкомъ.

русской землей; всё вдруг почувствовали, что настало новое время, и съ энтузіазмомъ привѣтствовали его зарю. И правительство не обмануло ожиданій общества: реформы слѣдовали за реформами, возбуждая въ обществѣ самыя радужныя надежды. Въ то время, какъ зрѣлые люди работали въ кабинетахъ по крестьянскимъ дѣламъ, молодежь работала въ воскресныхъ школахъ. Какъ человекъ живой, Н. С. не остался чуждъ этому движенію: онъ отдалъ свой воскресный досугъ народному образованію и былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ воскресныхъ школъ, которыя подъ его руководствомъ сослужили не малую службу темному люду Москвы. Въ 1859 г. Н. С. былъ избранъ въ адъюнкты московскаго университета. Съ этихъ поръ начинается его плодотворная научная дѣятельность, не прекращавшаяся до самой его смерти. Дѣятельность эта, помимо научныхъ и критическихъ достоинствъ, отличалась еще творческимъ характеромъ и замѣчательной широтой созерцанія. Покойный не любилъ идти по стезѣ, пробитой другими, и пережевывать старое. Онъ чувствовалъ въ себѣ силы пробивать новые пути, открывать неизвѣстное. Онъ избиралъ предметомъ своихъ изслѣдованій самыя темныя уголки русской литературы и освѣщалъ ихъ при помощи имъ самимъ открытыхъ памятниковъ. Даже въ послѣдній годъ своей жизни Н. С. обрадовалъ русскую науку двумя открытіями: онъ открылъ путешествіе въ Іерусалимъ инока Варсонофія и новую чисто-русскую редакцію Александріи. Но Н. С. не былъ только кабинетнымъ ученымъ. Онъ обладалъ замѣчательными практическими и административными способностями, которыя впоследствии нашли себѣ широкое примѣненіе въ его ректорской дѣятельности. Покойный А. Ю. Давидовъ, который, кажется, могъ быть судьей въ дѣлѣ ума, не разъ выражается о Н. С., что у него была «министерская голова». Какъ ректоръ, Н. С. дорожилъ прежде всего честью и достоинствомъ университета и высоко держалъ знамя университетскаго самоуправленія, горячо и умѣло отстаивая его отъ всякихъ посягательствъ. Строгий и неуклонный исполнитель закона, онъ требовалъ и отъ другихъ такого же отношенія къ закону. Противники покойнаго объясняли такое отношеніе къ закону педантизмомъ и пристрастіемъ къ формализму, но они жестоко ошибались. Въ строгомъ соблюденіи закона Н. С. видѣлъ единственную гарантію правильного хода университетской жизни. Когда его упрекали за формализмъ, онъ всегда отвѣчалъ: «нужно соблюдать и форму, если она насъ охраняетъ». Разъ Н. С. стоялъ на почвѣ закона, онъ говорилъ твердымъ и увѣреннымъ тономъ и, рискуя своимъ положеніемъ, смѣло отстаивалъ то, что считалъ справедливымъ. Всё слѣдившіе за ректор-

своей деятельностью покойного, знают, как искусно он умел пользоваться всеми предоставленными ему законом правами, чтобы отстаивать честь и достоинство родного университета. В бумагах Н. С. по всей вероятности найдутся те приснопамятные акты отчеты, в которых он давал суровые уроки настоящему, сопоставляя его с славным прошедшим московского университета. Оставив ректорство, а через несколько лет и профессию, Н. С. весь предан научной деятельности. Главным занятием последних лет его жизни были работы над текстом Гоголя. Н. С. успел уже издать в свет пять томов полного собрания сочинений своего любимого писателя и приготовил к печати остальные два. Без преувеличения можно сказать, что в его издании мы впервые имеем истинный текст Гоголя, очищенный от всяких искажений и снабженный массой драгоценных примечаний, обнаруживающих в издателе бенедиктинское трудолюбие и необыкновенный критический такт. Высоко цenia заслуги Н. С. в разработке истории русской литературы, О. Л. Р. С. избрало его после смерти С. А. Юрьева своим председателем. Хотя Н. С. по болезни и не имел возможности часто собирать Общество, но по мере сил принимал деятельное участие в занятиях Общества, дал правильный ход делу о постановке памятника Гоголю, задумал и издал сборник в память 75-летнего существования Общества и неоднократно читал на наших публичных заседаниях свои рефераты, из которых последний, бывший его лебединой песней, был выслушан с таким вниманием. Н. С. умер слишком рано и для науки, и для нашего общества. Проработав, не покладая рук, всю свою жизнь, он все-таки далеко не успел выполнить всего задуманного. Можно сказать, пользуясь сравнением поэта, что он почил, как творец среди начатого мироздания. После него осталась масса материалов, заметок, начатых работ и даже трудов, совершенно окончанных, которые он, необыкновенно строгий к себе, не считал достойными появиться в свет. На его ближайших учениках, знавших его намерения и планы, зажегших свои светильники у источника света, сошедшего в могилу, лежит священная обязанность продолжать его дело, довести до конца начатое. Этим они покажут, что действительно чтут его память, что они были достойны чести иметь такого учителя.

Н. Стороженко.

(Артист 1894. I, 95—96).

**Рѣчь, сказанная въ началѣ засѣданія Славянской
Коммиссіи при Московскомъ Археологическомъ
Обществѣ, посвященнаго памяти Н. С. Тихонравова.**

Славянская Коммиссія Археологическаго Общества, собравшись сегодня для совершенія ученыхъ поминокъ по недавно скончавшемся заслуженномъ профессорѣ и академикѣ Н. С. Тихонравовѣ, предоставила мнѣ первое слово въ настоящемъ собраніи. Эта честь вынала на мою долю по той простой причинѣ, что, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, я находился съ покойнымъ въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Этимъ напередъ опредѣляется содержаніе и характеръ моего настоящаго сообщенія. Отъ меня, конечно, нельзя ожидать оцѣнки тѣхъ или другихъ ученыхъ трудовъ Николая Саввича: это—дѣло лицъ одной съ нимъ специальности, которыя, вслѣдъ за мной, и сдѣлаютъ свое дѣло. Я съ своей стороны ограничусь только личными воспоминаніями о покойномъ, котораго я зналъ, какъ человѣка, какъ живую личность съ ея индивидуальными характеристическими чертами. Постараюсь теперь собрать эти черты въ одинъ полный обзоръ, — полный, конечно, только для меня, такъ какъ моя характеристика покойнаго въ указанномъ отношеніи будетъ исключительно основана на моихъ личныхъ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ.

Мое знакомство съ Николаемъ Саввичемъ началось въ 1859 году, когда я только что окончилъ курсъ въ Казанской Духовной Академіи и сдѣлался тамъ бакалавромъ (т. е. адъюнктомъ) по кафедрѣ церковнаго права и церковной археологіи. Николай Саввичъ предпринялъ тогда свое извѣстное изданіе «Лѣтописей русской литературы и древности». Живо интересуюсь матерьялами, содержащимися въ богатой рукописной библіотекѣ Соловецкаго монастыря, которая въ 1856 году передана была въ Казанскую Духовную Академію, онъ прислалъ

туда печатную программу своего изданія съ рукописнымъ приглашеніемъ, обращеннымъ къ профессорамъ и студентамъ, принять участіе въ этомъ изданіи сообщеніемъ изъ Соловецкихъ рукописей разныхъ памятниковъ древне-русской литературы, какъ то: житій сѣверныхъ русскихъ святыхъ, народныхъ религіозныхъ легендъ, духовныхъ стиховъ, апокрифовъ, раскольническихъ сочиненій и т. п. Я былъ одинъ изъ первыхъ, если не самый первый, отозвавшійся на это приглашеніе. Между нами завязалась довольно оживленная переписка, послѣ того какъ я послалъ Николаю Саввичу нѣсколько раскольническихъ стиховъ и молитвъ, которыя онъ напечаталъ частью въ «Лѣтописяхъ», частью въ своемъ сборникѣ «Памятниковъ отреченной русской литературы». Упомянутое обращеніе Николая Саввича къ Казанской Духовной Академіи и его первые труды по исторіи древне-русской литературы, открывавшіе въ этой области совершенно новые для того времени горизонты, несомнѣнно имѣли возбуждающее вліяніе на ученую дѣятельность нѣкоторыхъ профессоровъ и преподавателей Академіи. Изъ нихъ Щаповъ, Добротворскій, Порфирьевъ и я съ жаромъ принялись за изданіе и обработку драгоценныхъ матеріаловъ по исторіи древней русской литературы и древне-русской жизни церковной и народной, содержащихся въ рукописяхъ Соловецкой бібліотеки. Журналъ Казанской Духовной Академіи—«Православный Собесѣдникъ»,—благодаря названнымъ сотрудникамъ, принялъ характеръ и направленіе «Лѣтописей» Николая Саввича. Съ особенной энергіей работалъ въ этомъ направленіи покойный профессоръ русской словесности въ Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьевъ. Его докторская диссертация: «Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ» и сборники ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифовъ, составленные по рукописямъ Соловецкой бібліотеки и напечатанные 2-мъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ, отчасти очевидно вызваны были подобнымъ же, къ сожалѣнію, не оконченнымъ трудомъ Николая Саввича. Работая самъ надъ предметами, занимавшими тогда молодого московскаго ученаго, проф. Порфирьевъ въ то же время привлекалъ къ такимъ же работамъ и лучшихъ изъ своихъ слушателей, давая имъ темы для сочиненій на ученые степени въ родѣ слѣдующихъ: «Толковая Палея», «Древне-русскіе Азбуковники» и т. п. Упоминаю обо всѣхъ этихъ фактахъ для того, чтобы показать, что благотворное вліяніе Николая Саввича на успѣхи ученыхъ работъ въ области древне-русской литературы простиралось далеко за предѣлы его университетской аудиторіи. Литографированныя лекціи его уже тогда обращались въ рукахъ студентовъ и профессоровъ Казанской Духовной Академіи.

Мое *личное* знакомство съ Николаемъ Саввичемъ началось лѣтомъ 1870 года, когда я переѣзжалъ на службу изъ Казанскаго Университета въ Новороссійскій. Никогда не забуду его теплаго радушнаго гостепріимства, какое нашель я съ своей семьей въ занимаемой имъ подмосковной дачѣ, гдѣ мы провели около недѣли. Для меня, провинціала, его ученныя бесѣды о предметахъ ученыхъ и житейскихъ и тогдашнихъ теченіяхъ въ жизни Московскаго Университета и общества, во многихъ отношеніяхъ, были настоящимъ откровеніемъ. Что всего болѣе поражало меня въ моемъ радушномъ хозяинѣ и высоко-занимательномъ собесѣдникѣ, это—подавляющая масса знаній и притомъ такихъ, въ которыхъ я считалъ себя специалистомъ. Заговоришь, бывало, скажу къ примѣру, объ исторіи канона ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ свящ. книгъ,—и услышишь отъ него какой нибудь фактъ, о которомъ мнѣ не было извѣстно изъ академическихъ лекцій. Впослѣдствіи и узналъ, что всѣми подобными свѣдѣніями онъ обязанъ былъ покойному профессору, потомъ ректору Московской Духовной Академіи А. В. Горскому, который знакомилъ его съ лучшими сочиненіями по исторіи древней церкви и древне-христіанской литературы, и которому Николай Саввичъ, въ свою очередь, не мало помогалъ своими филологическихкими и историко-литературными знаніями въ извѣстномъ трудѣ по «Описанію славянскихъ рукописей» здѣшней Синодальной (бывшей патріаршей) бібліотеки. Начавшееся такимъ образомъ мое личное знакомство съ Николаемъ Саввичемъ я поддерживалъ почти ежегодными свиданіями съ нимъ во время своихъ вакаціальныхъ экскурсій изъ Одессы въ Москву для занятій въ здѣшнихъ бібліотекахъ и архивахъ. При этомъ я обыкновенно сообщалъ ему предметъ и планъ своихъ занятій, и каждый разъ получалъ отъ него какіе нибудь совѣты и указанія, облегчавшіе мою работу или даже возвышавшіе ея научное достоинство. Тутъ я считаю долгомъ выставить на видъ одну въ высшей степени симпатичную черту въ характерѣ Николая Саввича, какъ ученаго. Онъ не скупился дѣлиться со мною своими знаніями даже по такимъ вопросамъ, которые въ данную минуту занимали его лично. Онъ охотно указывалъ мнѣ лучшіе списки интересовавшихъ меня и его памятниковъ древне-русской письменности, находившихся въ хорошо извѣстныхъ ему рукописяхъ Московскихъ и Петербургскихъ бібліотекъ. Этого мало: онъ нерѣдко дарилъ мнѣ собственноручныя копии съ такихъ памятниковъ, сдѣланныя всегда такъ, что на нихъ можно было положиться, какъ на подлинникъ. Словомъ: за Николаемъ Саввичемъ, сколько мнѣ извѣстно по своимъ личнымъ наблюденіямъ, никогда не водилось грѣшка, свойственнаго нѣкоторымъ

ученымъ, припрятывать отъ чужихъ глазъ дорогую научную вещь на случай, что со временемъ она можетъ самому пригодиться, хотя бы на самомъ дѣлѣ она могла получить настоящую цѣну только въ рукахъ того, кто искалъ ее.

Новый періодъ моего личнаго знакомства съ Николаемъ Саввичемъ насталъ съ 1875 года, когда занимаемая мною кафедра сдѣлалась вакантною въ здѣшнемъ Университетѣ. Николай Саввичъ первый увѣдомилъ меня объ этомъ обстоятельстве и первый пригласилъ меня перейти изъ Одесскаго Университета въ Московскій. При этомъ онъ увѣрялъ меня, что здѣшняя профессорская корпорація, отчасти лично знакомая съ моими печатными работами, отчасти имѣя расположенная въ мою пользу, изберетъ меня въ свои члены самымъ почетнымъ образомъ. Дѣйствительно, на совѣтскихъ выборахъ я получилъ всего только два или три черныхъ шара—случай, въ тѣ времена довольно исключительный и доказывающій, что Николай Саввичъ уже тогда пользовался въ Университетѣ общимъ уваженіемъ. Такъ мы сдѣлались сослуживцами. Наша старая дружба скрѣпилась теперь новыми добрыми услугами, какія онъ оказалъ мнѣ при первоначальномъ устройствѣ моего жительства въ Москвѣ. Онъ помогалъ мнѣ въ присканіи квартиры, указывалъ, гдѣ что купить подешевле по хозяйству и, въ случаѣ нужды (а нужда встрѣчалась у меня нерѣдко), заимообразно снабжалъ меня деньгами. Особенно дорога мнѣ была слѣдующая услуга Николая Саввича. Его жизненному опыту и такту я обязанъ былъ, въ сравнительно короткое время, установленіемъ самыхъ добрыхъ товарищескихъ отношеній къ большинству тогдашней профессорской корпораціи. Не скажу, чтобы онъ втягивалъ меня въ интересы какой нибудь университетской партіи. Не могу навѣрное сказать, чтобы и самъ онъ принадлежалъ тогда къ какой нибудь определенной партіи. Онъ характеризовалъ мнѣ лица и существующія между ними отношенія такъ, что эта характеристика оправдывалась впоследствии и моими личными наблюденіями. Благодаря этому доброму руководству, я на первыхъ порахъ моей дѣятельности въ здѣшнемъ Университетѣ воздержался отъ нѣсколькихъ неосмотрительныхъ шаговъ, за которые потомъ, какъ оказалось на самомъ дѣлѣ, мнѣ пришлось бы заплатить большими неприяностями. Если угодно, я скажу откровенно, что все время, пока дѣйствовалъ старый университетскій уставъ, я въ своихъ мнѣніяхъ всегда сходилъ съ мнѣніемъ Николая Саввича и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, принадлежалъ съ нимъ къ одной партіи, т. е. къ большинству членовъ университетскаго совѣта. Никто изъ этой партіи такъ энергически и умно не стоялъ за достоинство уни-

верситета и честь профессорскаго званія, какъ именно Николай Саввичъ. Это поставило его во главѣ самоуправлявшейся тогда профессорской корпораціи. Онъ избранъ былъ ректоромъ Университета. Разно судятъ о его дѣятельности въ этой должности; но, сколько мнѣ извѣстно, всѣ сходятся въ томъ, что честь, достоинство и пользу Университета онъ ставилъ выше всего. За это святое дѣло онъ стоялъ горой, боролся безъ устали, забывая свои личныя выгоды, оставляя въ сторонѣ всякіе личныя разчеты. Вообще ректорство Николая Саввича доказало, что онъ обладалъ не только талантами, свойственными крупной ученой и образовательной силѣ, но и рѣдкими административными способностями, необходимыми на такомъ трудномъ постѣ, какъ ректорство въ Университетѣ. Какъ теперь вижу его на председательскомъ креслѣ въ университетскомъ совѣтѣ стараго устава: съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ онъ руководить прѣніями членовъ, иногда страстными и бурными, какъ удачно извлекаетъ изъ этихъ преній все, что идетъ къ дѣлу (а говорилось не мало и такого, что вовсе не шло къ дѣлу), какъ точно формулируетъ потомъ результаты прѣній и ставитъ вопросъ, подлежащій окончательному голосованію. Весь ходъ дѣла онъ записываетъ своею рукой, отвѣчая при этомъ налѣво и направо лицамъ, дѣлающимъ тѣ или другія замѣчанія или возраженія, и записываетъ такъ, что къ общему удивленію въ написанномъ не оказывается нужнымъ сдѣлать никакой стилистической или редакціонной поправки. Другіе видали его въ иной обстановкѣ и рассказываютъ вотъ что: является онъ въ толпѣ взволнованной университетской молодежи, собравшейся на университетскомъ дворѣ, держитъ передъ нею спокойнымъ, хотя нѣсколько дрожащимъ, голосомъ, съ обычнымъ органическимъ недостаткомъ своего произношенія, блестяще-умную рѣчь, въ самомъ началѣ которой толпа моментально затихаетъ; попытки прервать оратора свисткомъ или шиканьемъ изъ заднихъ рядовъ его надворной аудиторіи, куда обыкновенно прятались заправилы сходки, вызываютъ рѣзкій протестъ со стороны громаднаго большинства слушателей; рѣчь кончена, и толпа, наградивъ талантливаго оратора дружными рукоплесканіями, спокойно расходится по домамъ. Но Николай Саввичъ былъ человекъ не только слова, но и дѣла, хотя, какъ видно изъ сейчасъ приведеннаго примѣра, его слово равнялось иногда крупному дѣлу. Сколько трудовъ положилъ онъ на упорядоченіе университетскаго хозяйства, на очищеніе Августовыхъ конюшенъ университетской канцеляріи, на благоустройство университетской бібліотеки! Но не въ этомъ его главная заслуга для Университета. Благодаря его вліятельнымъ представленіямъ и настоя-

ніямъ, профессорская корпорація, особенно на историко - филологическомъ факультетѣ, пополнилась въ его ректорство такими дѣятелями, таланты и заслуги которыхъ настолько извѣстны, что намъ нѣтъ нужды называть чье-нибудь имя. Въ этомъ важномъ дѣлѣ Николай Саввичъ всего менѣе руководился какими нибудь личными или парціальными мотивами: доказательствомъ служить тотъ общезвѣстный фактъ, что лица, обязанныя ему избраніемъ въ здѣшнюю профессорскую корпорацію или промоціей на высшее званіе въ ней, не всегда оказывались его личными друзьями. Замѣчу вообще, что время ректорства Николая Саввича было для него временемъ стоянія въ зенитѣ своего университетскаго положенія и вмѣстѣ—временемъ, съ котораго начинается упадокъ его административнаго геномѣ во мнѣніи большинства членовъ профессорской корпораціи. Я не рѣшаюсь входить въ разсмотрѣніе причинъ этой перемѣны. Причины были, во всякомъ случаѣ, серьезныя, такія, которыя не могли остаться безъ соотвѣтственнаго дѣйствія, хотя бы и не по личной винѣ одного только покойнаго. Освободившись отъ ректорства и вскорѣ потомъ оставивъ Университетъ, Николай Саввичъ, какъ извѣстно, всецѣло предался кабинетнымъ академическимъ занятіямъ; но личная дѣятельность его, какъ научно-образовательной силы, не прерывалась и по выходѣ изъ Университета. Всѣ мы знаемъ, что каждое воскресенье двери его квартиры гостепріимно отворялись для его друзей и бывшихъ учениковъ; попрежнему онъ дѣлился съ ними неистощимымъ запасомъ своихъ знаній; попрежнему авторитетно и благотворно руководилъ начинающихъ въ наукѣ своими совѣтами и указаніями; попрежнему снабжалъ всякаго, кого зналъ, своими книгами и рукописями. Всѣмъ извѣстно также, что Николаю Саввича, въ послѣдніе годы его жизни, постигло тяжкое семейное горе, и мнѣ, а можетъ быть, и не одному мнѣ не разъ случалось видѣть слезы на его умныхъ карихъ глазахъ и слышать его горькія жалобы на свою судьбу, вызванныя этимъ печальнымъ обстоятельствомъ. Если кому изъ насъ извѣстны какія нибудь человѣческія слабости покойнаго, покроемъ ихъ завѣсой братской любви и дружескаго уваженія. Будемъ помнить одно только добро, какое онъ сдѣлалъ, какъ частный человѣкъ, для своихъ друзей, какъ профессоръ,—для своихъ слушателей, какъ бывший ректоръ,— для Московскаго Университета, какъ ученый,—для всей Россіи и всего славянскаго міра.

А. Павловъ.

Нѣсколько воспоминаній.

Никакъ не свыкнешься съ мыслью, что Тихонравова нѣтъ больше въ живыхъ! Неужели опустѣлъ рабочій уголокъ, гдѣ царилъ онъ столько лѣтъ надъ заповѣднымъ міромъ книгъ и рукописей, и изъ за груды научныхъ сокровищъ, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ, словно валы и башни книжной крѣпости, не взглянетъ на посѣтителя, отрываясь отъ интереснаго чтенія, давно, давно знакомое старческое лицо, и въ утомленныхъ глазахъ, за минуту передъ тѣмъ устремленныхъ на какую нибудь только что добытую библиографическую рѣдкость, не засвѣтится живого удовольствія при мысли, что можно подѣлиться съ гостемъ своимъ новымъ открытіемъ?

Да, не свыкнешься съ этимъ,—и въ тѣ минуты, когда среди занятій поднимаются сомнѣнія, возникаютъ трудные и сложные вопросы, ловишь себя на мысли, что нужно посоветоваться съ Тихонравовымъ. Идетъ ли рѣчь о русской или западной литературѣ, древнемъ или новомъ произведеніи, все равно, у него найдется указаніе, рѣшеніе, исходъ,—а въ самомъ впечатлѣніи, которое на недовольнаго собой ученика произведетъ спокойное, бодрое и властное отношеніе учителя, къ наукѣ, сколько обновляющей силы!... Но келья опустѣла, не услышишь отвѣтной, участливой рѣчи отшельника, ключъ къ сокровищамъ его потерявъ,—и, точно насильственно прерванная рѣчь, грустно обрывается мысленное обращеніе къ покойному.

Въ наше время, особенно на Западѣ, въ большомъ ходу снимки съ писателей и ученыхъ въ ихъ рабочей обстановкѣ,—съ моднаго романиста въ его артистической, изящной студіи, съ естествоиспытателя, окруженнаго своими лабораторными трофеями. Для меня образъ Тихонравова всего выпуклѣе рисуется въ рамкѣ его кабинета, гдѣ книги отовсюду надвигались на человѣка, захватывая каждый свобод-

ный уголок,—словно сказочно распространяющаяся растительность въ американскихъ лѣсахъ. Тутъ было настоящее его царство. Всѣ богатства были найдены имъ, открыты и снесены сюда. Цѣлая жизнь, начиная съ гимназической поры, ушла на неутомимое собираніе; оно не утратило для него прелести и подъ старость. Точно искатель кладовъ онъ отгадывалъ, *где* можетъ найти нужное ему, и чутье его не обманывало. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, помню, провѣдалъ онъ о томъ, что подъ сводами старыхъ складовъ при «Запасномъ дворцѣ» (у Красныхъ воротъ) лежатъ безъ призора вороха старинныхъ документовъ. Занятый тогда исторіею русскаго театра, онъ рѣшилъ про себя, что тамъ должны найтись данныя относительно ранняго его періода, и, перерывъ массу хлама, наконецъ донскался желаемого. У торговца—антикварія, на лоткахъ книжнаго рынка, въ запущенныхъ частныхъ библіотекахъ старыхъ временъ онъ сразу налагалъ руку на рѣдкое, цѣнное и важное. Къ нему притекало оно и издалека. Только что, оторвавшись на время отъ занятій Гоголемъ, онъ возвратился къ спорнымъ вопросамъ исторіи повѣсти, какъ съ Волги ему шлютъ новую рукопись «Дѣянія Девгеніева». И такъ было всегда... Кто-то примѣнилъ къ нему поговорку о ловцѣ, къ которому сами сбѣгаются звѣри; это очень мѣтко и вѣрно. Но это не былъ ловець—хищникъ, довольный одною уже поимкой и плѣномъ живаго, свободнаго существа. Передъ нимъ раскрывалась вся польза отъ сдѣланнаго открытія, намѣчались новыя работы, расширялся горизонтъ,—и, очень довольный, онъ улыбался... О находкѣ «Девгенія» онъ сообщилъ мнѣ съ такимъ видомъ, какъ будто дѣло шло о горячо любимомъ, безъ вѣсти пропавшемъ и снова встрѣченномъ другѣ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова собиратель по призванію. Если признавать въ сферѣ политики типическую способность «собираеть землю», отчего не признать особой, выдающейся талантности въ коллекціонерѣ, заканчивающемъ дѣятельность съ рукописнымъ собраніемъ чуть не въ тысячу номеровъ и несмѣтной библіотекой?

Но одной энергіи собранія мало: не къ скупому рыцарю, способному наслаждаться однимъ видомъ своихъ богатствъ сходились они, и не къ умершему для свѣта монаху-книжнику. Послѣ собранія, дальнѣйшею радостью для Тихонова было распространеніе, изданіе, обнародованіе. Вспомните, сколько заслугъ у него именно по этой части,—вспомните его «Лѣтописи рус. литературы и древности», эти полныя впервые напечатанныхъ матеріаловъ свѣтло-зеленыя книжки, въ свое время ожидавшіяся чуть не съ такимъ же нетерпѣніемъ и любопытствомъ, какъ номера толстыхъ журналовъ,—апокрифы, пьесы

XVII вѣка, былины, житія, повѣсти Гоголя, Фонвизина. Когда постепенно росла на нашихъ глазахъ пачка «чистыхъ листовъ» критическаго изданія фонвизинскихъ текстовъ (послѣдней издательской работы Н. С.), онъ, показывая ее мнѣ, съ удовольствіемъ загадывалъ о той порѣ, когда наконецъ благодаря ему у русскаго читателя будетъ въ рукахъ надежное, достойное автора, изданіе сочиненій отца нашей комедіи, — и любопытные варианты «Бригадира» по рукописи бібліотеки московскаго Малаго театра необыкновенно интересовали его. Въ такихъ издательскихъ замыслахъ у него проявлялось настоящее увлеченіе. Они вѣчно возникали въ его умѣ; иногда ихъ было слишкомъ много заразъ, и своимъ скопленіемъ они вредили другъ другу. Одновременно приходилось работать и надъ гоголевскими текстами, — и надъ древними житіями св. Сергія, которыя Н. С. задумалъ было выпустить къ юбилею. Работа велась тщательнѣйшимъ образомъ, двигалась впередъ медленно и осторожно, — а тѣмъ временемъ вспыхивала новая мысль, влекла въ другую сторону, и прекрасно начатый трудъ останавливался на половинѣ пути. Не только не было стремленія ревниво утаить отъ постороннихъ взоровъ свое достояніе, но порою чувствовалось даже что-то неустойчивое, болѣзненное, лихорадочное въ желаніи оповѣстить какъ можно болѣе новаго и важнаго на весь міръ. Этихъ неровностей и увлеченій не подозрѣвало, конечно, громадное большинство знавшихъ серьезнаго, внушительно выглядывшаго ученаго.

А между тѣмъ это была одна изъ оригинальнѣйшихъ особенностей его, и не только какъ издателя, но и какъ самостоятельнаго изслѣдователя. Еслибъ онъ могъ довести до конца всѣ тѣ работы, которыя остались въ видѣ проекта, свода матеріаловъ, ряда статей безъ окончанія, приложений безъ того труда, къ которому ихъ нужно приложить, — изъ совокупности этихъ работъ съ тѣми, что увидѣли свѣтъ, счастливо доведенныя до конца, составилась бы такой величественный перечень сдѣланнаго однимъ человѣкомъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ, что первостепенное мѣсто въ наукѣ было бы навсегда обезпечено за нимъ.

Въ чемъ искать причины этого явленія? Была ли то величайшая добросовѣстность ученаго, переходившая въ мнительность, то и дѣло внушавшая недовѣріе къ своимъ силамъ, — былъ ли это другой, еще неопредѣленный, капризный недугъ воли, уживающійся съ яснымъ и свѣтлымъ умомъ, съ могучею способностью къ труду?

Но сколько жертвъ сгубилъ онъ, статей неоконченныхъ, книгъ не только приготовленныхъ къ печати, но уже прочтенныхъ въ кор-

ректурѣ и состарѣвшихся въ портфель автора!... Когда академія поручила Н. С. разборъ книги г. Загарина о Жуковскомъ, рецензія превратилась въ обширное изслѣдованіе, съ совершенно новымъ освѣщеніемъ вопроса, съ фактами и сближеніями, способными (судя по примѣрамъ, которые сообщалъ мнѣ во время работы Тихонравовъ) многое измѣнить и въ пониманіи дѣятельности поэта и въ оцѣнкѣ его роли среди романтиковъ,—но рецензія не вышла изъ тѣсныхъ рамокъ своего оффиціального назначенія. Одно время, правда, она приготовлялась авторомъ къ печати, потомъ отложена была въ сторону для новыхъ справокъ и дополненій, и такъ никогда и не была напечатана. Тѣмъ временемъ другіе изслѣдователи могли пройти тѣмъ же путемъ и самостоятельно донестись того, что уже было открыто или хотя намѣчено всезнающимъ, но мнительнымъ предшественникомъ. И это случалось. Когда въ Вѣстникѣ Европы 1881 — 2 гг. стали являться мои статьи о «Западномъ вліяніи въ новой русской литературѣ», впоследствии переработанныя въ видѣ книги, я между прочимъ указалъ на вліяніе пьесы датчанина Гольберга «Jean de France» на «Бригадира» и на точки соприкосновенія между обѣими комедіями. Тихонравовъ, разговорившись о статьяхъ, сообщилъ мнѣ, что такое указаніе сдѣлано уже имъ давно, въ 1855 году, въ біографическомъ очеркѣ Фонвизина, приготовленномъ для задуманнаго къ юбилею Московскаго Университета словаря бывшихъ его питомцевъ. Но какъ бы могъ я узнать объ этомъ, когда статья о Фонвизинѣ сохранилась лишь въ *одномъ* корректурномъ экземплярѣ у автора, и пролежала у него въ бумагахъ безъ малаго *тридцать лѣтъ* (съ 1855 до 1882)?... Такихъ примѣровъ, конечно можно бы привести много. Когда группѣ младшихъ учениковъ Н. С., взявшихъ на себя трудъ пересмотрѣть и издать оставшіяся въ рукописи или корректурѣ сочиненія учителя, удастся выполнить это дѣло, мы узнаемъ еще болѣе примѣчательнаго *посмертнаго* Тихонравова. Чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше.

Но, когда творческая, двигательная сила превозмогала нерѣшительность и строгую требовательность къ себѣ, роившіяся въ такомъ множествѣ предположенія и планы работъ принимали осязательную форму, складывались въ образцовые ученые труды, и отъ нихъ вѣяло, даже подъ старость автора, добрымъ стремленіемъ къ дѣятельной борьбѣ съ рутинной, желаніе пробивать новые пути, упрочивать основы будущаго, широкаго и свободнаго научнаго движенія. Разборъ галаховской «Исторіи словесности» согрѣлъ этимъ, чуть не юношескимъ порывомъ къ борьбѣ и созиданію, и все еще (хоть и много лѣтъ прошло съ его появленія) способенъ возбуждать энергію, звать къ труду, увлекать

широкою замысловъ. И долго будетъ еще руководить изслѣдованіями вопросовъ русской литературной исторіи эта мастерски намѣченная программа работъ, гдѣ библиографическая обстоятельность является только однимъ изъ орудій изслѣдованія, гдѣ изъ-за исторіи книгъ и писателей выдвигается исторія развитія мысли, судебъ творчества, и національная словесность входитъ въ кругъ общечеловѣческой культуры, гдѣ древніе и новѣйшіе литературные факты одинаково важны, какъ звенья безконечной и неразрывной цѣпи, гдѣ сливаются уваженіе къ старинѣ и чуткость къ современнымъ запросамъ. Здѣсь, очевидно, собраны и выражены догадки и желанія, добытыя цѣлою жизнью труда и размышлений, — и добытыя человѣкомъ, который принялъ дѣло изъ рукъ такого приторнаго романтика-клерикала, какъ Шевыревъ, и выступилъ съ своими работами и лекціями въ такую пору, когда *научной* исторіи литературы у насъ не существовало. вмѣстѣ съ Буслаевымъ и Пыпинымъ онъ создалъ ее, — и этого забыть нельзя.

Выполнить единичными силами все намѣченное въ его широкой программѣ было бы почти невысказимо. Но многія важныя части задуманнаго свѣтлаго и стройнаго зданія были имъ возведены; преемникамъ своимъ онъ не только показалъ, *что* дѣлать, но и *какъ* выполнить работу. Нодъ его перомъ воссоздавались цѣлыя эпохи, школы, сложные характеры писателей, — вольнодумцы петровскихъ временъ и современники Максима Грека, масоны и просвѣтители 18 вѣка, начало раскола и театръ 17-го столѣтія, Карамзинъ и Жуковскій, нашъ вѣкъ въ поэзіи Пушкина, повѣсти Тургенева, комедіи Гоголя. Онъ не искалъ красоть слога и не отдѣлывалъ художественно своихъ статей, и все же могъ подѣйствовать ими и на профана и сильно заинтересовать его. То же было и съ его устной рѣчью; онъ сознавалъ недостатки своей дикціи и въ послѣдніе годы въ театральномъ комитетѣ избѣгалъ чтенія вслухъ пьесъ, добродушно отговариваясь тѣмъ, что «его чтеніе всякую пьесу погубить». Но и ясная, образная и содержательная его проза и рѣчь съ кафедры, свободная отъ подкупающихъ слушателя декламационныхъ украшеній, дѣйствовали сильно; прошлое, далекое возрождалось въ нихъ ярко и живо. Рѣдко избиралъ онъ форму біографическаго очерка, — но изъ статьи объ исторической трагедіи Теофана Прокоповича выглядываетъ хитроумное лицо всесильнаго «князя церкви», диктатора, юмориста и солиднаго ученаго, тогда какъ изъ мелкихъ черточекъ, разсыянныхъ по необъятнымъ примѣчаніямъ къ соч. Гоголя, и небольшимъ журнальнымъ этюдамъ о немъ, складывается такой правдивый и грустный образъ великаго писателя, который можетъ дать далеко не всякая

спеціальная монографія съ достоючимъ психологическимъ аппаратомъ. Долго изучая Гоголя, онъ не далъ, однако, развиться той страстной симпатіи къ своему герою, которая такъ часто, словно невольно, вырабатывается у біографовъ. Когда изученіе новыхъ документовъ открывало ему черту характера или подробность жизни, не подходящая къ условному, сплошь положительному образу Гоголя, онъ не скрывалъ ея, не старался приукрасить или навязать писателю цѣльное міросозерцаніе, — и при слѣдующей же встрѣчѣ съ людьми, близко изучавшими Гоголя, снѣшилъ подѣлиться съ ними своимъ наблюденіемъ. На него подчасъ смотрѣли, только какъ на повелителя надъ міромъ рукописей, а онъ съ остротой и проицательностью «второго зрѣнія» видѣлъ передъ собой людей съ ихъ мыслями и страстями, — Пушкина, Гоголя, совѣтъ такъ, какъ боярыню Морозову или протопопа Аввакума. Никогда не былъ онъ способенъ до того специализироваться, чтобъ въ обведеннаго самимъ же человѣкомъ вокругъ себя волшебнаго круга все было ему чуждо. Вспомнимъ хоть это характеристическое совпаденіе: его кандидатское сочиненіе посвящено было германскимъ народнымъ преданіямъ, а первыя статьи говорили о писателяхъ 18 и 19 вѣковъ, — послѣдними его работами были изданіе новыхъ былинныхъ текстовъ, и — біографическія справки о Тургеневѣ.

Это рѣдкое свойство поддержано было постояннымъ общеніемъ съ текущей жизнью. Въ прежніе годы Тихонравовъ могъ казаться отшельникомъ только въ суровой обстановкѣ своего кабинета, но онъ же — учитель гимназій, дѣятель первыхъ воскресныхъ школъ, сторонникъ реформъ, защитникъ правъ университета, Тихонравовъ на каѳедѣ, съ профессорской ли лекціей или съ публичной рѣчью, всегда стремился быть просвѣтителемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Недавно прочли мы задушевныя воспоминанія о немъ одного изъ бывшихъ его учениковъ — гимназистовъ; съ глубокой благодарностью говоритъ онъ о возбуждающемъ вліяніи любимаго учителя на молодые умы, о его чтеніяхъ, открывавшихъ передъ ними новый міръ, о горячихъ бесѣдахъ съ нимъ на дому, чуть не цѣлыя ночи напролетъ, о научныхъ вопросахъ, и о томъ, что волновало тогда всю Россію. Такимъ былъ онъ въ средней школѣ. Но какъ умѣлъ онъ оживить и свой профессорскій трудъ, который онъ могъ бы ограничить дѣловымъ, систематически правильнымъ изо дня въ день, сообщеніемъ возможно большаго запаса свѣдѣній и тѣмъ уже приобрести извѣстность! Тѣ, кто слушалъ его въ послѣдніе годы его пребыванія въ университетѣ, когда силы его стали слабѣть и онъ

читалъ по необходимости краткіе курсы, часто манкируя, составили себѣ, конечно, о немъ, какъ профессорѣ, очень неполное представленіе. Правда, въ тѣ дни, когда онъ являлся на кафедрѣ, ихъ поражала новизна сообщаемыхъ имъ фактовъ, взятыхъ изъ первоисточника, самостоятельность взглядовъ. Но какъ же должны были дѣйствовать на студентовъ въ прежніе, лучшіе годы цѣлые обширные курсы, блиставшіе такою новизною, — живымъ отпечаткомъ только что законченнаго изслѣдованія!

Когда Тихонравовъ началъ свою дѣятельность въ университетѣ, исторія всеобщей литературы еще не признавалась особымъ научнымъ предметомъ, не входила въ программу, и словно контрабандой проникала въ кругъ познаній студентовъ. Онъ первый далъ ей свободный доступъ въ историческій обзоръ не только новой, но и древней русской словесности, широко примѣнялъ сравнительный методъ, вводилъ пространныя эпизодическія экскурсіи въ литературную исторію Запада (наприм. въ исторію европейскаго театра, просвѣтительнаго движенія 18 вѣка и т. д.), — и передъ слушателями раскрывалась во всей своей полнотѣ умственная жизнь былыхъ вѣковъ.

Первый, слышанный мною, курсъ Тихонравова, былъ посвященъ 16 вѣку; рѣчь шла о Максимѣ Грекѣ и его кружкѣ, о броженіи идей, церковныхъ спорахъ, развитіи астрологіи и суевѣрій. Какъ легко было бы истомить молодые умы сухимъ перечнемъ рукописнаго матеріала или одностороннимъ изученіемъ полемики церковниковъ! Но этого не было. Набросанная сильными штрихами, представлялась картина повсемѣстнаго, тревожнаго исканія правды, полнаго колебаній и ошибокъ, слышались русскіе отголоски сомнѣній и надеждъ, волновавшихъ дальній Западъ, прелесть тайныхъ знаній какъ будто манила къ себѣ отъ несовершенствъ жизни, — и среди поры перелома выступала не оцѣненная, не понятая просвѣтительная проповѣдь Максима. Когда въ «большой словесной» аудиторіи звучала эта повѣсть о быломъ, начиналась уже эпоха реформъ, мысль невольно влеклась къ живой современности, и отдаленное прошлое могло, казалось бы, вызвать лишь спокойное вниманіе. Но такъ наглядно возрождалась передъ нами такая же пора перехода отъ стараго къ новому, такъ правдиво пересказана была душевная жизнь давно минувшихъ поколѣній, и такъ обаятельно дѣйствовала сила науки, способной доходить до такихъ блестящихъ результатовъ, что все были увлечены, и сильнѣе возбужденной любознательности было желаніе когда нибудь самимъ такъ же поработать и объяснить себѣ и другимъ наше народное прошлое, судьбы русской мысли и творчества....

Вспоминать объ этой лучшей порѣ становилось все грустнѣе въ послѣдніе годы жизни Тихонравова. Передъ нами былъ утомившійся, часто болѣвшій старикъ, у котораго руки тряслись и голосъ дрожаль отъ волненія, когда ему (очень рѣдко) приходилось всходить на кафедру, столь привычную ему, и читать свою тщательно написанную и, стало быть, не пугавшую никакими случайностями, рѣчь. Теперь уединеніе рабочей комнаты сильнѣе прежняго манило его къ себѣ; рѣдко показывался онъ въ обществѣ. Завязавшіяся было связи съ театромъ были, казалось, единственнымъ его соприкосновеніемъ съ жизнью. Но онъ не переставаль слѣдить за нею, хоть издали, принимая къ сердцу отрицательныя ея явленія, негодуя на успѣхи невѣжества, посредственности, застоя; богатый запасъ памяти открываль ему много мѣткихъ сравненій съ русскимъ прошлымъ. Казалось, еслибъ ему только прежнія силы, онъ сьумѣль бы и теперь постоять за себя и за убѣжденія, которыя всегда были ему дороги. Могъ ли иначе доживать свой вѣкъ тотъ, чья ранняя молодость совпала съ сороковыми годами, а разцвѣтъ съ пробужденіемъ русскаго общества въ слѣдующемъ десятилѣтіи, тотъ, чьи первые шаги въ наукѣ были направлены Грановскимъ?!

Среди работы или дѣловыхъ занятій, онъ все чаще заговариваль о смерти и дѣлаль это совсѣмъ спокойно, точно рѣчь шла о самомъ естественномъ дѣлѣ, объ отдыхѣ послѣ долгаго пути. И, когда насталь этотъ отдыхъ, блаженное сознаніе спокойствія свѣтилось на лицѣ заснуващаго навѣки. Оно похорошѣло, это лицо, и, вглядываясь въ него, можно было забыть тяжелую обстановку одинокой и страдальческой кончины. Вотъ онъ, предѣль всемъ страстямъ и слабостямъ человѣка, и всему великому и доброму,—вѣчное безмолвіе. Могучая трудовая сила скошена. Безъ устали, день-деньской работаль человекъ, намаялся, притомился, и дремлетъ непробудно....

Алексѣй Веселовскій.

Н. С. въ корпусѣ и въ воскресныхъ школахъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1857 года я перешелъ въ 3-й спеціальный классъ 1-го Московскаго Кадетскаго корпуса. Этотъ классъ, имѣвшій назначеніе готовить къ поступленію въ военныя академіи, соотвѣтственно имъ, раздѣлялся на три отдѣленія: генеральнаго штаба, артиллерійское и инженерное. Въ различныхъ отдѣленіяхъ преподавались соотвѣтственные спеціальные предметы, а въ отдѣленіи генеральнаго штаба кромѣ того и общеобразовательные: исторія, статистика, законовѣдніе; русскій языкъ былъ общимъ для всѣхъ трехъ отдѣленій. Тогдашній инспекторъ классовъ полковникъ А. А. Кузьминъ, человекъ весьма умный и образованный, обставилъ 3-й спеціальн. классъ лучшими преподавательскими силами, преимущественно профессорами университета. По исторіи былъ С. М. Соловьевъ, по статистикѣ И. К. Бабеть, по законовѣднію М. Н. Капустинъ (нынѣшній попечитель Петербург. учеб. округа), по русскому языку Н. С. Тихонравовъ, по математикѣ полковникъ Н. П. Ворошцовъ-Вельяминовъ (нынѣшній попечитель Харьковскаго учеб. округа). Занятія по русскому языку, исторіи и статистикѣ преимущественно состояли въ сочиненіяхъ, которыя кадеты писали подъ руководствомъ указанныхъ преподавателей. Я былъ въ инженерномъ отдѣленіи и здѣсь впервые познакомился съ Н. С. Тихонравовымъ. Онъ быстро сдѣлался нашимъ общимъ любимцемъ, и, можно сказать, цѣлый годъ мы были съ нимъ неразлучны, такъ какъ постоянно по субботамъ посѣщали его, несмотря на то, что онъ жилъ тогда въ порядочномъ разстояніи отъ корпуса—на Бронной, у Рождества въ Палашахъ, рядомъ съ математикомъ Н. Н. Алексѣевымъ.

Н. С. предложилъ намъ нѣсколько темъ, изъ которыхъ каждый и выбралъ себѣ одну для сочиненія. Онъ указывалъ источники и посо-

бія, котрыя каждый долженъ изучить, и тутъ къ нашимъ услугамъ была его огромная бібліотека; онъ и самъ привозилъ намъ кучи книгъ, и мы брали ихъ у него дома при посѣщеніи его. На урокахъ въ корпусѣ и у себя дома Н. С. подробно разсматривалъ каждую тему, разбиралъ источники, развивалъ и разъяснялъ планъ сочиненія; намъ оставалось изучать подробнѣе указанное и писать. По мѣрѣ написанія какой-нибудь части сочиненія, она читалась въ классѣ и разбиралась. Память у Н. С. была изумительная: онъ не только помнилъ тему каждого изъ 14 кадетъ, но помнилъ, кто что написалъ, что читаетъ въ данное время, какую часть темы разрабатываетъ. Часто онъ присылалъ намъ маленькія руководящія записочки, въ которыхъ указывалъ, чѣмъ каждый изъ насъ долженъ въ ближайшее время заняться. У меня сохранилась одна такая записочка:

«В—ій.—Прочитать статью Пыпина въ Отечественныхъ Запискахъ 1858 № 1 и выбрать оттуда, что нужно, для темы. Не у васъ ли Вашъ разборъ Слова о П. Иг.?»

Я писалъ объ нашихъ историческихъ пѣсняхъ, и Н. С. давалъ мнѣ также читать рукопись своего сочиненія въ университетѣ на медаль, которое, кажется, такъ и осталось въ рукописи.

Много пользы принесли намъ эти занятія: мы много читали, много узнали отъ Н. С.. Онъ умѣлъ особенно возбуждать охоту къ работѣ и труду; безъ всякаго учительскаго тона, просто и задушевно относился онъ къ намъ; мы не видѣли въ немъ, какъ въ другихъ, недоустаннаго учителя—начальство; мы скорѣе видѣли въ Н. С. товарища, но товарища старшаго, много-знающаго, многоопытнаго, умнаго, любящаго и доброжелательнаго. Н. С. былъ педагогъ по призванію; онъ обладалъ необыкновенною способностью учить, что онъ доказалъ и у насъ въ корпусѣ, и въ гимназіи, и въ частныхъ пансіонахъ, и на частныхъ урокахъ. Н. С. во всѣхъ отношеніяхъ вліялъ на насъ благотворно, онъ «воспитывалъ въ насъ лучшія стороны души», какъ выразился одинъ изъ моихъ товарищей Н. И. Х—ій. Въ этомъ отношеніи Н. С. былъ достойнымъ ученикомъ Грановскаго и Кудрявцева, къ которымъ всегда питалъ глубокое уваженіе. Не разъ мы посѣщали съ нимъ въ лѣтнее время могилу Грановскаго на Пятницкомъ кладбищѣ.

Особенно простъ, обходителенъ и привлекателенъ былъ Н. С. у себя дома, когда собиралась вокругъ него толпа молодежи. Тутъ шелъ неумолкаемый веселый разговоръ, часто далеко за полночь, прерываемый серьезными бесѣдами и чтеніемъ. Н. С., не смотря на свою шепе-

лявость, читалъ очень хорошо, и его чтеніе производило сильное впечатлѣніе. Хорошо помню, какъ онъ читалъ «Муму» Тургенева, отрывки изъ Пушкина, Искандера и т. п.. На этихъ вечерахъ намъ приходилось слушать также рассказы П. М. Садовскаго и И. Ѳ. Горбунова; здѣсь мы видѣли и слушали А. Н. Островскаго, Н. И. Костомарова и др..

Наша общая любовь къ Н. С. выразилась въ концѣ учебнаго года особымъ, рѣдкимъ въ то время, способомъ. Во первыхъ, мы всѣмъ классомъ сняли фотографическую группу, посадивши въ средину Н. С.— и больше никого. Во вторыхъ, въ день окончанія выпускныхъ экзаменовъ, 10 мая 1858 года, мы поднесли ему на память отъ класса сочиненія Фихте, Гоголя, Канта и Шеллинга, всего около 100 томовъ, всѣ въ переплетахъ и съ нашими подписями на первыхъ томахъ. Объ этомъ подношеніи я заявилъ на другой же день инспектору классовъ, какъ старшій фельдфебель (1-й роты), Н. С. съ своей стороны поздравлялъ насъ шампанскимъ съ окончаніемъ экзаменовъ и съ близкимъ производствомъ въ офицеры. Вскорѣ насъ повезли въ Петербургъ для публичнаго экзамена, и Н. С. поѣхалъ съ нами; помню, что онъ оставился у Пекарскаго.

На другой годъ послѣ выхода изъ корпуса я бросилъ инженерскую академію, въ которую было поступилъ, бросилъ военную службу и задумалъ поступить въ университетъ. Въ первый разъ я не выдержалъ пріемнаго экзамена, потому что совершенно не былъ подготовленъ по латинскому языку, и хлопоты Н. С. о моемъ поступленіи не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ профессоръ Пѣховскій не смягчился. Только черезъ годъ, въ 1860 году, я поступилъ на историко-филологическій факультетъ и опять сдѣлался слушателемъ Н. С.

Возвратившись изъ Петербурга опять въ Москву, я сталъ попрежнему посѣщать часто Н. С., вмѣстѣ съ тѣми моими товарищами, которые оставались въ Москвѣ: я былъ у него уже въ первый день по пріѣздѣ, на Гороховомъ полѣ, въ д. Волкова. Въ это время Н. С. началъ издавать «Лѣтописи русской литературы», и мы иногда помогали ему въ корректурахъ и при отправкѣ книжекъ на почту. Если являлась подобная надобность, то онъ присылалъ за нами, чаще всего за И. П. З—имъ. Сидишь бывало вечеромъ дома, на Сивцевомъ вражкѣ, — приносить записочку отъ Н. С. (онъ переѣхалъ тогда на Пречистенку, въ д. Куроѣдова): «Сдѣлайте одолженіе, приходите теперь ко мнѣ (если можно) или пришлите (а если сами не откажетесь притти, за-

хватите съ собою) 3 — аго, который очень нуженъ для написанія 4 адресовъ. 2-я книжка вышла и завтра должна быть отправлена иногороднымъ. У меня желчь разлилась или другая какая болѣзнь; но я два дня боленъ невыносимо, хотя и на ногахъ. Завтра на лекцію не иду» (10 мар. 1860). Другой разъ (21 мар. 1860) онъ писалъ: «Я работаю, какъ жидъ; и 4-я книжка заставитъ Костомарова призадуматься, она выйдетъ въ среду... только не въ эту. Тамъ будетъ не только Савва Грудцынъ, но и Ерусланъ по рукописи XVII вѣка. Да еще какой! Это такая находка, которая не уступитъ никакому Якушкину». Прибавка:... «только не въ эту» — относится къ нашимъ постояннымъ подсмѣиваніямъ надъ необыкновенною неаккуратностью въ выходѣ книжекъ «Лѣтописей», которыя изъ ежегодныхъ скоро превратились въ двухлѣтнія.

Въ концѣ 1859 года между студентами явилась мысль открыть въ Москвѣ такія же воскресныя школы, какія были уже устроены въ Кіевѣ. Н. С. принялъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и сталъ во главѣ его. Студенты и нѣкоторые другія лица собирались у него для обсужденія этого дѣла; потомъ стали собираться въ зданіи новаго университета, въ гербаріи. Н. С. работалъ неутомимо: входилъ въ сношеніе съ Кіевскими школами, училъ студентовъ, читалъ цѣлыя лекціи о звуковомъ методѣ обученія грамотѣ, возилъ насъ по приходскимъ училищамъ, гдѣ были хорошіе преподаватели; между ними особенно выдавался тогда Глики. Н. С. собиралъ деньги, покупалъ книги, бумагу, карандаши, устроилъ литературное утро въ пользу воскресныхъ школъ въ зданіи 4-й гимназіи (гдѣ теперь Румянцевскій музей). На этомъ утрѣ особенный восторгъ вызвалъ заключительный стихъ (изъ пьесы «Жакардовъ станокъ») мастерски, съ большимъ воодушевленіемъ, прочитанный ветераномъ нашей сцены М. С. Щепкинымъ. Насколько помню, это былъ только куплетъ:

Честь мозолистымъ рукамъ,
Слава каждой каплѣ пота!
Слава честнымъ бѣднякамъ,
Да спорится ихъ работа!

Незадолго до открытія 1-й воскресной школы на улицахъ наклеено было «Объявленіе о бесплатныхъ воскресныхъ школахъ», написанное Н. С. особенно просто и удобопонятно: «Съ іюня мѣсяца открываются въ Москвѣ бесплатныя школы, въ которыхъ по воскресеньямъ и празд-

ничными днями отъ 11 до 2 часовъ будутъ учить Закону Божию, грамотѣ, счисленію на счетахъ и на бумагѣ. Книги и все нужное для уроковъ будутъ выдаваться даромъ. Кто хочетъ учиться въ этихъ школахъ, долженъ только явиться заранѣе въ одно изъ слѣдующихъ мѣстъ: или 1) въ Городское, противъ Части, уѣздное Училище къ Смотрителю Александровскому; или 2) во 2-е Уѣздное училище, что на Якиманкѣ, къ Смотрителю Роберовичу; или 3) въ 3-е Уѣздное училище, на Лубянкѣ, въ домѣ 3-й Гимназіи къ Смотрителю Николаеву; или 4) къ студенту Федотову на Прѣсенскихъ прудахъ, въ Конюшкахъ, въ собственномъ домѣ; или 5) къ студенту Манасеину, на 1-й Мѣщанской, близъ Середишки, въ домѣ Башкировой. Первая школа открыта будетъ въ Городскомъ Уѣздномъ Училищѣ, въ Воскресенье 12 іюня, въ 11 часовъ утра».

Когда школы открылись, Н. С. усердно наблюдалъ за ними и каждое воскресенье и праздникъ объѣзжалъ ихъ, направляя дѣятельность учащихся. Н. С. началъ печатать отчеты о ходѣ воскресныхъ школъ. Первый такой отчетъ появился въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 6 іюля. Къ сожалѣнію, всего вышло только два такихъ отчета, обнимающіе время съ появленія мысли о школахъ до конца августа 1860 года. Въ этомъ сказалась характерная черта Н. С.: онъ горячо брался за дѣло, отдавался ему всей душой, но скоро у него являлось охлажденіе къ дѣлу, которое онъ уже поставилъ на ноги, онъ бросалъ его, увлекался чѣмъ нибудь другимъ, и тутъ повторялось тоже.

Такъ какъ въ этихъ двухъ отчетахъ — вся исторія воскресныхъ школъ въ періодъ ихъ возникновенія, то я считаю умѣстнымъ воспроизвести ихъ здѣсь по сохранившимся у меня оттискамъ, тѣмъ болѣе, что они написаны самимъ Н. С..

Хроника Московскихъ воскресныхъ школъ.

I.

Мысль объ учрежденіи въ Москвѣ воскресныхъ школъ возникла среди студентовъ здѣшняго Университета въ то время, когда онѣ уже открыты были въ Кіевѣ. Вскорѣ кружокъ студентовъ увеличился присоединеніемъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе преподавать въ воскресныхъ классахъ. Попечитель Кіевского учебнаго округа Н. И. Пироговъ, по просьбѣ составившагося такимъ образомъ общества, сообщилъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ Кіевскихъ воскресныхъ школъ и ходѣ преподаванія въ нихъ, такъ что при состав-

влениі проекта Московскихъ воскресныхъ школъ уже можно было воспользоваться нѣкоторыми указаціями, которыя дали первый опытъ этого дѣла на нашей почвѣ. Соображенія объ устройствѣ Московскихъ воскресныхъ школъ, представленныя въ ноябрѣ прошлаго года на разсмотрѣніе высшаго начальства, были утверждены въ апрѣлѣ текущаго года, и тогда можно было принять нѣкоторыя мѣры для матеріальнаго обезпеченія будущихъ школъ. По добровольной подпискѣ въ пользу воскресныхъ классовъ, открытой въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, собрано было до 1-го іюня 449 р. сер.. Литературное утро, устроенное А. П. Островскимъ и артистами Императорскихъ Театровъ: Н. О. Горбуновымъ, П. М. Садовскимъ, П. В. Самаринимъ, С. В. Шумскимъ и М. С. Щепкинымъ, доставило въ распоряженіе учредителей школъ 350 р. сер.. Съ особеннымъ чувствомъ благодарности заносимъ мы въ нашу хронику имена людей, которые подарили намъ своимъ довѣріемъ и сочувствіемъ въ то время, когда наши планы и предположенія еще сдерживались страхомъ разбиться о первую случайность. Книгопродавецъ Н. М. Щепкинъ пожертвовалъ 17 томовъ своихъ изданій въ бібліотеку воскресныхъ школъ. Книгопродавецъ А. П. Черенинъ доставилъ въ пользу школъ 20 различныхъ брошюръ и учебниковъ.

Съ такими средствами приступлено было къ открытію въ Москвѣ безплатныхъ воскресныхъ школъ, для помѣщенія которыхъ начальство Московскаго учебнаго округа представило начальныя и уѣздныя училища.

Первая воскресная школа открыта 12-го іюня въ зданіи 1-го уѣзднаго училища (въ Ипатьевскомъ переулкѣ, противъ Городской части). Число явившихся въ самый день открытія первой школы (156 челов., изъ нихъ грамотныхъ 85, остальные неграмотные ¹⁾) заставило озаботиться немедленнымъ открытіемъ новыхъ школъ, которыя могли бы отвлечь часть учениковъ Городской школы и принять въ себя вновь поступавшихъ. При дробленіи учениковъ первой школы, а равно и при открытіи воскресныхъ школъ въ той или другой мѣстности, принято было за основаніе руководствоваться потребностями и удобствами учащихся. А потому ¹⁾ объявлено было, что желающіе учиться въ воскресныхъ школахъ могутъ заявлять о своемъ желаніи во всѣхъ начальныхъ училищахъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ города, и какъ только въ какой либо мѣстности окажется болѣе 30 человекъ записавшихся, тамъ немедленно будетъ открыта школа;

¹⁾ По спискамъ 175.

2) рассмотрѣны были адреса учениковъ 1-й школы, и новыя воскресныя школы открыты въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ близки были квартиры большинства учениковъ, именно: 19-го іюня, вторая школа въ Мѣщанскомъ начальномъ училищѣ (у Адриана и Наталіи, на 2-й Мѣщанской); 26-го іюня—третья у Серпуховскихъ воротъ, въ домѣ Серпуховскаго училища; 3-го іюля—четвертая на Лубянкѣ, въ домѣ 3-й Реальной Гимназіи.

Въ Мѣщанскую (вторую) школу въ день открытія ея явилось 28 человекъ ¹⁾; 24-го іюня—31 чел.; 26-го—81 чел.; 29-го ученія въ Мѣщанской школѣ, по случаю поправки зданія, не было; 3-го іюля—42 чел. ²⁾.

Въ третью, Серпуховскую школу, явилось:

26-го іюня	42 чел.
29-го >	51 >
3-го >	44 >

Въ четвертую, Мясницкую школу, въ день открытія ея явилось 29 учениковъ.

Приливъ учащихся въ тѣсныя классы первой школы не прекращается. Послѣ выдѣленія изъ нея учениковъ во вторую и третью школы, число учениковъ было:

19-го іюня	180
24-го >	175
26-го >	134
29-го >	155
3-го іюля	152.

Такимъ образомъ 3-го іюля во всѣхъ четырехъ школахъ было на лицо 267 чел. ³⁾; по спискамъ 321.

Хотя въ объявленіи объ открытіи воскресныхъ школъ не было упомянуто о женскихъ воскресныхъ классахъ; но являлось очень много дѣвицъ, съ просьбою принять ихъ въ воскресныя школы. На 20 учениковъ приходится 5 лицъ женскаго пола, изъявившихъ желаніе учиться по воскресеніямъ и праздникамъ. Чтобы удовлетворить высказанной такимъ образомъ потребности, будетъ открыта въ непро-

¹⁾ Въ число этихъ 28 чел., кромѣ отдѣленныхъ изъ 1-й школы, вошли и вновь поступившіе прямо въ Мѣщанскую школу.

²⁾ Это пониженіе съ 81 на 42 объясняется тѣмъ, что изъ числа 81—40 человекъ, явившихся съ фабрики Прохорова, отдѣлены въ особую школу, которая откроется 10-го іюля на Трехъ Горахъ.

³⁾ Сюда не вошли 40 человекъ, отдѣленные въ 5-ю школу.

должилельномъ времени женская воскресная школа на Тверскомъ бульварѣ, въ Тверскомъ начальномъ училищѣ.

Каждая воскресная школа раздѣляется на А) отдѣленіе грамотное и Б) отдѣленіе неграмотное. Въ отдѣленіи неграмотномъ обучаютъ: 1) Закону Божію, 2) чтенію и 3) письму. Отдѣленіе грамотное занимается: 1) отчетливымъ чтеніемъ, 2) письмомъ, 3) арифметикою до сложнаго тройнаго правила включительно и практическими упражненіями на счетахъ. Законъ Божій преподается въ томъ и другомъ отдѣленіи соединенно. Желающіе обучаются *техническому рисованію* ¹⁾.

I. *Законъ Божій*. Изложеніе исторіи Ветхаго и Новаго Заветъ, объясненіе важнѣйшихъ молитвъ и Символа вѣры. Руководствомъ при преподаваніи служатъ: 1) *Разказы о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа* и 2) *Библейская исторія въ разказахъ*, изданная въ Карлеруэ. Заучиваніе наизусть не допускается.

II. *Чтеніе въ грамотномъ отдѣленіи*. Въмѣстѣ съ учениками учитель читаетъ какой нибудь краткій разказъ; заставляетъ учениковъ повторить прочитанное; поясняетъ содержаніе отрывка подробностями изъ естественной исторіи, технологіи, исторіи отечественной. Въ случаѣ нужды сопровождаетъ свои объясненія указаніемъ на рисунокъ. Въ настоящее время читаютъ въ классѣ: 1) отрывки изъ *Книги Наума о великомъ Божіемъ мѣрѣ*, Максимовича и 2) 4-й и 5-й выпускъ *Народныхъ бесѣдъ*, г. Григоровича (Русскіе знаменитые престололюдины и Нравы и обычаи разныхъ народовъ).

III. *Чистописаніе*. Ученики пишутъ съ прописей, а болѣе набившіе руку въ письмѣ съ книги, для механическаго навыка въ правописаніи.

IV. *Арифметика*, по методѣ Грубе.

Въ неграмотномъ отдѣленіи обучаютъ, кромѣ закона Божія, *чистописанію*, по Американской методѣ. Большую часть времени занимаетъ обученіе *чтенію*. Отстранивъ методу Золотова, которая, по нашему убѣжденію, страдаетъ многими недостатками, мы ввели въ Московскія воскресныя школы такъ-называемую звуковую методу (*Lautir-Methode*), пользующуюся всеобщимъ распространеніемъ въ народныхъ школахъ Германіи. При этой методѣ употребляется складной букварь. За эту методу говорить авторитетъ Оливье, Стефани, Дистервега и та осязательная польза, которую она приносить въ Московскихъ начальныхъ училищахъ, куда она введена была по распоряженію бывшаго Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Графа С. Г. Строганова.

¹⁾ Техническое рисованіе введено пока только въ двухъ школахъ; въ остальныхъ оно не преподается, за немѣнимъ преподавателей.

Преподаватель технического рисования дѣлитъ учениковъ на группы и занимается съ каждою рисою примѣнительно къ тому ремеслу или производству, которому посвятилъ себя учащійся.

По своему положенію и назначенію, воскресная школа не можетъ считатьъ на ту правильность въ посѣщеніи классовъ, на тѣ твердые опредѣленные сроки начала и конца курса, какіе существуютъ въ учебныхъ заведеніяхъ обязательнаго характера. Двери воскресной школы во всякое время года открыты всякому новичку. Положительно запрещая *всякія* наказанія, Московскія воскресныя школы считаютъ нелишнимъ поощрять наградами прилежаніе въ своихъ добровольныхъ ученикахъ; эти награды будутъ состоять въ раздачѣ полезныхъ книгъ тѣмъ, которые окажутъ наиболѣе прилежанія и ревности къ ученію. Тѣ, которые вслѣдствіе неправильнаго посѣщенія классовъ или другихъ причинъ, отстали отъ товарищей, — составляютъ въ каждой школѣ особое отдѣленіе — новичковъ и отсталыхъ. Оно имѣетъ своихъ наставниковъ.

Остальные для большаго успѣха занятій могутъ быть распредѣляемы по 4—7 челов. между сверхштатными наставниками школы. Такимъ образомъ въ каждой воскресной школѣ существуетъ, кромѣ двухъ главныхъ отдѣленій, классъ новичковъ и отсталыхъ. Составленіемъ такого класса занимается инспекторъ школы, который по списку слѣдитъ за посѣщеніемъ классовъ учениками.

Преподаваніемъ въ четырехъ воскресныхъ школахъ занимается 23 челов., изъ нихъ 16 студентовъ Университета, 3 священника, 1 діаконъ, 1 ученый садовникъ, 2 непринлежащихъ къ Университету лица, имѣющихъ право на преподаваніе.

Желающіе преподавать въ Московскихъ воскресныхъ школахъ благоволятъ заявлять о своемъ желаніи преподавателямъ ихъ во время ихъ еженедѣльныхъ собраній (въ зданіи новаго Университета, въ субботу, въ 5 часовъ по полудни). Принимающіе на себя обязанность преподавателей воскресной школы, съ тѣмъ вмѣстѣ подчиняются всѣмъ существующимъ постановленіямъ относительно воскресныхъ школъ. Черезъ каждые четыре урока всѣ преподаватели воскресной школы баллотированы на право продолжать въ нихъ преподаваніе, неспособные устраниваются посредствомъ баллотировки.

Учредители Московскихъ воскресныхъ школъ смѣютъ надѣяться, что люди опытные въ дѣлѣ преподаванія и близко знакомые съ бытомъ и потребностями ремесленнаго класса, не оставятъ школъ своимъ указаніями, а тѣ, отъ которыхъ ближе всего зависятъ ученики воскресныхъ школъ, не откажутся содѣйствовать ихъ успѣху, поощряя

между своими работниками, учениками и мастеровыми посѣщеніе воскресныхъ классовъ. «Хроника» воскресныхъ школъ будетъ давать постоянный отчетъ о томъ, воспользовались ли они тѣми замѣчаніями, которыя будутъ высказаны печатно или записаны посторонними лицами въ одной изъ воскресныхъ школъ, куда допускаются всѣ желающіе присутствовать во время уроковъ. Матеріальныя средства Московскихъ школъ пока не велики; но частная благотворительность, мы твердо увѣрены, поддержитъ ихъ на будущее время, какъ поддерживала до сихъ поръ ¹⁾.

Изъ суммы, до сихъ поръ собранной, издержано на приобрѣтеніе книгъ и другихъ учебныхъ пособій 132 р. 70 к. сер.; остается 666 р. 30 к. Изъ книгъ нѣкоторыя употребляются только въ классахъ, другія выдаются для чтенія на домъ, третьи раздаются ученикамъ въ видѣ подарковъ. До сихъ поръ грамотнымъ роздано было въ ихъ полную собственность Евангеліе на Русскомъ языкѣ, къ сожалѣнію не всѣмъ, по неимѣнію въ Московской синодальной лавкѣ нужнаго для школъ количества экземпляровъ Евангелія.

(Изъ № 147-ю Моск. Вид. 1860 года).

II.

Въ теченіи іюля мѣсяца открыты въ Москвѣ, сверхъ четырехъ существовавшихъ, двѣ новыя воскресныя школы. Помѣщеніе для 5-й воскресной школы доставилъ К. В. Прохоровъ, на первой своей фабрикѣ, и такимъ образомъ представилась возможность учредить школу въ той мѣстности, которая, по составу своего населенія, наиболѣе нуждалась въ воскресныхъ классахъ, а между тѣмъ не имѣла ихъ за недостаткомъ по близости казенныхъ училищныхъ зданій. Школа эта открыта 17-го іюля.

Въ то же время приставъ Тверской части донесъ Московскому оберъ-полицеймейстеру, что ученики и рабочіе ремесленныхъ заведеній, состоящихъ ввѣренной ему части въ 3-мъ кварт., числомъ 65 человекъ, изъявили желаніе учиться въ воскресныхъ классахъ, хозяева же заведеній, имѣя въ виду, что таковыя школы могутъ быть открыты во всякой мѣстности, гдѣ окажется записавшихся въ ученики 30 человекъ, ходатайствуютъ объ открытіи школы въ Тверскомъ училищѣ и на поупку классныхъ принадлежностей, необходимыхъ

¹⁾ Пожертвованія въ пользу школъ могутъ быть доставляемы въ Редакцію *Московскихъ Видомостей* или въ книжные магазины гг. Щепкина, Баунова и Глазунова.

для открытія школы, добровольно жертвуютъ 73 руб. сер.». Вслѣдствіе этого, учредители воскресныхъ школъ должны были отказаться отъ своего прежняго, уже заявленнаго печатно, предположенія устроить въ Тверскомъ училищѣ женскіе воскресные классы, и 31-го іюля открыли въ немъ шестую воскресную школу для лицъ мужскаго пола.

Открытіе новыхъ школъ въ разныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностяхъ Москвы, дало возможность дать болѣе правильный ходъ преподаванію въ нихъ. Въ іюнѣ и первой половинѣ іюля скопилось въ трехъ тѣсныхъ комнатахъ 1-й (Городской) школы до 200 человекъ, изъ которыхъ многіе приходили сюда изъ Рогожской, съ Трехъ-Горь, Прѣсни, Нѣмецкой улицы. Преподавателямъ трудно было слѣдить за успѣхами каждаго изъ учениковъ; распределить ихъ на группы не было также никакой возможности, вслѣдствіе той же тѣсноты помѣщенія. Въ настоящее время, съ увеличеніемъ числа школъ и преподавателей въ нихъ, ученики распределены по классамъ съ болѣею сообразностію, посѣщаютъ школу исправнѣе, и преподаваніе получило болѣе ровное теченіе. Лишь въ 4-й воскресной школѣ, которая поставлена на весьма выгодномъ мѣстѣ (между Городомъ, Кузнецкимъ мостомъ, Покровкою и Срѣтенкою), постоянно возрастающее число учениковъ мѣшало успѣшному ходу занятій, пока учащіеся не были переведены въ болѣе просторные классы 3-го уѣзднаго училища (въ зданіи той же 3-й гимназій, гдѣ помѣщается и Мясницкое училище, занятое 4-ю школою).

8-го іюля явилось:	въ 1 школу	83 чел.
	во 2	45 "
	въ 3	60 "
	въ 4	70 "
	Всего . .	258 чел.

10-го іюля явилось:	въ 1 школу	85 чел.
	во 2	43 "
	въ 3	52 "
	въ 4	98 "
	Всего . .	278 чел.

17-го іюля явилось:	въ 1 школу	78 чел.
	во 2	52 "
	въ 3	54 "
	въ 4	95 "
	въ 5	38 "
	Всего . .	317 чел.

20-го іюля явилось:	въ 1 школу	74 чел.
	во 2 „	61 „
	въ 3 „	42 „
	въ 4 ученья	не было
	въ 5 „	70 „
	Всего . .	247 чел.

24-го іюля явилось	въ 1 школу	66 чел.
	во 2 „	110 „
	въ 3 „	53 „
	въ 4 „	125 „
	въ 5 „	100 „
	Всего . .	454 чел.

Остальныя цифры отчета отлагаемъ до слѣдующей хроники. Вообще замѣчено, что по праздникамъ школы посѣщаются менѣе, чѣмъ по воскреснымъ днямъ, по причинамъ, большею частію независящимъ отъ учащихся. Это заставило насъ не на всякій праздникъ назначать классы.

Въ 1-й воскресной школѣ преподавателей 7, во 2-й 8, въ 3-й 6, въ 4-й 7¹⁾, въ 5-й 7, въ 6-й 7. Изъ 41 преподавателей воскресныхъ школъ, 4 священника, 3 діакона, 1 ученый садовникъ, два не принадлежащихъ къ университету лица, имѣющихъ право на преподаваніе, 3 кандидата Московскаго Университета, 1 сторонній слушатель и 27 студентовъ университета.

Пожертвованій въ теченіе іюля мѣсяца поступило 54 руб. 50 к., что вмѣстѣ съ оставшеюся школьною суммою составляетъ 716 р. 80 к. ²⁾ Издержано на покупку книгъ и разныхъ учебныхъ пособій 46 р. 49 к.; остается 670 руб. 31 коп. Московскій книгопродавецъ А. П. Глазуновъ пожертвовалъ въ пользу воскресныхъ школъ 44 тома разныхъ дѣтскихъ книгъ, учебниковъ и ученыхъ сочиненій. Изъ нихъ нѣкоторыя назначены въ подарокъ лучшимъ изъ учениковъ воскресныхъ школъ (Кольцовъ, Чтеніе для юношества), другіе даются ученикамъ для домашняго чтенія, третьи переданы въ учительскую бібліотеку воскресныхъ школъ. Необходимость послѣдней уже признана преподавателями, и положено принять мѣры для составленія бібліотеки, которую могли бы пользоваться преподаватели воскресныхъ школъ. Редакція «Кіевскаго Телеграфа» пожертвовала экземпляръ своей газеты въ бібліотеку воскресныхъ школъ.

Въ распредѣленіи и способѣ преподаванія учебныхъ предметовъ

¹⁾ Преподаваніемъ рисованія въ 1-й и 4-й школѣ занимается одно лицо.

²⁾ Пожертвованные на приобрѣтеніе классныхъ пособій для Тверской школы 73 руб. еще не поступили въ школьную кассу.

важныхъ перемѣнъ не сдѣлано. Опытъ показалъ, что принятое сначала время классныхъ занятій (отъ 11 часовъ утра до 2 пополудни) не вполне удобно для учащихся, а потому и предоставлено учителямъ, соображаясь съ желаніями учениковъ, начинать классы и ранѣе 11 часовъ. Послѣобѣденные уроки (отъ 2 часовъ пополудни) мы не считаемъ полезными, особенно въ воскресныхъ классахъ: взрослымъ (а они составляютъ значительную часть учениковъ) легче придти въ школу утромъ, вскорѣ послѣ обѣды, нежели послѣ обѣда, вкусивши, пожалуй, кое-какихъ праздничныхъ удовольствій.

Преподаватели воскресныхъ школъ убѣдились съ другой стороны, что классное чтеніе въ грамотномъ отдѣленіи иногда отклонялось отъ своей первоначальной задачи. Въ нѣкоторыхъ школахъ преподаватели, занимавшіеся чтеніемъ съ грамотными учениками, вносили въ преподаваніе такъ много подробностей изъ естественной исторіи, что занятія ихъ принимали видъ уроковъ по этой послѣдней наукѣ. Другіе наставники въ прочитанномъ разсказѣ почти исключительно обращали вниманіе на грамматику и ради грамматической терминологіи оставляли въ сторонѣ реальную сторону предмета. Сознвая *относительную* пользу того и другаго способа занятій съ учениками, учредители воскресныхъ школъ признали болѣе полезнымъ для большинства учащихся, дать чтенію съ грамотными учениками такое направленіе, чтобы классное чтеніе, подъ руководствомъ учителя, приучало учениковъ понимать и отчетливо передавать прочитанное. Потому, устранивъ разсказы изъ естественной исторіи и физики, часто поглащавшіе цѣлые часы, положили дать чтенію въ грамотномъ отдѣленіи болѣе самостоятельное значеніе, съ желающими же учиться грамматикѣ, заниматься преподавателямъ сверхъ урочнаго времени, по взаимному соглашенію.

Разнообразныя и чисто-оригинальныя просьбы со стороны учениковъ воскресныхъ школъ, просьбы, въ которыхъ тамъ громко высказываются потребности и недостатки домашняго и общественнаго воспитанія нашихъ бѣдныхъ сословій, еще долго будутъ заставлять преподавателей воскресныхъ школъ уклоняться въ разныя стороны отъ своей первоначальной программы. Одни являются съ просьбою выучить ихъ читать и писать по нѣмецки и по французски, потому что желали бы поступить въ гимназію, а средствъ подготовиться къ ней нѣтъ ¹⁾, другіе носѣщаютъ воскресную школу, чтобы поступить въ Сиротскій Домъ, или другое учебное заведеніе: иные справляются о латинскомъ языкѣ. Вообще до сихъ поръ не мало было случаевъ,

¹⁾ Въ уѣздныхъ училищахъ иностранные языки не преподаются.

изъ которыхъ можно было заключить, что многіе бѣдные родители ожидаютъ отъ воскресной школы бесплатнаго приготовленія дѣтей въ различныя среднія и низшія учебныя заведенія.

Замѣчаній на ходъ преподаванія въ Московскихъ воскресныхъ школахъ намъ до сихъ поръ не встрѣчалось въ печати; книги для посѣдательскихъ замѣчаній, положенныя въ каждой воскресной школѣ, также остаются пока нетронутыми. Лишь въ фельетонахъ двухъ газетъ упрекали насъ за употребленіе: *сы* въ обращеніи съ учениками воскресныхъ школъ. Мы не считаемъ умѣстнымъ опровергать подобныя упреки. Нормальныя отношенія преподавателя къ учащимся не могутъ же основываться на подавленіи (хотя бы и не для всѣхъ замѣтномъ) личности послѣднихъ; дѣло свободнаго преподаванія должно избавиться отъ потворства грубымъ привычкамъ невѣжества и тщеславія. Отсутствіе наказаній и вѣжлиное обращеніе, правда, удивляло сначала учениговъ воскресныхъ школъ, но не въ ущербъ успѣху послѣднихъ. Недовѣрчиво и робко шли они въ училище: съ этимъ названіемъ уже соединялось у нихъ представленіе о брани, розгахъ и побояхъ; но, не встрѣтивши ожидаемыхъ спутниковъ грамоты, они скоро освободились отъ своего страха и стали откровенно бесѣдовать съ своими наставниками. Слово «вы», вопреки ожиданіямъ нѣкоторыхъ гг. педагоговъ, не кажется имъ страннымъ; опытъ не заставилъ насъ раскаться въ принятомъ нами способѣ обращенія съ учащимися, и притомъ не по тому, смѣетъ думать, чтобы этотъ опытъ былъ слишкомъ кратковременнымъ.

(Изъ № 180-го Московск. Вѣдом. 1860 года).

Вслѣдъ за 6-й воскресной школой открыта была 21 августа женская воскресная школа въ домѣ 3-й Гимназіи; въ первый разъ пришлось 18 дѣвочекъ, потомъ было очень много. 2 октября открыта была 7-я воскресная школа у Богоявленія, въ приходскомъ училищѣ; въ день открытія было 60 учениковъ. 16 октября открыта 8-я школа на Пятницкой, въ которую на первый разъ явилось только 10 учениковъ.

Въ промежутокъ между открытіемъ 4-й и 5-й воскр. школы Н. С. былъ въ Петербургѣ, куда онъ часто ѣздилъ, и остался очень доволенъ Петербургскими воскресными школами и ихъ порядками; сравнительно съ нашими тамъ все было хуже. 7 іюля онъ писалъ мнѣ: «Въ здѣшнихъ школахъ уже начался сильный расколъ; между печатнымъ отчетомъ ихъ и дѣломъ—большая пропасть. Позавидовалъ я тому, что

у нихъ много учителей; а на повѣрку они бѣдствуютъ хуже нашего: всякій, кто придетъ въ школу, можетъ тутъ же *по рекомендаціи* преподавать, и потомъ не справляются, будетъ ли онъ еще когда учить или уйдетъ на всѣ четыре стороны. Ихъ педагогическій составъ въ совершенномъ колебаніи и они не составляютъ единой, сильной одинаковостью убѣждений, корпорации. Куда имъ думать о баллотировкѣ учителей! только бы продержаться до зимы, когда пріѣдетъ ихъ университетская молодежь. Одинъ учитель учить свою группу всѣмъ предметамъ. Когда я замѣтилъ о неудобствахъ этой методы, опять отвѣтъ: учителей мало. Вышелъ ли нашъ отчетъ и какое сдѣлалъ впечатленіе? Довольны, ругаютъ или просто молчатъ? Впрочемъ подождемъ. Былъ въ Синодальной лавкѣ: Евангелія совсѣмъ нѣтъ. У здѣшнихъ книгопродавцевъ оно продается пока по полтиннику, а потомъ будетъ дороже».

Въ другую поѣздку въ Петербургъ Н. С. уже замѣтилъ тѣ явленія въ Петербургскихъ воскресныхъ школахъ, которыя потомъ послужили поводомъ къ закрытію какъ Петербургскихъ, такъ и всѣхъ вообще воскресныхъ школъ. Поэтому 27 декабря онъ писалъ мнѣ: «Внушайте студентамъ, кого увидите, духъ умѣренности и миролюбія въ школахъ. Сильно боюсь; есть факты, которые передамъ при личномъ свиданіи».

Опасенія Н. С. оправдались: принимались мѣры къ стѣсненію воскресныхъ школъ, хотя собственно московскія воскресныя школы не были ни въ чемъ виноваты и никогда не увлекались ничѣмъ неудобнымъ. 19 января 1861 г. Н. С. принужденъ былъ отказаться отъ участія въ воскресныхъ школахъ, а 12 февраля отказались и всѣ студенты, такъ какъ новыя «правила для воскресныхъ школъ» поставили ихъ въ разрядъ обыкновенныхъ училищъ, подчиненныхъ начальствующимъ лицамъ, а не выборнымъ. Такимъ образомъ разстроился и кружокъ студентовъ, учившихъ въ воскресныхъ школахъ, кружокъ, составлявшій «единую, сильную одинаковость убѣждений, корпорацию», руководимую притомъ способнымъ, энергичнымъ и достойнымъ человѣкомъ.

Преподавателями въ воскресныя школы назначены были приходскіе и уѣздные учителя, которымъ совсѣмъ было не до нихъ — и въ скоромъ времени всѣ воскресныя школы прекратили свое существованіе.

Еще разъ собрались студенты, учившіе въ воскресныхъ школахъ, собрались у гроба и одного изъ дѣятельныхъ участниковъ — Александра

Сергѣевича Писарева, студента-медика; послѣ непродолжительной болѣзни, онъ умеръ 20 мая 1861 г. неожиданно для всѣхъ и къ общему огорченію, такъ какъ былъ прекрасный и необыкновенно симпатичный человѣкъ. Н. С., по служебнымъ дѣламъ, не могъ быть на его похоронахъ, но написалъ рѣчь, которую прочелъ на могилѣ студентъ А. В. Смирновъ. Вотъ эта рѣчь, произведшая сильное впечатлѣніе:

«Годъ тому назадъ тихо начиналось дѣло, въ которомъ покойный принималъ живое участіе, и вотъ онъ первый выбылъ изъ кружка, правда разрушеннаго невзгодой, но существующаго въ единствѣ нашихъ мыслей. Этотъ первый въ хронологическомъ спискѣ смерти былъ всегда изъ первыхъ между нами и при жизни. Мы не легко прощаемъ людямъ ихъ превосходство, но на могилѣ, которая заглушаетъ кичливые возгласы личнаго самолюбія, всѣ мы безъ различія можемъ повторить: онъ былъ изъ первыхъ между нами. Обидна судьба этихъ первыхъ. Голосъ ихъ рѣдко раздастся въ ладъ съ базарной разногласицей нашей жизни; ихъ дѣло идетъ въ разрѣзъ съ тою дѣятельностью, которая официально ославлена благонамѣренною. Тупой случай, слѣпая смерть и людская ограниченность преслѣдуютъ ихъ по заказу. Они отнимаютъ у насъ даровитыхъ и благородныхъ студентовъ, гуманныхъ и талантливыхъ профессоровъ, они затворяютъ въ глушь степной деревни энергическихъ, исполненныхъ гражданской доблести—попечителей ¹⁾). Свидѣтели падающихъ жертвъ, мы можемъ чувствовать только бесполезную скорбь и волноваться безсильною желчью. Но слѣпныя и темныя силы могутъ лишь временно торжествовать надъ вѣчнымъ могуществомъ разума и свѣта. Надъ цепломъ многихъ дорогихъ намъ людей медленно (и быть можетъ уродливо) воздвигается зданіе нашего просвѣщенія. Намъ нѣтъ нужды заявлять желаніе, чтобы память ихъ хранилась между нами: она и безъ того всегда будетъ жить въ нашемъ сердцѣ, въ нашей природѣ. Къ людямъ лучшимъ нельзя приближаться безъ того, чтобы не унести отъ нихъ искръ добра, которыя незримо для насъ будутъ жить въ насъ самихъ. И это лучшая память о благородныхъ личностяхъ, которыхъ смерть вырываетъ изъ нашей среды». Эту надгробную рѣчь Н. С. можно прочесть и надъ свѣжей еще могилой его самого. «Онъ былъ изъ первыхъ между нами»; къ нему нельзя было приблизиться безъ того, «чтобы не унести отъ него искръ добра, которыя будутъ жить въ насъ самихъ. Память о немъ всегда будетъ жить въ нашемъ сердцѣ, въ нашей природѣ».

С. В—ій.

¹⁾ Н. С. имѣлъ въ виду Н. И. Широкова.

Н. С. Тихонравовъ

(въ его отношеніяхъ къ средней школѣ).

Послѣ кончины Н. С. Тихонравова въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ было намѣчено главное значеніе его дѣятельности, но въ этой дѣятельности слабѣе прочихъ выступала одна ея сторона. Среди прочихъ заслугъ не должна и не можетъ пройти незамѣченной работа Н. С. на пользу школы. Правда, эта работа легко ускользаетъ отъ наблюдателя, и трудно обрисовать ее теперь же въ крупныхъ штрихахъ, поражающихъ даже бѣглый взглядъ; это еще не дѣлаетъ ее маловажной. Указанная особенность зависитъ отъ двухъ причинъ. Николай Саввичъ соприкасался непосредственно съ школой лишь въ первые 10—12 лѣтъ по выходѣ своемъ изъ Московскаго университета на 21-мъ году жизни. При выдающейся силѣ и многосторонности ума, при широкой образованности и несомнѣнномъ педагогическомъ талантѣ онъ, разумѣется, не могъ не оставить замѣтнаго слѣда во всѣхъ областяхъ педагогическаго дѣла, къ которымъ становился близко, но эти живые слѣды разбросаны, объединяясь внутренно, а не вѣшной осязательной связью;—не здѣсь, не въ вопросахъ низшей и средней школы сердце его помѣстило главное свое сокровище, а въ наукѣ и связанномъ съ ней высшемъ преподаваніи. Щедро одарившая его природа словно по установленному плану сгармонировала всѣ его духовныя силы, подчинивъ ихъ одной преобладающей склонности,—до того твердо и безъ колебаній шелъ онъ съ гимназической скамьи къ профессорской кафедрѣ и научному труду въ области своего любимаго предмета—литературы. Вотъ другая причина, которая мѣшаетъ намъ сейчасъ осязательно представить себѣ педагогическое значеніе его дѣятельности: медленно всходятъ на почвѣ школы сѣмена, заложенные въ научную

почву, и лишь постепенно, въ теченіи многихъ лѣтъ собирается великая и богатая жатва такого посѣва.

Въ 1853 году, едва достигшій гражданского совершеннолѣтія кандидатъ университета, Н. С. Тихонравовъ началъ свою педагогическую дѣятельность учителемъ русскаго языка и словесности въ одной изъ московскихъ гимназій. Ученикъ Ѳ. И. Буслаева, молодой преподаватель съ первыхъ же шаговъ выказалъ себя талантливымъ послѣдователемъ новаго тогда метода своего учителя. Методъ Ѳ. И. Буслаева прекрасно охарактеризованъ другимъ послѣдователемъ его, покойнымъ хранителемъ рукописей Румянцевскаго музея, А. Е. Викторovýmъ. «Согласно съ данною мнѣ Буслаевымъ инструкціей...», пишетъ Викторовъ: «я долженъ былъ преподавать 1) Грамматику русскаго языка *сравнительно съ Церк. Славянскимъ*; 2) Исторію древней и новой русскаго литературы по памятникамъ; 3) По памятникамъ же знакомить своихъ слушательницъ съ главнѣйшими представителями литературы греческой, римской и итальянской. Для большаго удобства всѣ эти предметы были распределены, начиная съ низшихъ классовъ, напримѣръ: въ маленькихъ классахъ я читалъ съ воспитанницами Гомера, русскія былины, многое изъ Пушкина и Жуковскаго; въ среднихъ—оды Пиндара, Горация (конечно, въ переводѣ), Данта...; въ высшихъ—греческихъ трагиковъ, греческихъ и римскихъ историковъ... и древне русскихъ писателей;—а затѣмъ уже передавалъ теоретическія понятія, какъ выводъ изъ прежде прочитаннаго. Опытъ удался какъ нельзя лучше—прибавляетъ Викторовъ: экзамены производились по такой широкой программѣ, какая въ то время не практиковалась ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній ни мужскихъ, ни тѣмъ болѣе женскихъ»¹⁾.

(Это была программа Маріинско-Ермоловскаго училища).

Какъ Н. С. Тихонравовъ прилагалъ къ дѣлу этотъ методъ, требующій для своего успѣха отъ учителя даже въ наше время большаго напряженія силъ и незаурядныхъ способностей, видно изъ того, что старые ученики его сейчасъ, 40 лѣтъ спустя, помнятъ, какое сочиненіе далъ Н. С. на первомъ урокѣ и какую работу призналъ за лучшую, а его мастерскіе разборы Макбета и Ревизора во всей свѣжести сохранились въ ихъ памяти. «Разборы произведеній—пишетъ одинъ изъ его учениковъ—дѣлались при участіи всего класса или, лучше сказать, самими учениками подъ руководствомъ учителя. Трудно вообразить, какъ Н. С. овладѣвалъ всѣмъ классомъ, держа его постоянно въ живомъ умственномъ напряженіи; съ каждымъ урокомъ мы чувство-

¹⁾ Сборн. II отдѣленія Акад. Наукъ 1881 г. т. XXI, № 8, стр. 21.

вали, какъ выросали умственно». Не забудемъ, что все это происходило въ тѣ времена, когда въ гимназіяхъ во всей силѣ царило заучиваніе учебниковъ теоріи и исторіи словесности безъ знакомства съ самими литературными произведеніями, изъ которыхъ цитировались лишь кусочки въ видѣ примѣровъ къ отвлеченнымъ правиламъ. Тоже было и съ сочиненіями. «Лучшей работой—пишетъ тотъ же ученикъ— Н. С. призналъ не «Кремль при лунномъ свѣтѣ», а разборъ только что вышедшей тогда «Семейной хроники» Аксакова. Такая оцѣнка перевернула вверхъ дномъ все наше міросозерцаніе». Да и какъ было не перевернуть: тогда возможны были сочиненія на тему «О радостяхъ старческаго возраста»; разумѣется, съ помощью отъ учителя въ видѣ подробнаго плана, во всѣ клѣтки котораго оставалось вложить по кусочку полученныхъ отъ учителя же мыслей и долить мутной водой амплификацій и дурнаго синтаксиса.

Такъ съ первыхъ же шаговъ опредѣленно сказались взгляды Тихонравова на преподаваніе—взгляды, основанные на прочномъ фундаментѣ рациональной педагогики: факты прежде обобщенія, самостоятельность учащихся, наглядная и широкая постановка дѣла. Эти взгляды онъ проводилъ неуклонно.

Разставшись спустя четыре года (въ 1858 г.) съ гимназіей, Н. С. получилъ кафедру педагогики въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь кромѣ чтенія лекцій онъ впервые завелъ практическіе уроки студентовъ съ учениками гимназій. Очевидно, это дѣло интересовало его: перейдя въ 1859 году на кафедру своего любимаго предмета, — русской литературы, онъ однако принимаетъ на себя даже въ слѣдующемъ году руководство слушателями открытыхъ тогда при университетѣ «Педагогическихъ курсовъ»; тутъ именно, какъ гласитъ университетскій отчетъ: «кандидатъ филологич. факультета Веселовскій упражняется подъ его наблюденіемъ въ преподаваніи греческаго языка въ Московской гимназій»¹⁾. Назначенный въ томъ же (1860) году завѣдующимъ только что открытыми воскресными школами въ Москвѣ, Н. С. организуетъ дѣло на широкихъ и разумныхъ началахъ. Онъ набираетъ учителей изъ университетской молодежи, устраиваетъ правильныя совѣщанія съ ними по вопросамъ преподаванія, направляетъ эти молодыя силы, горячо взявшіяся за новое общественное дѣло.

Скоро его дѣятельность сосредоточивается на серьезныхъ научныхъ занятіяхъ русской литературой и преподаваніи ея въ университетѣ. Но

¹⁾ Этимъ кандидатомъ былъ, очевидно, академикъ А. И. Веселовскій.

онъ продолжаетъ внимательно слѣдить за судьбами своего предмета въ средней школѣ и оказывать видное вліяніе на ихъ ходъ. Еще въ университетскомъ отчетѣ за 1860 годъ помѣщены цѣнные наблюденія его надъ преподаваніемъ русскаго языка въ гимназіяхъ и частныхъ пансіонахъ, сдѣланныя на приѣмныхъ экзаменахъ въ университетъ. Въ томъ же году издана была программа для этихъ испытаній; она составлена еще по старому, съ подробными теоретическими свѣдѣніями изъ реторики и шитики и обширнымъ связнымъ курсомъ исторіи словесности по учебнику, но духъ Н. С. уже вѣетъ въ двухъ примѣчаніяхъ къ этой программѣ. «Преимущественное вниманіе—сказано тамъ—обращается на то, чтобы всѣ свѣдѣнія, означенныя въ предложенныхъ здѣсь вопросахъ, были основаны *на чтеніи* и въ особенности *на разборъ важнѣйшихъ произведеній* русскои словесности». Нѣсколько лѣтъ спустя Тихонравовымъ (О. И. Буслаевъ былъ тогда за границей) была составлена утвержденная попечителемъ новая программа для поступающихъ въ Московскій университетъ (1864—5 гг.), гдѣ уже открыто заявляется новая точка зрѣнія: «Многолѣтній опытъ показалъ,—говоритъ программа—какъ непрактичны были теоретическіе вопросы изъ грамматики, реторики, шитики и исторіи литературы, поставленные прежнею программой: сухія грамматическія правила, не основанныя на практическомъ изученіи, не могли вести къ отчетливому знанію роднаго языка и къ его сознательному употребленію устно и письменно; разныя опредѣленія родовъ и видовъ прозы и поэзіи, поменклатура авторовъ и ихъ сочиненій и общія обзорныя цѣлыя періодовъ исторіи литературы безъ положительнаго знанія самихъ произведеній, также не могли приносить пользы готовящимся въ университетъ, а напротивъ — скорѣе пріучали ихъ къ многословію и преждевременнымъ отвлеченностямъ». Дальше заявлялось, что отъ экзаменуемыхъ будутъ требовать *«не грамматическихъ правилъ, а отчетливаго знанія языка, и не содержанія литературныхъ произведеній, а ближайшаго, непосредственнаго съ ними знакомства, основаннаго на внимательномъ ихъ прочтеніи и изученіи»*. Изъ объемистыхъ произведеній позволялось ограничиться отрывкомъ; руководящая же нить давалась такимъ замѣчаніемъ: «Но такъ какъ отрывокъ не можетъ быть вполнѣ понятъ безъ знанія цѣлаго, а литературное произведеніе—безъ знакомства съ эпохой; то требуемое *изученіе части* не устраняетъ ни *прочтенія цѣлаго*, ни теоретическихъ и историческихъ обзорнѣй, но не голословныхъ и бездоказательныхъ, а стоящихъ въ прямой связи съ тѣмъ произведеніемъ, изъ котораго взятъ отрывокъ для изученія». Дальше слѣдовалъ списокъ самихъ произведеній съ указаніемъ, на что

должно быть обращено вниманіе про ихъ изученіи. Изъ допетровской литературы программа требовала изученія нѣсколькихъ былинь и духовныхъ стиховъ, лѣтописи Нестора, Слова о Полку Игоревѣ и отрывковъ изъ двухъ бытовыхъ памятниковъ — Домостроя и соч. Котошихина. (Мимоходомъ замѣтимъ, что въ двухъ послѣднихъ памятникахъ указаны главы цѣнныя въ бытовомъ отношеніи; съ тѣхъ поръ мы шагнули назадъ: наши учебные планы 1890 года ограничиваютъ знакомство съ Домостроемъ двумя отрывками, какъ разъ не содержащими ни одной черты быта). Послѣ Петра изучаются крупнѣйшія произведенія Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоедова и Гоголя. Но въ программѣ есть второй отдѣлъ: образцы иностранной словесности. Должны быть прочтены съ нѣкоторыми объясненіями: одна пѣснь изъ Илиады или Одиссеи, трагедія Софокла, рѣчь Цицерона, ода и сатира Горация, пѣснь изъ Дантовскаго «Ада», Донъ Кихоть Сервантеса, трагедія Шекспира, Орлеанская Дѣва Шиллера, нѣсколько мелкихъ вещей его же и романъ Вальтеръ Скотта. Такимъ образомъ знакомство съ крупнѣйшими произведеніями всемірной литературы признавалось необходимымъ для того, чтобы приступить къ высшему образованію.

Таковы были главныя черты программы, вышедшей изъ подъ рукъ Николая Саввича въ 1864—5 гг. Впервые формулируя въ ней определенную постановку преподаванія литературы въ средней школѣ, онъ столько же проводилъ свои основныя педагогическія взгляды, сколько шелъ на встрѣчу ошутительной потребности. Въ началѣ 60-хъ годовъ всеобщій подъемъ общественныхъ силъ сказался въ данной области живыми толками печати о замѣнѣ схоластическаго, отвлеченнаго преподаванія болѣе разумнымъ; программа для поступающихъ въ Московскій Университетъ 1865 г. была первымъ крупнымъ дѣломъ, закрѣплявшимъ жизненное значеніе за новыми взглядами. Такъ смотрѣли на нее уже тогда. Одинъ изъ видныхъ педагоговъ того времени, Скопинъ пишетъ: (Журн. «Учитель» 1866 года). «Программа московскаго округа узаконила переворотъ въ преподаваніи словесности, и съ этихъ поръ въ исторіи этого предмета наступила новая эра». За древнѣйшимъ русскимъ университетомъ послѣдовалъ одесскій округъ, затѣмъ петербургскій. Г. Скопину казалось, что уже можно торжествовать побѣду: «Практическій методъ, ставящій на первый планъ изученіе произведеній и самостоятельныя разборы ихъ учениками, получилъ право гражданства въ нашихъ школахъ». Будущее не оправдало этихъ словъ; преподаванію словесности суждено было испытать еще нѣсколько метаморфозъ, и если Тихомировская программа рекомендовала

учащимся и учащимъ только-что появившуюся тогда книгу Стоюнина («О преподаваніи русской литературы»), дѣйствительно солидно разработавшаго новый методъ, то уже въ 1872 г. «Учебные планы» гимназическіе находятъ возможнымъ «пожалѣть, что кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ статей въ нашей литературѣ нѣтъ ничего, что могло бы служить руководствомъ учителю при занятіяхъ въ старшихъ классахъ».

Отмѣтимъ наконецъ, какъ положительную сторону программы 1865 г., или что то же, возрѣній Николая Саввича, — полное отсутствіе кабинетной систематичности. Программа сознательно поставлена въ уровень съ состояніемъ науки и существующихъ учебныхъ пособій. Теперь, ретроспективно, не трудно замѣтить въ ней отрывочность, указать пробѣлы, но все это уже указано и поставлено на видъ въ самой программѣ и объяснено тогдашнимъ состояніемъ литературы и науки. «Но — сказано тамъ — по мѣрѣ развитія литературы и по мѣрѣ успѣховъ науки объ ней, будетъ совершенствоваться и самая программа, которая всегда стоитъ отъ нихъ въ зависимости». Отмѣтивъ въ университетскомъ отчетѣ за 1860 годъ крайній недостатокъ у насъ въ учебныхъ пособіяхъ, Тихонравовъ, какъ мы видѣли, не выступаетъ еще съ своими новыми требованіями въ программѣ 1860 г., хотя онъ лично уже проводилъ ихъ на практикѣ въ своемъ гимназическомъ преподаваніи 1853—57 гг.; но тогда развѣ десятку учителей въ цѣлой Россіи было подъ силу послѣдовать за нимъ. Въ 1864 году дѣло измѣнилось: пересматривая подробныя и тщательныя указанія на учебныя пособія и научныя труды въ программѣ 65 г., видишь, что громадное большинство ихъ появилось въ періодъ 59 — 64 годовъ. Вотъ причина и появленія программы, и ея незаконченныхъ формъ; она носитъ на себѣ слѣды жизни, движенія впередъ.

Два года спустя Николаю Саввичу пришлось въ послѣдній разъ оказать прямое вліяніе на программы русскаго языка и словесности въ московскомъ округѣ. Въ 1866 г. онъ былъ руководителемъ съѣзда гимназическихъ учителей русскаго языка, выработавшихъ новую программу этого предмета. Гимназінъ наши въ то время едва стали возвращаться къ опредѣленному типу общеобразовательныхъ классическихъ, отнятому у нихъ реформой 1849 и 1851 годовъ, которая превратила ихъ въ училища съ слабой общей подготовкой въ низшихъ классахъ и нѣсколькими спеціальными отдѣленіями въ старшихъ. Неурядица, царившая въ нихъ, еще осложнилась вліяніемъ общаго оживленія начала 60-хъ годовъ, и на учебномъ дѣлѣ отражались многообразныя интересы этой эпохи, въ числѣ которыхъ видную роль игралъ интересъ къ естествознанію. Это теченіе, смывая все старое, отжив-

шее, приносило новый материал, но при этом новые интересы естественно не вдруг разместились по своим законным областям и перебивали друг друга. В области преподавания родного языка это сказалось сильной разнохарактерностью принципов и нередко странностями. Таких трезвых и рациональных программ, как московская программа 1864 г., было немного. Вступительная речь Тихонова на учительском съезде 1866 г. содержит ряд ярких примеров вышесказанному. В низших классах гимназий один преподаватель знакомству с грамматикой предпосылал основательное усвоение учениками явлений видимой природы, в другом месте при преподавании русского языка в двух низших классах употребляли зоологические и ботанические карты, и если писали под диктовку, то для того, чтобы, по выражению преподавателя, не наскучить ученикам однообразием занятий. В высших классах изучение русского языка и словесности вытеснялось лекциями самого разнообразного содержания. В одной гимназии в 4 и 5 классах изучали историю русского языка по памятникам, в другой — читали лучших писателей в повествовательном и ораторском роде; последние классы в одном месте посвящали изложению истории всеобщей литературы в ее главных моментах, в другом — читали произведения новейших писателей и современные журнальные статьи о них. Часто ученики не выносили из гимназий умения правильно выражаться и писать по русски. При таких условиях задача съезда поставлена была председателем в следующих словах. «Возвратить гимназическое преподавание русского языка и словесности в его законные границы значит положить конец легкому бесцельному направлению образования в наших университетских школах и содействовать скорейшему возвращению их на путь серьезного классического учения». Далее, выставив на вид, что преподавание систематической истории русской литературы в гимназиях затруднительно по самому состоянию этой науки, а преподавание эпизодов из истории общеевропейской поэзии, хотя бы под названием теории поэзии, преждевременно и мало связано с преподаванием русского языка, председатель склонился к мысли, что изучение памятников средней и новой литературы должно быть приведено в тесную связь с общей задачей гимназического курса родного языка и дать отчетливое знание русского языка и умение употреблять его устно и письменно. Съезд в окончательных своих работах несколько подчеркнул эту мысль, постановив, что произведения литературы в двух последних классах должны объясняться главным образом со стороны логической диспозиции и

связи частей, языка и стиля и — не подробно — со стороны реальных свѣдѣній. Это дало поводъ Ѳ. И. Буслаеву въ своихъ замѣчаніяхъ на программу (напечатанныхъ лишь въ 1891 году въ Сборникѣ Общ. Любител. Слов.) упрекнуть составителей въ пренебреженіи къ реальной сторонѣ литературы. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду положительныхъ достоинствъ этой программы. Поставивъ себѣ цѣлью научить языку, она стройно и умѣло сгруппировала вокругъ этой цѣли всѣ элементы преподаванія: преподаваніе грамматики и церковнославянскаго языка поставлено очень разумно и опредѣленно, во всѣхъ классахъ распределенъ богатый и хорошо систематизированный подборъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеній; изученіе ихъ въ связи съ письменными упражненіями составляетъ какъ-бы прикладной курсъ логики, къ которому постепенно присоединяется запасъ теоретическихъ и реальныхъ свѣдѣній. Можно сказать, что она даетъ хорошую общую подготовку къ прохожденію систематическаго курса исторіи литературы въ университетѣ. Ея главный недостатокъ — малый запасъ эстетическаго и идейнаго литературнаго матеріала — въ значительной степени исчезаетъ, если мы представимъ себѣ ее въ связи съ преподаваніемъ древнихъ языковъ, что она и имѣла въ виду. Правильно выполненная задача курса древнихъ языковъ, по справедливому замѣчанію Буслаева, «путемъ изученія классическихъ поэтовъ и прозаиковъ въ связи съ древностями и исторіей литературы и искусства, обогащаетъ свѣдѣніями реальными, историческими и воспитываетъ нравственное чувство и эстетическій вкусъ; такое изученіе даетъ элементы общечеловѣческаго образованія, завѣщанные Европѣ ея исторіей. Языкъ родной служитъ только дополненіемъ къ этому источнику гуманнаго просвѣщенія». Конечно, такая именно постановка дѣла и должна была представляться Тихонравову, когда онъ обдумывалъ планъ программы 1866 г. накануне возрожденія у насъ классицизма. Не его вина, что преподаваніе древнихъ языковъ приняло у насъ на первыхъ же порахъ тотъ грамматически-гимнастическій характеръ, бесплодность котораго только въ наши дни вызвала нѣкоторое противодѣйствіе. За то Н. С. первый видоизмѣнилъ бы свою программу, прійдишь ему прилагать ее въ 70-хъ или 80-хъ годахъ. — Программой съѣзда 1866 г. завершилось непосредственное участіе Н. С. въ дѣлахъ нашей средней школы. Обѣ рассмотрѣнныя программы оказали сильное вліяніе на постановку русскаго языка и словесности во всѣхъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; министерскія программы, начиная съ первыхъ учебныхъ плановъ 1872 г., разнообразныя программы женскихъ учебныхъ заведеній — носятъ на

себѣ слѣды этого вліянія или въ выборѣ образцовъ, или въ общей постановкѣ преподаванія.

Съ конца 60-хъ годовъ Н. С. весь отдакъ наукѣ и университетской каѳедрѣ. Я говорилъ уже, что его научные труды и профессорская дѣятельность оказали и долго еще будутъ оказывать сильное дѣйствіе на преподаваніе словесности въ школахъ; разработка въ наукѣ взглядовъ, впервые высказанныхъ имъ, постепенно переходитъ въ учебники, а кто былъ его ученикомъ въ университетѣ, тотъ если избиралъ учительскую дорогу, неизбежно дѣлался его послѣдователемъ въ своемъ преподаваніи.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ объ отношеніи Н. С. къ женскому образованію. Одно время онъ читалъ лекціи по языку и русской литературѣ на высшихъ женскихъ курсахъ проф. Герье; о достоинствѣ этихъ лекцій говорить излишне. Я остановлюсь на одномъ мало извѣстномъ эпизодѣ его дѣятельности. Въ концѣ 60-хъ годовъ Н. С. еще разъ взялся за практическое учебное дѣло. Онъ принялъ на себя обязанность инспектора классовъ Усачевско-Чернявскаго училища въ Москвѣ. Училище это, подвѣдомственное Человѣколюбивому Обществу, теперь представляетъ изъ себя полный женскій институтъ; въ 60-хъ годахъ это было «руководѣнное заведеніе», съ элементарнымъ курсомъ, плохо организованнымъ. Взявъ въ свои руки учебную часть, Н. С. выработалъ для училища новый уставъ, расширилъ значительно программу. Такъ какъ въ то время въ заведеніи воспитывались исключительно дѣти бѣднѣйшихъ родителей, новый инспекторъ задумалъ давать имъ педагогическую подготовку, и послѣдній годъ курса былъ посвященъ этой подготовкѣ къ дѣятельности начальной учительницы, званіе которой по новому уставу и давалось при выходѣ. Зная педагогическіе взгляды Н. С., естественно было ожидать, что онъ не удовольствуется устройствомъ подготовки къ живому дѣлу преподаванія лишь теоретической, по книжкѣ. Дѣйствительно, въ 1869 г. онъ хлопочетъ объ открытіи при училищѣ бесплатной начальной школы, въ которой могли бы учиться преподаванію воспитанницы педагогическаго класса. Лѣтомъ 1869 года была открыта эта школа, существующая до сихъ поръ. Сколько внимательности и разумныхъ заботъ выказалъ онъ во время своего завѣдыванія училищемъ. Передъ открытіемъ школы онъ находитъ время не только самому объяснить воспитанницамъ методы начального обученія, но даже наблюсти за правильнымъ устройствомъ классныхъ столовъ. Онъ кладетъ начало педагогической библіотекѣ училища, самъ пожертвовавъ туда для начала рядъ сочиненій по методикѣ; стремился поднять уровень преподаванія,

онъ очень рационально начинаетъ съ того, что выхлонтываетъ увеличение ничтожнаго до того учительскаго содержанія. Архивныя дѣла училища за эти годы содержать довольно много его распоряженій, всегда дѣльныхъ, ясныхъ, всегда имѣющихъ въ виду истинные интересы заведенія. Въ непродолжительный срокъ его инспекторства училище сильно поднялось и число ученищъ увеличилось больше, чѣмъ вдвое.

Лишь въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтили мы разнообразныя отношенія П. С. къ школѣ, но даже бѣглый обзоръ показываетъ, что и въ этой области дѣятельность его была и разнообразна, и плодотворна при всей наружной скромности: таковъ же былъ онъ и въ научно-литературныхъ трудахъ своихъ: великая сила ума и таланта, тончайшій анализъ, трезвость и широта взгляда — при поразительно простой, сдержанной формѣ.

А. Грузинскій.

Н. С. Тихонравовъ, профессоръ университета.

Научно-литературная дѣятельность Н. С. началась официально, какъ извѣстно, въ 1850 г., когда была *напечатана* первая его статья въ «Москвитинѣ» «Нѣсколько словъ по поводу статьи «Современника»: «Кай Валерій Катулъ и его произведенія». Последнимъ трудомъ, извѣстнымъ публикѣ было чтеніе Н. С. о Тургеневѣ въ Общ. Любителей, 1893 г. Т. о. дѣятельность Н. С. обнимаетъ собой почтенный періодъ времени въ 40 слишкомъ лѣтъ.

Если пересмотрѣть списокъ трудовъ печатныхъ, т. е. доступныхъ всѣмъ, за этотъ періодъ, то мы увидимъ, что Н. С. за этотъ періодъ издано много трудовъ, но самымъ разнообразнымъ отраслямъ въ изученіи литературы: начиная съ «Слова о полку Игоревѣ», проходить передъ нами рядъ изданій: апокрифовъ, театральныхъ старинныхъ произведеній, мемуаровъ, матеріаловъ бытовыхъ, по народной литературѣ, произведеній новой литературы, кончая сочиненіями Гоголя. Затѣмъ видимъ рядъ замѣчательныхъ критическихъ изслѣдованій, каковы напр. разборы Галахова, Безсонова, Пышина, рядъ біографій русскихъ ученыхъ и писателей и т. д. За это же время Н. С. стоялъ во главѣ важнаго научнаго изданія «Лѣтописей русской литературы и древности», гдѣ во всякой тетради встрѣчаемся то съ матеріалами, то съ изслѣдованіями или замѣтками многосторонняго и глубоко ученаго редактора. Видимъ Н. С. въ последнее время опять издателемъ, именно «Сборника Общества Любителей Россійской Словесности», участникомъ Сборника въ пользу голодающихъ. Наконецъ видимъ мы его многіе года во главѣ Общества Любителей: всѣмъ, навѣрное, памяты засѣданія въ память и по поводу крупныхъ событій въ нашей художественной литературѣ, каковы засѣданія, посвященные 50 лѣтнему юбилею Пушкина, Щенкина, Гоголевскаго «Ревизора» и т. д..

Этотъ бѣглый — разумѣется, весьма неполный — перечень трудовъ

научныхъ и общественныхъ (я не упомянулъ дѣятельности Н. С. въ области народнаго образованія—его труды по воскреснымъ школамъ), этотъ перечень, казалось бы, могъ показать, насколько разностороння и велика была дѣятельность Н. Сав., и могъ бы дать нѣкоторое объясненіе тому положенію, которое занялъ Н. С. въ нашей наукѣ и литературѣ.

Но этотъ перечень того, что сдѣлалъ Николаемъ Саввичемъ для всего русскаго общества и русской науки, далеко не исчерпываетъ его научной дѣятельности. Помимо того, что Н. С. былъ ученымъ, былъ общественнымъ дѣятеlemъ, Н. С. тридцать слишкомъ лѣтъ былъ профессоромъ Московскаго университета, учителемъ, подготовившимъ цѣлый рядъ общественныхъ и научныхъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе занимали и занимаютъ такое почетное положеніе, что мы можемъ гордиться ими, приводя ихъ имена. Кромѣ этихъ лицъ, не одно поколѣніе учащихся прошло черезъ аудиторію Ник. Саввича, разнося чуть не по всей Россіи его взгляды, его научные приемы, свѣдѣнія, отъ него воспринятые. Т. о. обойти въ очеркѣ дѣятельности Н. С. его профессуру—значило бы оставить значительный пробѣлъ въ этомъ очеркѣ и односторонне, какъ увидимъ, освѣтить и самую научную дѣятельность Н. С.. Восполнить же этотъ пробѣлъ не особенно легко во первыхъ потому, что онъ очень великъ, во вторыхъ потому, что источники для этого до настоящаго времени въ очень неполномъ видѣ и мало доступны публикѣ: Н. С. никогда не печаталъ своихъ лекцій, не соглашался на просьбы другихъ, желавшихъ издать его лекціи, не смотря на многія неудобства и прямо непріятности, отъ этого происходившія. Объясняется это тѣми высокими и строгими требованіями, которыя предъявлялъ Н. С. печатному слову и прежде всего своему.

Единственнымъ источникомъ для насъ пока остаются тетради литографированныхъ его лекцій, сбереженныхъ и сберегаемыхъ его учениками по окончаніи курса въ университетѣ. Кое-что, правда уже не столь точное, могутъ дать личныя воспоминанія, устное преданіе среди тѣхъ же многочисленныхъ учениковъ Тихонравова. Ноэтому являются вполне понятными слова одного изъ недавнихъ биографовъ Н. С.: «на ученикахъ Н. С., говоритъ Л. Н. Майковъ, болѣе всего лежитъ обязанность блюсти память своего наставника: они могутъ это сдѣлать, не только руководясь его примѣромъ въ своихъ собственныхъ трудахъ, но и предпринявъ изданіе его замѣчательныхъ университетскихъ курсовъ... Если не стало самого Тихонравова, то пусть трудами его школы расширится и упрочится слѣдъ его въ той наукѣ, для которой потратилъ онъ свои силы и дарованія.»

Конечно, высказанное Л. П. Майковым не исполнимо для отдельнаго чловѣка: едвали оно будетъ подѣ силу тому или другому изъ его учениковъ, разъ онъ будетъ примѣнять—а это желательно и даже необходимо—тѣ требованія, которыя ставилъ себѣ учитель, при изданіи своихъ трудовъ. Но отдельный работникъ можетъ принести пользу своимъ посильнымъ трудомъ въ общемъ дѣлѣ. Поэтому, думаю, не будетъ лишнимъ и мой краткій очеркъ, простое ознакомленіе съ лекціями Н. С. Тихонравова, насколько онѣ были мнѣ доступны, по тѣмъ его курсамъ, которые мнѣ привелось слушать, и съ которыми я имѣлъ возможность ознакомиться внѣ стѣнъ университета.

Профессорская дѣятельность Н. С. по кафедрѣ русской литературы началась, какъ извѣстно, въ 1859 году. Этотъ годъ долженъ быть памятенъ не только какъ начало университетской дѣятельности Н. С.: вступленіе его на кафедру исторіи русской литературы совпадаетъ почти со временемъ начала строго-научнаго преподаванія этого предмета въ у — ѣ. Т. о. Н. С. является однимъ изъ первыхъ и въ тоже время крупнѣйшихъ выразителей новаго направленія, принятаго наукой русской литературы, направленія, опредѣлившася въ своихъ главныхъ чертахъ только въ 50-хъ годахъ. Что же новаго вносилъ Н. С. въ науку и ея преподаваніе въ университетѣ? Отвѣтъ на это даютъ намъ самыя лекціи покойнаго учителя: онъ самъ, оцѣнивая своихъ предшественниковъ по кафедрѣ, лучше всего опредѣлилъ тѣ новыя принципы, которые онъ считалъ обязательными для изслѣдующаго и изучающаго нашу литературу. Дѣйствительно, еще не задолго до начала профессорской дѣятельности Н. С., научная исторія литературы и ея преподаваніе находились въ зачаточномъ состояніи. Вотъ какъ онъ въ своихъ лекціяхъ характеризуетъ своего предшественника и учителя проф. С. П. Шевырева, въ свою очередь смѣнившаго проф. Мерзлякова, знакомившаго своихъ слушателей, а въ томъ числѣ и Шевырева, «съ однообразными, условными воззрѣніями ложно-классической школы»: «въ 1838 г. Шевыревъ приступилъ къ преподаванію русской словесности. Наука эта, можно сказать, еще не существовала. Памятники древней литературы лежали большею частію еще неизданными... Обширное, почти нетронутое рукою изслѣдователя поле поманило къ себѣ профессора, воспитаннаго въ романическомъ уваженіи къ своей народности, неудовлетвореннаго отвлеченностью нѣмецкихъ умозрѣній, убѣжденнаго, что русскіе ученые должны «опередить современемъ своихъ предшественниковъ и создать самостоятельный чуждый односторонности, *русскій* взглядъ на исторію образованія и литературы». Какъ же выполнилъ

Шевыревъ свои взгляды? «Ему обязана русская наука первымъ эскизомъ исторіи древней словесности, хотя и набросаннымъ съ нескрываемымъ пристраціемъ къ допетровской русской народности... Современное движеніе литературы и науки въ Россіи, въ началѣ сороковыхъ годовъ, враждебное тѣмъ началамъ, съ которыми подходилъ Ш. къ нашему литературному прошлому, содѣйствовало тому, что воззрѣнія профессора на древній періодъ допетровскаго развитія Россіи формулировались съ особенной рѣзкостью, какъ и взгляды противоположной школы... Такое преподаваніе и изученіе древней русской словесности, руководимое патріотическимъ сочувствіемъ къ старинѣ, получило у Шевырева *полемическій* характеръ»¹⁾. Характеризуя такъ своего предшественника, П. С., ясно, имѣлъ въ виду известную въ литературѣ и наукѣ борьбу западниковъ и славянофиловъ сороковыхъ годовъ и отмѣчалъ ненаучность этого партійнаго взгляда, вносившаго въ науку субъективную односторонность «одного изъ приверженцевъ славянофильства», какъ называетъ Шевырева Николай Саввиичъ въ своемъ известномъ разборѣ «Исторіи русской словесности» А. Д. Гаахова. Сравните съ этимъ тѣ положительныя требованія, которые поставилъ себѣ, вступая на кафедру, Николай Саввиичъ въ 1859 г., имѣя—надо сказать правду — помимо С. П. Шевырева, такихъ учителей, какими были О. И. Буслаевъ, Т. Н. Грановскій, П. П. Кудрявцевъ.

25 сентября этого года онъ читалъ свою вступительную лекцію, которая вслѣдъ затѣмъ была въ томъ же году напечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». За этой лекціей слѣдовалъ какъ указано было тамъ же, курсъ по исторіи *новой* русской литературы. Лекція эта любопытна не только, какъ начало 30-лѣтней профессорской дѣятельности, но и потому, что ею вполне точно и ясно характеризуется взглядъ и задачи будущаго профессора и начинающаго ученаго историка русской литературы. Прежде всего авторъ даетъ намъ опредѣленіе исторіи русской литературы: «въ историческомъ развитіи наукъ, говорить онъ, исторіи литературы принадлежитъ по времени одно изъ послѣднихъ мѣстъ». Наука эта, какъ молодая, поздне другимъ опредѣлила свои цѣли, свое значеніе въ исторіи самосознанія, въ оцѣнкѣ «результатовъ духовнаго развитія, выразившаяся въ словѣ». У насъ она едва начинается; до сихъ поръ, особенно для 18 вѣка, она слаба, представляя вмѣсто научныхъ самостоятельныхъ трудовъ, лишь беллетристическія статьи и этюды. До сихъ поръ критика и исторія ли-

¹⁾ Это было высказано въ тѣхъ же выраженіяхъ въ некрологѣ С. П. Шевырева († 1864 г.) въ „отчетѣ М. У. за 1864 годъ“, написанномъ Николаемъ Саввиичемъ.

тературы, подражая чужеземнымъ курсамъ словесности,—и въ большинствѣ случаевъ неудачно,—не поняла смысла эпохи даже XVIII в., не поняла борьбы между новой, пересаженной литературой и старой «подлой» книгой *народнаго* чтенія, упустила изъ вида литературныхъ дѣятелей, реставрировавшихъ въ *новыяхъ* формахъ народныя книги *старо*го времени. Т. о. изъ этихъ словъ видимъ, не только широкій историко-литературный взглядъ профессора, но и его взглядъ на значеніе народнаго элемента въ общемъ теченіи литературы: теперь уже не время заниматься одними корифеями въ литературѣ: необходимо брать литературу даннаго періода въ ея цѣломъ объемѣ, во всѣхъ проявленіяхъ; тогда только получится правдивая и полная картина эпохи. Сообразно съ отмѣченной характерной чертой XVIII в.—борьбой новой пересаженной литературы съ народной старой «подлой» книгой—ясенъ вопросъ: откуда начинать исторію литературы *новой*? По памятникамъ литературы, исторіи эта борьба открывается не эпохой Петра (отсюда начинали и, къ сожалѣнію, часто и до сихъ поръ начинаютъ исторію *новой* литературы), а гораздо раньше: эта борьба, результатомъ которой являются новыя литературныя формы и темы въ книгахъ и устныхъ произведеніяхъ народа, началась съ первыхъ проблесковъ западнаго вліянія. Отсюда надо и начинать исторію *новой* литературы: безъ этого мы не поймемъ литературы Петровскаго времени, не поймемъ и XVIII в., не поймемъ, какъ при иноземномъ вліяніи, стиравшемъ личность народа, сохранилась эта личность. Такой только взглядъ дастъ намъ правильную безпристрастную оцѣнку жизни *всего* русскаго общества XVIII в., сдѣлавши невозможнымъ крайніе взгляды и на реформу Петра,—и такой взглядъ «укрѣпить и возвысить въру въ нравственную силу европейскаго просвѣщенія». Этими словами заключилъ Н. С. свою вступительную лекцію. Этотъ широкій гуманный и научный взглядъ проходитъ и черезъ все курсы Н. С., примѣняясь постоянно къ разнообразнымъ курсамъ въ теченіе 30 лѣтъ. Есть и другая характерная, но вполнѣ понятная, выѣшняя черта этой первой лекціи. Вся лекція построена на рукописномъ, до селѣ не изслѣдованномъ и неосвѣщенномъ матеріалѣ. Въ тоже время она даетъ цѣлый рядъ обработанныхъ фактическихъ данныхъ. Эта черта сохранилась и во все послѣдующее время профессорской дѣятельности Н. С.: всегда мы въ нихъ находимъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ, освѣщаемыхъ и вводимыхъ въ кругъ изслѣдованія, всегда лекціи обращаютъ на себя вниманіе обиліемъ фактовъ, своей строгой фактичностью. Въ этомъ лежитъ громадное не только педагогическое, но и научное значеніе его лекцій: съ этой стороны лекціи Н. С. такой же научный трудъ,

какъ и его другіе труды, изданные или еще лежащіе въ его бумагахъ. Разница вся только въ томъ, что лекціи, какъ чтенія, назначаемыя не только для обогащенія фактами, но и имѣющія цѣль педагогическую, даютъ кромѣ этого новаго матеріала, новыхъ изслѣдованій его, цѣлый рядъ общихъ положеній и методологическихъ указаній для ученика. Этимъ характеромъ лекцій объясняется и та тѣсная связь, которую мы находимъ между учеными трудами Н. С. и его лекціями: для него аудиторія въ извѣстной степени была продолженіемъ его ученаго кабинета, гдѣ онъ готовилъ свои труды къ печати для общества. Такую параллель между извѣстными всѣмъ путемъ печати трудами Н. С. и его лекціями, доступными по запискамъ и литографіямъ, я постараюсь провести въ своемъ обзорѣ лекцій.

Обыкновенно Н. С. читалъ одновременно два курса: одинъ, который можно съ нѣкоторой оговоркой назвать *общимъ*, для младшихъ курсовъ, и другой (назовемъ его *спеціальнымъ*) для старшихъ курсовъ. Кромѣ того, въ началѣ каждаго года, имъ посвящалось нѣсколько часовъ для объясненія темъ обязательныхъ для слушателей сочиненій: эти объясненія особенно цѣнны для учениковъ: здѣсь они на разнообразныхъ темахъ учились, какъ надо братья за работу, какъ относиться къ своей задачѣ: какъ опытный учитель, Н. С. здѣсь точно и ясно объяснялъ методы и приемы научныхъ изслѣдованій, т. е. давалъ прямо въ руки будущихъ изслѣдователей литературы приемы, начиная, напр., съ того, какъ надо читать, чтобы съ пользой извлечь необходимое для работы, какъ ознакомиться съ исторіей вопроса и пособіями, кончая самостоятельнымъ изслѣдованіемъ и обработкой совершенно сырого для учащагося и изслѣдователя матеріала. Замѣчательнѣе былъ и самый приемъ объясненія: съ рѣдкимъ талантомъ умѣлъ Н. С. дать руководство опытнаго, вліятельнаго учителя и въ тоже время предоставить свободу и самостоятельное развитіе способностей ученика, постоянно требуя отъ него прежде всего составить самостоятельное мнѣніе о предметѣ изслѣдованія. Предлагаемыя темы отличались всегда разнообразіемъ и въ характерѣ и въ объемѣ: были темы и по исторіи литературы русской, каковы сказанія: о Мамаевомъ побоищѣ, объ Азовскомъ сидѣніи, о положникахъ, были работы и теоретическаго характера, каковы: труды по исторіи драматическаго искусства, изложеніе извѣстной книги *Kreka Einleitung in die slavische Literaturgeschichte*, были темы и по иностранной литературѣ; таковы, напр., разборы Шекспира и т. д.

Въ силу требованій университетскаго устава, устраивалъ Н. С. на старшихъ курсахъ и практическія занятія, т. е. семинаріи. Но,

сколько ни́зъ извѣстно, по характеру и способу веденія они приближались и даже отчасти сливались съ его спеціальными курсами: на этихъ семинаріяхъ главнымъ дѣятелемъ былъ самъ Н. С., который, избравъ какой нибудь памятникъ, напр. «Слово о и. И.», самъ разъяснял его, прилагая т. о. на практикѣ тѣ методы и принципы, которые онъ проводилъ въ своихъ объясненіяхъ темъ для сочиненій: сообщались здѣсь требованія и приемы при изданіи и изслѣдованіи памятниковъ; наприм. оцѣнивались приемы Миклошича въ изданіи славянскихъ и русскихъ рукописей, при чемъ, кстати сказать, Н. С. всегда былъ сторонникомъ того метода, который Миклошичъ, воспитанный на изданіяхъ латинскихъ и греческихъ классиковъ, называлъ *eine barbarische Methode*. Но этотъ «варварскій» способъ показывалъ только болѣе глубокое и основательное пониманіе состоянія славянской науки, нежели у Миклошича, методъ котораго является уже результатомъ, т. е. тогда, когда всѣ данныя славянской науки палеографіи и языка прочно установлены; но Н. С. не отрицалъ этого «классическаго» метода вполне: для болѣе позднихъ вѣковъ онъ допускалъ его, именно тогда, когда языкъ и палеографія текстовъ не представляеть такого ряда вопросовъ и затрудненій, какъ тексты старшаго времени; таковы, стало быть, тексты XVII и XVIII в.. Этотъ взглядъ проведенъ былъ Н. С. и въ его собственныхъ изданіяхъ, напр. въ «Пам. отреч. лит.», гдѣ кромѣ того измѣненіемъ печатнаго шрифта, сообразно съ временемъ текста достигалась и другая цѣль: напоминать шрифтомъ печатнаго текста палеографическія особенности рукописи. Не соблюденіе этого взгляда Н. С. влекло за собой въ молодой русской исторіи литературы рядъ ошибокъ, иногда весьма трудно поправимыхъ; это показано было Н. С. на изданіяхъ стараго и новаго времени, напр. на изданіяхъ Мусина-Пушкина и Археографич. Коммисіи, Норова.

Курсы же, читавшіеся Н. С., какъ я сказалъ, распадались на двѣ категоріи: на т. ск. *общіе* и *спеціальныя*. Того, собственно, что мы привыкли подразумѣвать подъ терминомъ общаго курса, Н. С. не читалъ никогда: не мыслимо было вложить въ одногодичный и даже двухгодичный курсъ обзоръ всей литературы или даже отдѣльнаго періода ея во всемъ его объемѣ, особенно принявъ во вниманіе тѣ взгляды, которыми руководился Н. С. уже съ своихъ первыхъ лекцій, а также и ту одностороннюю и слабую подготовку, съ которой являлись въ его аудиторію ученики гимназій. Поэтому для *общаго* курса выбиралъ Н. С. то, что прежде всего нужно было слушателю, готовящемуся къ спеціальнымъ, самостоятельнымъ работамъ: первое полугодіе онъ обыкновенно читалъ исторію исторіи литературы, зна-

комъ съ постепеннымъ развитіемъ русской науки исторіи литературы, сообщая въ то же время руководства и методы изслѣдованія, указывая, что и какъ должны мы изучать въ матеріалѣ, взятомъ для изслѣдованія. Т. о. получалось методологическое изложеніе исторіи науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ давались въ руки начинающему средства начать трудиться самостоятельно. Таковы были курсы Н. С., читанные имъ въ 1881^{1/2} и 3^{1/4} гг., гдѣ находимъ обстоятельный очеркъ съ постоянной критической оцѣнкой трудовъ нашихъ первыхъ научныхъ изслѣдователей литературы: митр. Евгенія, Востокова, Горскаго, Ундольскаго, Виктора и т. д. Далѣе слѣдуетъ очеркъ палеографіи, приемы для опредѣленія времени и характера самыхъ рукописныхъ матеріаловъ, при чемъ постоянно даются практическіе приемы, какъ и что извлекать изъ матеріаловъ; наконецъ краткія, самая характерныя для практика правила грамматическія, особенно языка въ связи съ графикой въ рукописяхъ русскихъ (съ ихъ дѣленіемъ по говорамъ), сербскихъ и болгарскихъ (съ группой молдаво-валахской). Это было первое полугодіе. Во второмъ обыкновенно брался уже какой нибудь отдѣльный вопросъ, но не узко-спеціальный, а болѣе общій, болѣе крупный, характерный для той или другой эпохи. Это была уже строго научная работа, съ цѣлымъ рядомъ новыхъ, впервые почерпнутыхъ изъ источниковъ, фактовъ, съ широкимъ примѣненіемъ культурной точки зрѣнія и сравнительно историческаго метода. Такъ за упомянутымъ вводнымъ курсомъ перваго полугодія 1881—2 ак. г. слѣдовала во второмъ полугодіи исторія религіозныхъ воззрѣній на загробную жизнь, на кончину міра: разборъ видѣній, хожденій по раю и аду, начиная съ апокрифическихъ хожденій Богородицы и ап. Павла, Божественной комедіи Данта, житія Василія Новаго и кончая русскими легендами о кончинѣ міра и странномъ судѣ, создавшимися въ эпоху до конца XV в. За вторымъ курсомъ 1883—4 ак. г. во второмъ полугодіи излагалось религіозное движеніе, возбужденное ересью стригольниковъ, затѣмъ жидовствующихъ, въ связи съ западно-европейскимъ движеніемъ въ эпоху «черной смерти», русскими гадательными книгами, Толковой Палеей и вопросомъ о монастырскомъ землевладѣніи. Этотъ курсъ, ясно, стоитъ въ связи съ рефератомъ о жидовствующихъ, читанномъ Н. С. на одномъ изъ Археологическихъ Съѣздовъ, первый же изъ упомянутыхъ курсовъ—съ рефератомъ Н. С. «о древне-русскихъ сказаніяхъ о паденіи Царь-града» ¹⁾ (1878).

Съ тѣмъ же направленіемъ, избирая отдѣльные характерные мо-

¹⁾ Остался въ рукописи.

менты въ развитіи русской жизни, читаль Н. С. и другіе общіе курсы. Такъ къ 1884—5 г. относился курсъ по литературѣ съ конца XV в., при чемъ дана была блестящая характеристика состоянія русской мысли въ эпоху упадка вліянія Византіи и первыхъ начатковъ западной культуры, дѣятельности Максима Грека, Макарія; заканчивается курсъ исторіей міровоззрѣнія XVII в., выразившагося въ дѣятельности раскольниковъ съ протопопомъ Аввакумомъ во главѣ съ одной стороны и западнымъ вліяніемъ въ Великомъ Зерцалѣ, Римскихъ дѣяніяхъ съ другой стороны. Переходъ къ XVIII в. характеризуется литературной исторіей Факецій, Жартъ, Апофоегмать и т. д. Въ другой разъ 1882—3 тотъ же курсъ начать нѣсколько раньше: въ общихъ чертахъ указана роль Византіи въ русской жизни, начиная съ X столѣтія, въ связи съ распространеніемъ христіанскихъ идей въ народной и книжной словесности. Въ третій разъ, послѣ общей характеристики XVI—XVII в., Н. С. останавливается на исторіи русскаго театра до петровскаго времени и на расколѣ, какъ явленіи предшествующемъ. Т. о. эти курсы служатъ распространеніемъ и продолженіемъ его работъ по расколу—Житіе попа Аввакума—и по исторіи театра: актовая рѣчь Н. С. 1873 г., чтеніе о «Московской школьной драмѣ XVIII в.» въ Общ. Люб. Слов. ¹⁾, изданіе «Русскія драматич. сочиненія 1672—1725» гт., имѣвшее такую печальную судьбу въ недавнее время и оставшееся для публики незаконченнымъ. Слѣдя хронологіи, слѣдуетъ отмѣтить курсъ ⁷⁹/₈₀ г. о Ломоносовѣ, гдѣ введеніемъ служитъ опять литература съ начала западнаго, польскаго вліянія, очеркъ дѣятельности московскихъ школъ, Симеона Полоцкаго, художественная картина состоянія Руси въ эпоху раскола. Органическимъ продолженіемъ этого и предшествующихъ курсовъ служитъ обзоръ (курсъ ⁸⁰/₈₁ г.) дѣятельности того же Ломоносова, затѣмъ Тредьяковскаго, Сумарокова, заканчивающійся русскими сатирическими журналами, какъ началомъ реакціи противъ ложно-классицизма и временемъ проникновенія *подлой* народной книги въ *благородную* литературу высшихъ классовъ. Эта группа курсовъ по XVII—XVIII в. повторяется и позднѣе, но всякій разъ варьируется по составу, предлагая всякій разъ новыя подробности по отдѣльнымъ отдѣламъ или дополняясь характеристиками новыхъ сторонъ русской жизни этой эпохи. Поэтому, напр., въ курсѣ 1884—5 г. находимъ подробный разборъ дѣятельности Кантемира, сокращенно изложенный или опускаемый въ предъидущіе годы. Наконецъ завершеніемъ цикла и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣд-

¹⁾ Не напечатано.

нимъ университетскимъ курсомъ Н. С. былъ курсъ 1888—9 г., посвященный Карамзину и Жуковскому. Этотъ курсъ стоитъ въ связи съ работами Н. С. по исторіи Московскаго у—а, Карамзину и Жуковскому, когда Н. С. по порученію Академіи пришлось разбирать книгу г. Загарина о Жуковскомъ.

Т. о. этотъ бѣглый, неполный перечень общихъ курсовъ Н. С. даетъ намъ ясное представленіе о томъ, какъ понималъ Н. С. литературу и ея научное изслѣдованіе: вся литература XV—XIX вв., начиная съ первыхъ проблесковъ западной культуры, представлялась ему однимъ органическимъ цѣлымъ, всѣ части котораго тѣсно соединены одной общей идеей культурнаго развитія русской жизни надъ вліяніемъ запада. Этимъ объясняется то единство по мысли курсовъ и та тѣсная связь, каковую мы видимъ между отдѣльными курсами; они какъ будто переливаются изъ одного въ другой, и всякій новый курсъ, воспринявъ въ себя старый, продолжаетъ свое теченіе, раскрывая передъ нами развитіе, расширеніе и старыхъ началъ и вводя органически новыя. Иначе, это—тоже, что было высказано Н. С. уже въ его вступительной лекціи: въ своихъ лекціяхъ онъ исполнялъ общаніе, данное въ 1859 г. Тотъ же взглядъ на исторію литературы объясняетъ намъ и постоянную связь курсовъ съ собственно научными, кабинетными работами. Мною отмѣчены только немногія точки соприкосновенія.

Еще болѣе такихъ точекъ соприкосновенія встрѣчаемъ у Н. С. въ его т. н. специальныхъ курсахъ и т. н. практическихъ занятіяхъ со студентами старшихъ курсовъ. Въ отличіе отъ общихъ курсовъ, представлявшихъ равномерный обзоръ цѣлыхъ эпохъ или крупныхъ явленій въ литературѣ, эти курсы знакомятъ насъ съ отдѣльными вопросами и даже съ отдѣльными памятниками, разумѣется, въ связи со всѣмъ ходомъ литературы данной эпохи. Другая особенность этихъ курсовъ—направленіе преимущ. практическое: въ нихъ мы находимъ болѣе точное, детальное приложеніе общихъ методологическихъ приемовъ, съ которыми знакомился слушатель во введеніяхъ общихъ курсовъ. Такъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ 1882—1883 и 1883—1884 предметомъ курсовъ было объясненіе «Слова о п. И.». Началь курсъ Н. С. прямо такими словами: «это изученіе «Слова о п. И.» будетъ практическимъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ самому изученію, я представлю вамъ самыя первыя основанія той критики палеографической и филологической, которая должна быть примѣнена къ изученію памятниковъ древней русской словесности. Исходя изъ того основнаго, по моему мнѣнію, положенія, что самое изученіе литературныхъ па-

мятниковъ возможно только при непосредственномъ знакомствѣ съ рукописью, я предлагаю вамъ всякій разъ начинать свое изученіе съ изученія рукописнаго текста. Итакъ представимъ себѣ, что передъ нами лежитъ рукопись того памятника, который подлежитъ нашему изученію...» Далѣе слѣдуетъ разборъ дѣятельности Мусина-Пушкина, критика методовъ изданія, о которой было мной уже упомянуто; затѣмъ исторія письма, въ связи съ исторіей грамматикъ и прописей въ старой литературѣ. Таже мысль—и въ другомъ курсѣ, куда введенъ болѣе подробный анализъ звуковъ русскаго языка въ связи съ фактами изъ «Сл. о п. И.». Въ томъ же году параллельно идетъ и другой курсъ по «Сл. о п. И.»—именно: его литературная исторія въ связи съ исторіей повѣстей, вошедшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ погибшую рукопись—образецъ всесторонняго изученія переводной русско-славянской повѣсти. Нужно-ли говорить, что эти курсы органически связаны съ работами Н. С. по «Слову о п. И.»?

Къ числу специальныхъ же курсовъ относится и курсъ Н. С. по апокрифамъ. Дополняя свой рефератъ, читанный въ Кіевѣ, и давая объясненіе текстамъ, изданнымъ въ «Пам. Отр. Лит.», Н. С. излагаетъ исторію апокрифа, еписковъ отреченныхъ книгъ въ древне-христіанской литературѣ; на этихъ индексахъ показываетъ, какимъ образомъ развивалось и измѣнялось понятіе объ апокрифической книгѣ, о богоотметномъ писаніи, въ теченіи вѣковъ, на византійской почвѣ и на славянской. Кончается этотъ курсъ рѣшеніемъ вопроса объ отдѣльныхъ апокрифахъ, преимущественно такихъ, которые представляютъ затрудненіе: тотъ ли апокрифъ, извѣстный намъ по рукописи теперь, имѣлъ въ виду древній индексъ запретныхъ книгъ?

Наконецъ, болѣе обстоятельному, специальному ознакомленію съ палеографіей, какъ отдѣльной отраслью науки о древнемъ письмѣ, посвященъ курсъ «Палеографія», одинъ изъ послѣднихъ курсовъ Н. С.—именно въ 1887—8 гг. Здѣсь изложена исторія палеографіи, дипломатики и эпиграфики на Западѣ, въ Византіи и у насъ; но тутъ же проводится и практическая цѣль: курсъ связанъ съ однимъ изъ прежнихъ курсовъ о «Сл. о п. И.», гдѣ, какъ мы видѣли, Н. С. начинаетъ рѣчь прямо съ основаній критики палеографической и филологической.

Но профессорская дѣятельность Н. С. не ограничивалась стѣнами у—а: онъ читалъ также на женскихъ курсахъ 84—85 г. исторію русскаго языка: курсъ заключаетъ въ себѣ прежде всего исторію языкознанія, начиная съ его зарожденія, какъ отдѣльной науки; затѣмъ идетъ общій очеркъ индо-европейской семьи языковъ сравнительно съ другими семьями на основаніи строенія этихъ языковъ и т. д.. Еще

ранѣе принималъ Н. С. участіе въ частныхъ курсахъ вмѣстѣ съ Н. А. Поповымъ, А. М. Иванцовымъ, и Щебальскимъ. Курсъ рассчитанъ былъ на 8 часовъ, обнималъ собой литературу русскую, начиная съ очерка языка древней и новой Руси и кончая петровской литературой и «связью ея съ литературнымъ движеніемъ на Руси въ XVIII в.». Подробности этихъ курсовъ, равно какъ и время ихъ чтенія, мнѣ неизвѣстны: объ нихъ я знаю только изъ печатной краткой программы безъ обозначенія года.

Заканчивая свой бѣглый обзоръ лекцій Н. С., я не берусь дѣлать какой нибудь общій о нихъ выводъ: матеріалъ, мнѣ доступный, слишкомъ малъ для такого вывода; да и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, курсы и профессорскую дѣятельность Н. С. можно будетъ только тогда, когда приведены будутъ въ извѣстность матеріалы для его біографіи, разобраны и оцѣнены его научные труды, въ значит. степени еще скрытые въ его многочисленныхъ бумагахъ. Это дѣло будущаго. Теперь эта оцѣнка была бы преждевременна. Однако нѣкоторыя черты, характеризующія Н. С., какъ профессора, уже видны и изъ того необширнаго матеріала, которымъ я располагаю.

Такъ, кромѣ той широкой постановки вопроса о задачахъ и методахъ исторіи русской литературы, о которыхъ мы знаемъ изъ вступительной лекціи Н. С., въ лекціяхъ обращаетъ на себя вниманіе строгая фактичность всѣхъ курсовъ. Понимая такъ свои задачи, Н. С. ясно, не могъ обойтись тѣми пособиями, которыя доступны въ печати: въ равной, если не въ большей, степени стоитъ онъ на изученіи первоисточниковъ, вводя постоянно новый, но имъ уже обработанный, свѣжій матеріалъ и требуя того же непосредственнаго изученія этого матеріала и отъ ученика, взявшагося за спеціальныи трудъ: этого требуетъ и задача его, и состояніе молодой еще науки русской литературы. Въ этомъ научная высокая цѣнность курсовъ. Третья сторона—замѣчательное педагогическое значеніе курсовъ: они не только даютъ массы новыхъ, правильно освѣщенныхъ и на мѣсто поставленныхъ фактовъ, они учатъ, какъ надо вести ученую работу, т. е. готовить путь будущимъ ученымъ, ученикамъ Н. С..

Наконецъ въ высшей степени поучительна самая форма лекцій. Замѣчательный ученый, много трудившійся и много сдѣлавшій Н. С., какъ извѣстно изъ его печатныхъ трудовъ, былъ особенно требователенъ въ томъ, что касалось строго-научной, точной, добросовѣстной разработки вопроса. Эту строгость примѣнялъ онъ прежде всего къ себѣ и поэтому, какъ мы видѣли, не торопился съ печатаніемъ своихъ трудовъ. Это строгое отношеніе представлялъ онъ себѣ и въ

курсахъ: ни одной мысли, ни одного положенія въ нихъ не встрѣтимъ мы не мотивированными, не доказанными глубоко и всесторонне оцѣненными фактами. Этимъ объясняется и внѣшняя сторона его курсовъ: всякое слово, произнесенное имъ съ кафедръ, прежде было тщательно взвѣшено; поэтому лекцій Н. С. не говорилъ наизусть: все до послѣдняго слова было всегда написано. Но это не могло служить въ ущербъ преподаванію, а наоборотъ служить достоинствомъ, такъ какъ отъ этого выигрывала внѣшняя форма лекціи: замѣчательный стиль, обладавшій недюжиннымъ художественнымъ талантомъ слова, Н. С. могъ художественно и въ тоже время живо и строго научно создавать передъ слушателями широкія картины прошедшаго; таковы общіе его очерки литературы и раскола XVII в., величественныя картины изъ эпохи черной смерти, картины изъ сказаній о послѣднихъ временахъ міра по представленіямъ XV в. и т. д....

Т. о. остается только повторить сказанное мною раньше: «на ученикахъ Н. С. лежитъ обязанность блюсти память своего учителя. стараясь сохранить и упрочить слѣдъ его въ наукѣ собраніемъ и изданіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ трудовъ своего наставника», желаніе, невольно повторяемое всякимъ, кому съ болью въ сердцѣ приходится вспоминать покойнаго Николая Саввича.

М. Сперанскій.

Памяти Н. С. Тихонравова.

Не скоро изгладится глубоко скорбное впечатлѣніе, вызванное неожиданною кончиною незабвеннаго учителя въ сердцахъ многочисленныхъ учениковъ его, какъ сосредоточенныхъ по близости къ нашей московской Alma Mater, главному поприщу дѣятельности покойнаго, такъ и разсѣявшихся по далекимъ угламъ нашего обширнаго отечества. Съ печальной памяти дня 4-го октября 1879 г., когда смерть прервала плодотворную научную дѣятельность С. М. Соловьева, историко-филологическій факультетъ московскаго университета не испытывалъ столь тяжелой утраты: хотя за послѣдніе годы Н. С. и прекратилъ свою преподавательскую работу, но живая, органическая связь между высшимъ разсадникомъ знанія и его достойнымъ представителемъ, бывшимъ украшеніемъ занимаемой имъ кафедры и дважды стоявшимъ по избранію во главѣ роднаго университета, — эта связь не могла прерваться и ослабѣть въ умахъ всѣхъ насъ, имѣвшихъ счастье слушать лекціи Н. С.; его личность навсегда срослась съ представленіемъ о лучшей порѣ нашей жизни, проведенной въ стѣнахъ дорогаго намъ зданія, посвященнаго наукѣ, и, если вообще воспоминанія о студенческихъ годахъ являются крѣпкимъ цементомъ, связующимъ воедино разбросанную семью бывшихъ университетскихъ питомцевъ, то никогда эта духовная связь не ощущается столь живо, не проявляется столь наглядно, какъ въ години скорбныхъ утратъ, подобныхъ настоящей, когда ученики провожаютъ въ могилу прахъ наставника, бывшаго ихъ руководителемъ въ умственномъ развитіи и научной работѣ. Неудивительно, что въ такіа минуты воспоминанія объ отшедшемъ въ вѣчность учителѣ съ особенною яркостью и силою возстаютъ передъ умственнымъ взоромъ учениковъ; понятно стремленіе подѣлиться этими воспоминаніями, хотя бы отрывочными и неполными,

съ обществомъ и тѣмъ принести хотя бы малую дань благодарности покойному: пусть не пропадетъ ничто, что можетъ послужить къ освѣщенію, къ характеристикѣ выдающейся личности, какъ матеріалъ для возможно всесторонней оцѣнки челоуѣка и его дѣятельности. Предлагаемый краткій очеркъ не имѣетъ въ виду ничего другаго, кромѣ указанной скромной цѣли; пишущій эти строки не принадлежитъ къ числу ближайшихъ учениковъ Н. С., работающихъ на избранномъ имъ поприщѣ, но онъ въ теченіе трехъ лѣтъ былъ внимательнымъ слушателемъ курсовъ покойнаго профессора, имѣлъ случай работать по его указаніямъ и по самой своей специальности всегда стоялъ близко къ предмету лекцій Н. С.. Независимо отъ того высокаго интереса, который вызывался во всякомъ, даже вполнѣ постороннемъ слушателѣ содержаніемъ и формою этихъ лекцій, въ данномъ случаѣ этотъ интересъ неизбѣжно усиливался кровною связью между политическими и общественными явленіями жизни русскаго народа и его духовнымъ развитіемъ, ходомъ его умственной работы, его идеалами и творчествомъ, отражающимися въ памятникахъ языка. Исторія народа неполна и непонятна безъ ознакомленія съ его литературою; но для того, чтобы это ознакомленіе дѣйствительно выяснило намъ процессъ историческаго движенія, изученіе литературы должно быть поставлено именно на почву того широкаго и глубокаго изслѣдованія, какое лежало въ основѣ всѣхъ трудовъ Н. С., и результатами котораго онъ дѣлился со своею аудиторіею.

Я поступилъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета въ 1879 г., какъ разъ въ то время, когда состоялось вторичное избраніе Н. С. на должность ректора. Помню, какъ теперь, съ какимъ жаднымъ интересомъ мы, первокурсные новички, ожидали первой лекціи знаменитаго ученаго по избранному имъ на тотъ годъ курсу исторіи русскаго языка переходной эпохи, — второй половины XVII и начала XVIII столѣтія. Не стану распространяться о высокиихъ научныхъ достоинствахъ этого курса и объ исключительной важности самаго историческаго момента, избраннаго профессоромъ для освѣщенія; скажу только о впечатлѣніи, вынесенномъ нами изъ первой же лекціи Н. С. и затѣмъ укрѣплявшемся и усиливавшемся съ каждой новой его лекціей. Это было прежде всего впечатлѣніе не только полнаго обладанія предметомъ, основательнаго знанія, но и полной самостоятельности изслѣдованія, не нуждающейся въ ссылкахъ на чужія мнѣнія, всегда опирающейся на результаты собственныхъ изысканій и приходящей къ своимъ, оригинальнымъ выводамъ. Едва ли нужно говорить о томъ, насколько такая

самостоятельность мысли придавала авторитетности научнымъ выводамъ профессора и какъ сильно она импонировала на насъ, начинающихъ свои занятія подъ руководствомъ такого наставника, у котораго каждая фраза являлась продуманною и взвѣшенною, каждое положеніе строго провѣреннымъ и основывающимся на фактахъ. Эта самостоятельность мысли не была у Н. С. результатомъ желанія казаться оригинальнымъ, проводить непременно новые взгляды: она естественно вытекала изъ глубокаго изученія, историческаго анализа предмета; поэтому, когда ему случалось заявлять съ кафедры о своемъ несогласіи съ другими научными авторитетами по какому-либо спорному вопросу, въ родѣ, напр., приуроченія схоластической драмы «Стефанотокосъ» къ тѣмъ или другимъ историческимъ лицамъ и событіямъ, въ этихъ заявленіяхъ несогласія отнюдь не звучала нота самодовольства: Н. С. излагалъ свои соображенія просто и спокойно и обставлялъ ихъ такими солидными, вѣскими доводами, что слушатели невольно проникались его взглядами, ясно сознавая въ то же время, что для этого человѣка суть дѣла заключается въ научной истинѣ, въ вѣрной постановкѣ вопроса и вѣрномъ его рѣшеніи, а не въ согласіи или несогласіи съ кѣмъ бы то ни было. Н. С. вносилъ въ свои лекціи духъ строгой объективности, не позволяющей лично «я» выдвигаться на первый планъ, и въ то же время духъ строгаго критицизма даже въ мелочахъ, причемъ логичность, послѣдовательность и основательность его доводовъ невольно увлекали аудиторію и приковывали ея вниманіе даже къ сухимъ, повидимому, мало интереснымъ деталямъ спеціальнаго характера. Въ этомъ отношеніи лекціи Н. С. могли служить для приступающихъ къ наукѣ образцомъ истинно-научнаго метода изслѣдованія частныхъ и комбинированія ихъ въ одно стройное цѣлое. Показывая своимъ слушателямъ блестящій примѣръ самостоятельной работы въ своихъ лекціяхъ, Н. С. приучалъ ихъ къ такой же самостоятельности съ первыхъ же шаговъ ихъ дѣятельности, требуя отъ нихъ не только твердаго усвоенія курса, но еще болѣе письменныхъ годовичныхъ работъ на предложенныя имъ темы, и именно въ выборѣ этихъ темъ сказывалось его педагогическое умѣнье направлять мышленіе своихъ учениковъ на мало разработанные вопросы, требующіе серьезнаго изученія. Работая надъ такими темами, какъ, напр., «Естественно-историческія свѣдѣнія въ древне-русской литературѣ», «Сказанія о паденіи Константинополя», «Девгеніево дѣяніе», «Троянская Исторія», «Слово Даніила Заточника», первые русскіе драматическіе опыты, различные духовные стихи, теорія поэзіи по Ломоносову, разборъ комедій Сумарокова, произведенія Стефана Яворскаго или Теофана

Прокоповича и пр., учащиеся не только ближайшим образом знакомились съ литературными произведениями самыхъ различныхъ эпохъ, но и вникали въ духъ, въ настроеніе, воззрѣнія народныхъ массъ и отдѣльныхъ передовыхъ личностей, прослѣживали процессъ литературныхъ вліяній и заимствованія идей и формъ, наконецъ, приучались къ такого рода работѣ, которая не позволяетъ *jugare in verba magistri*, а вызываетъ на самостоятельное рѣшеніе вопросовъ. Навѣрное всѣ ученики Н. С. живо помнятъ, какія цѣнныя указанія и разъясненія давалъ онъ, предлагая свои темы для курсовыхъ работъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ согласится, что его руководящія указанія никогда не имѣли въ виду заранѣе предрѣшить выводъ, къ какому долженъ придти неопытный въ научномъ трудѣ авторъ. Эти студенческія сочиненія, которымъ Н. С. вполне основательно придавалъ большую цѣну, чѣмъ мало надежному и непрочному заучиванію передъ экзаменомъ литографированныхъ лекцій, были для его слушателей, особенно для избравшихъ себѣ его излюбленную спеціальность, серьезной подготовкою къ ихъ будущей дѣятельности и во всѣхъ безъ исключенія развивали духъ пылкости, критики, анализа и способность методическаго, научнаго мышленія.

Но не одна самостоятельность мысли, соединенная съ детальнѣйшимъ знаніемъ предмета, неотразимо приковывала вниманіе аудиторіи къ лекціямъ Н. С.: не менѣе сильно дѣйствовала на умы слушателей цѣльность, стройность и законченность его изложенія, всегда проникнутаго одною руководящею идеею. Благодаря этой цѣльности, особенно яркими являлись характеристики отдѣльныхъ дѣятелей литературы и цѣлыхъ эпохъ въ духовной жизни народа съ ихъ господствующимъ міросозерцаніемъ и идеалами. Стоитъ только вспомнить отдѣлы курсовъ Н. С., посвященные Кантемиру, Тредьяковскому, Ломоносову, Сумарокову, которые всѣ, какъ живые, проходили передъ слушателями въ своеобразномъ освѣщеніи и съ ярко очерченною фізіономіею; въ особенности считаю себя въ правѣ утверждать это по отношенію къ грандіозной фигурѣ русскаго самородка XVII в., богатыря раскола, протопопы Аввакума, неизгладимо врѣзывавшейся въ воображеніе, точно изваянной во всемъ величіи ея мрачнаго фанатизма и несокрушимой эпергии. Эта цѣльность изображенія, истекавшая изъ дара повсюду выдѣлять общее изъ массы частныхъ, подмѣчать основныя, характерныя черты во всѣхъ явленіяхъ и затѣмъ сопоставлять факты однородные и связывать ихъ въ одну стройную картину, — эта цѣльность наиболѣе уясняла для слушателей сложные историко-психологическіе процессы народнаго мышленія и творчества и, обогащая учени-

ковъ массою новыхъ знаній, одновременно содѣйствовала приведенію этого запаса въ строгую систему, приучала отъ анализа переходить къ синтезу, отъ отдѣльныхъ фактовъ къ общему выводу.

Тотъ же даръ тонкой наблюдательности въ соединеніи съ тщательнымъ изслѣдованіемъ и умѣньемъ схватывать предметъ въ его цѣломъ приводилъ зоркаго и неутомимаго изслѣдователя къ новымъ взглядамъ не только относительно тѣхъ или иныхъ историко-литературныхъ вопросовъ, но и относительно значенія цѣлыхъ эпохъ въ жизни народа; здѣсь основной источникъ той самостоятельности, о которой говорено выше. Тамъ, гдѣ прежніе изслѣдователи видѣли только «великія нестроенія», Н. С. умѣлъ подмѣтить вѣяніе духа новой жизни, патискъ новыхъ идей, борьбу отживающей старины противъ неизбежнаго движенія впередъ, — словомъ, умѣлъ найти развитіе, прогрессахъ во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности народа, и можно сказать, что именно наглядно-научное изображеніе постепенной смѣны понятій и идеаловъ составляло главное содержаніе курсовъ Н. С. по исторіи русской литературы, и что идея органическаго прогрессивнаго развитія была заложена въ ихъ основу, сообщая внутреннее единство всѣмъ, повидимому, разрозненнымъ частностямъ.

Общая характеристика изображаемыхъ эпохъ, набросанныя сжатými, но блестящими, мѣткими штрихами, служа вступленіемъ къ курсу, давали ключъ къ уразумѣнію смысла всего послѣдующаго пестраго матеріала, не допуская растеряться въ лабиринтѣ мелкихъ подробностей.

Однако никакія внутреннія достоинства лекцій не въ состояніи были бы воплотить искупить сухости, отвлеченности, безжизненности изложенія, и потому здѣсь мѣ считаемъ умѣстнымъ и необходимымъ отмѣтить еще одну сторону дѣла, — необычайную образность, конкретность, можно сказать смѣло, — художественность языка Н. С., сказывавшуюся въ его лекціяхъ, въ живой бесѣдѣ съ аудиторією, быть можетъ, даже еще сильнѣе, чѣмъ въ его печатныхъ трудахъ. Мы уже не говоримъ о безукоризненной литературной отдѣлкѣ его слога; но очевидно, что одной такой отдѣлки мало, чтобы вдохнуть жизнь въ изложеніе, одѣть въ плоть и кровь выводимые образы; для достиженія такой пластичности природное дарованіе должно приходиться на помощь тщательному труду, и этимъ высокимъ даромъ Н. С. обладалъ, какъ немногіе избранные. Каждая его лекція не только представляла нѣчто вполне цѣльное по содержанію, проникнутое одною идеею, но и законченное по обработкѣ произведеніе мастера, въ которомъ каждое слово стоитъ на своемъ мѣстѣ, вполне выражаетъ свою мысль, каж-

дое сравненіе мѣтко, каждый образъ бьетъ въ глаза своею жизненностью, каждый оборотъ изященъ въ своей безыскусственной простотѣ. Здѣсь не было мѣста ни многословію, ни разбросанности, ни риторикѣ или погонѣ за эффектами: все было такъ сжато и вмѣстѣ ясно, серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ живо. Такое изложеніе помогало лектору оживлять и дѣлать интереснымъ даже матеріалъ, повидимому, наиболее сухой и специальный: для подтвержденія обращаюсь мысленно къ моимъ сверстникамъ по университету, которые помнятъ курсъ Н. С., читанный имъ въ 1881—82 академическомъ году, курсъ, посвященный палеографіи и библіографіи. Различныя спеціальныя тонкости, въ родѣ разъясненія того, какимъ образомъ возможно опредѣлить время и мѣсто написанія древней рукописи по матеріалу, на которомъ она написана, — пергаментъ, бумажинѣ и т. д., по заставкамъ или по начертанію отдѣльныхъ буквъ, — всѣ эти тонкости не утомляли вниманія аудиторіи, а истолкованіе различныхъ видовъ старинной русской тайнописи, «большой и малой литорен», или характеристика научно-библіографическихъ методовъ Востокова или Горскаго по увлекательности изложенія, мастерскаго, дѣльнаго и въ то же время проникнутаго живымъ, самороднымъ юморомъ, не уступали блестящимъ лекціямъ, посвященнымъ, напр., Ломоносову, Сумарокову или сатирическимъ журналамъ Екатерининской эпохи. Кстати объ юморѣ, который былъ присущъ Н. С.: не разъ аудиторія оглашалась веселымъ смѣхомъ, когда лицо самого профессора оставалось невозмутимо серьезнымъ, даже какъ будто нѣсколько суровымъ; таково было дѣйствіе его образнаго, мѣткаго языка и умѣнья интонировать. Но, разъ мы коснулись вообще дара слова покойнаго профессора, намъ приходится нѣсколько расширить рамки нашихъ воспоминаній и перенестись мыслью изъ большой словесной аудиторіи новаго университета въ актовую залу въ торжественные дни 12-го января, когда Н. С. въ качествѣ ректора имѣлъ передъ собою гораздо болѣе обширный и разнообразно составленный кругъ слушателей. Кто изъ студентовъ тѣхъ годовъ не помнитъ этихъ поистинѣ блестящихъ шедевровъ ораторскаго искусства и тѣхъ бурныхъ взрывовъ рукоплесканій, которыми академическая молодежь привѣтствовала появленіе на эстрадѣ Н. С. и сопровождала прочтеніе имъ годичнаго отчета? Если Н. С. вообще съ полнымъ достоинствомъ являлъ въ себѣ вышшаго представителя старѣйшаго русскаго университета, то въ эти минуты онъ бывалъ именно тѣмъ, что на языкѣ средневѣковаго нѣмецкаго студенчества называлось *gestor magnificus*: питомцы университета могли по праву гордиться своимъ ректоромъ, а студенты-филологи въ особенности,

видя въ немъ профессора своего факультета. Чтеніе отчета обращалось въ живую, краснорѣчивую; увлекательную лѣтопись университетской жизни, сухія цифры получали смыслъ и значеніе, горячая любовь къ родному разсаднику знаній, бодрый призывъ къ труду во имя науки, къ свѣту и правдѣ звучали въ каждомъ словѣ оратора; самый голосъ его дрожалъ отъ волненія при перечисленіи и глубоко прочувствованной оцѣнкѣ утратъ, понесенныхъ университетомъ, и при напоминаніи о великихъ именахъ прошлой его исторіи. Напомню актъ 1880 г., когда Н. С. пришлось говорить о кончинѣ Соловьева, Крылова и Басова, когда нашъ университетъ праздновалъ 125-лѣтнюю свою годовщину, или актъ одного изъ послѣдующихъ годовъ, когда въ залѣ торжественно при рукоплесканіяхъ собравшихся были увѣнчаны портреты Соловьева и Пирогова, и ректоръ обратился съ горячимъ словомъ къ памяти этихъ двухъ «великихъ трудолюбцевъ» русской науки. Въ тѣ годы для насъ, студентовъ, появленіе Н. С. на трибунѣ и прочтеніе имъ отчета, такъ ярко освѣщавшаго всѣ радости и скорби въ жизни университета за истекшій годъ, составляло главный центръ тяжести, great attraction актовaго торжества, ожидалось съ нетерпѣніемъ, выслушивалось съ напряженнымъ вниманіемъ и вызывало потомъ оживленные толки. Но не только съ профессорской кафедрѣ, не только съ парадной эстрады приходилось Н. С. говорить со студентами: годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, были смутнымъ временемъ въ жизни Московскаго университета, и я самъ былъ свидѣтелемъ того неотразимо сильнаго впечатлѣнія, которое умѣла производить убѣжденная рѣчь Н. С. на волнующуюся молодежь, — рѣчь, произносившаяся безъ подготовки, экспромптомъ, но потому еще болѣе заслуживающая удивленія по своему изяществу, спокойствію и достоинству. И во всемъ этомъ ни малѣйшей погони за популярностью; насколько мало тѣшили самолюбіе Н. С. выраженія одобренія, показываетъ хотя бы слѣдующій эпизодъ: осенью 1879 г., когда состоялось вторичное избраніе Н. С. на должность ректора, мы всѣ, студенты трехъ курсовъ, составлявшіе его аудиторію, при его появленіи поднялись съ мѣстъ и привѣтствовали его громомъ аплодисментовъ. Не измѣнившись въ лицѣ, не выразивъ ни удивленія, ни удовольствія, Н. С. взошелъ на свою кафедру, нетерпѣливо тряхнулъ головою и, когда рукоплесканія умолкли, спокойно принялся за свое дѣло, которое было ему дороже всего, — приступилъ къ чтенію лекціи.

Хотѣлось бы сказать и еще не мало объ отношеніи Н. С. къ учащейся молодежи, отношеніи, исполненномъ достоинства и доброжела-

тельства, одинаково чуждомъ высокоумія и заискиванія, о его готовности всегда помочь своими указаніями или матеріалами изъ его богатой бібліотеки, о его требованіяхъ относительно серьезности занятій,—но всего не перескажешь въ короткой замѣткѣ. О такихъ людяхъ, какъ Н. С. Тихонравовъ, всегда хочется сказать много, всегда найдется довольно воспоминаній. Закончимъ однимъ сопоставленіемъ: когда въ 1879 г. Москва прощалась съ прахомъ С. М. Соловьева, было произнесено нѣсколько рѣчей на могилѣ, и между ними на первомъ мѣстѣ была Н. С., какъ всегда, полная красота по чувству, мысли и выраженію. На могилѣ Н. С. не раздалось такихъ замѣчательныхъ рѣчей; но это скорбное молчаніе не означаетъ равнодушія къ памяти великаго ученаго и учителя. Пусть же каждый изъ насъ по мѣрѣ своихъ силъ воздастъ должное имени покойнаго, и моя дань, слабая, но идущая отъ сердца, да будетъ скромнымъ вѣнкомъ на его свѣжую могилу!

Н. Аммонъ.

Университетскія чтенія Н. С. Тихонравова въ связи съ его научно-литературными идеалами.

Въ лицѣ Николая Саввича Тихонравова русская наука и русское общество утратило одного изъ послѣднихъ представителей того блестящаго и гуманнаго направленія общественной и научной мысли, которое принято теперь обозначать именемъ эпохи сороковыхъ годовъ. Идеалы этихъ завѣтныхъ годовъ въ жизни лучшей части русскаго общества оставили глубокой, неизгладимый слѣдъ на всемъ міросозерцаніи Николая Саввича. Для тѣхъ, кто имѣлъ счастье прослушать его замѣчательный университетскій курсъ, личность Тихонравова съ этой стороны возстаетъ въ памяти cadaго ясно и опредѣленно. Въ работахъ специальныхъ, въ критическихъ изданіяхъ древнихъ текстовъ и памятниковъ, вообще, въ трудахъ монографическихъ, по самому существу предмета, завѣтныя убѣжденія труднѣе вызываются наружу, чѣмъ въ живой, устной бесѣдѣ, охватывающей широкій горизонтъ историко-литературныхъ фактовъ и культурныхъ явленій въ жизни извѣстнаго народа и общества. И дѣйствительно, лекціи Николая Саввича даютъ богатый матеріалъ для характеристики его общественныхъ взглядовъ и завѣтныхъ упованій: не даромъ его университетскія чтенія увлекали многочисленную аудиторію, жадно ловившую гуманныя рѣчи блестящаго представителя университетской науки въ ея лучшую пору. Всѣ его бывшіе слушатели единодушно свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ впечатлѣнія, о рѣдкой увлекательности его чтеній. Большую роль играло тутъ богатство и повизна содержанія, сила и глубина научнаго анализа: но на юныя сердца не меньше дѣйствовало и теплое, гуманное чувство, разлитое въ выводахъ и приговорахъ о событіяхъ

и настроеніяхъ минувшаго времени ¹⁾. Чтеніе лекцій было любимымъ дѣломъ, насущной потребностью Николая Саввича: на это дѣло онъ тратилъ свои лучшія силы и вкладывалъ всю свою душу. Университетскому курсу онъ придавалъ громадное значеніе, не одно научное, но и педагогическое. Пишущему эти строки не разъ доводилось слышать отъ него, насколько сложнѣе и отвѣтственнѣе задача лектора сравнительно съ кабинетной работой. «Только на экзаменѣ удается провѣрить и вполнѣ оцѣнить пригодность своего курса: изъ сбивчивыхъ и неясныхъ отвѣтовъ студентовъ получаешь надежное указаніе на тѣ отдѣлы курса, которые разработаны недостаточно точно, либо изложены безъ должной ясности: *экзаменъ выходитъ въ сущности самому себѣ*». Эти слова какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ объ его глубокой научной добросовѣстности и строгомъ педагогическомъ тактѣ. Лекціи Тихонравова важны еще въ одномъ отношеніи: при своей жизни, не смотря на многочисленныя ученыя работы, онъ напечаталъ сравнительно мало. Такимъ образомъ, характеристика ученой и литературной дѣятельности Николая Саввича на основаніи однихъ только печатныхъ трудовъ окажется неполной, а, слѣдовательно, и не отвѣчающей дѣйствительному значенію его научной дѣятельности.

Этимъ, на мой взглядъ, объясняется неясность и какое-то замалчиваніе въ отзывахъ о дѣятельности Тихонравова появившихся послѣ его смерти некрологовъ и припоминаній. Между тѣмъ, совершенно иное говорятъ воспоминанія лицъ, слушавшихъ либо инымъ путемъ знакомыхъ съ его университетскимъ курсомъ. Но эти лекціи имѣютъ значеніе не только какъ матеріалъ, важный при оцѣнкѣ дѣятельности Тихонравова: многіе отдѣлы исторіи русской литературы, даже новѣйшей, все еще основаны на неточныхъ фактахъ и невѣрныхъ выводахъ и только въ лекціяхъ Тихонравова получаютъ настоящую, всестороннюю оцѣнку. Таковы, напр., вопросы о литературной реформѣ Карамзина, о романтизмѣ Жуковскаго и нескончаемая вереница другихъ, болѣе мелкихъ.

Итакъ, тайна неотразимаго обаянія лекцій Тихонравова на его слушателей объясняется съ одной стороны новизной содержанія, силой и тонкостью научнаго анализа: съ другой стороны, по всѣмъ отдѣламъ его курса проходятъ красною нитью свѣжія вѣянія и идеальныя стремленія сороковыхъ годовъ, которыя Николай Саввичъ унаслѣдо-

¹⁾ Ср. воспоминанія о Тихонравовѣ въ Русской Старинѣ, 1893 г., июнь, въ статьѣ „А. А. Котляревскій, какъ преподаватель“.

валъ и свято сохранилъ, воспринявъ ихъ изъ рукъ *русскихъ гуманистовъ*, какъ мѣтко охарактеризовалъ Грановскаго, Кудрявцева и другихъ В. И. Герье, въ известной биографіи С. М. Соловьева. Глубокое вліяніе его лекцій не ограничивалось стѣнами одного московскаго университета: по свидѣтельству близкаго сотоварища Тихонравова, проф. А. С. Павлова, его лекціи еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, т. е. еще въ то время, когда Николай Саввичъ едва успѣлъ занять кафедру исторіи русской литературы, уже проникали и обращались въ стѣнахъ казанской духовной академіи, и, только благодаря вліянію этихъ лекцій, сложились и выдвинулись такіе научные дѣятели, какъ проф. Порфирьевъ, Щаповъ и другіе. Въ одномъ изъ некрологовъ Тихонравова, высказанъ былъ вполне справедливый взглядъ, что результаты многолѣтнихъ научныхъ занятій Николая Саввича, многіе его взгляды и выводы, усвоенные и вынесенные изъ стѣнъ университета его слушателями, перешли въ печать и оказали вліяніе на науку ¹⁾. А между тѣмъ было высказано, что Тихонравовъ не оставилъ ни одной широкой цѣльной работы ²⁾, не оставилъ печатныхъ трудовъ общаго характера ³⁾, и т. п.. Объяснить причину этихъ отзывовъ намъ теперь не трудно: лекціи Тихонравова, совмѣщающіе въ себѣ результаты научныхъ изысканій его собственныхъ и чужихъ и обнимающіе широкіе отдѣлы исторіи русской литературы, остались при его жизни не напечатанными и лежатъ доселѣ въ разрозненныхъ тетрадяхъ.

Такимъ образомъ, «его печатныя произведенія не могутъ дать понятія о разнообразіи его знаній и обширности его свѣдѣній» ⁴⁾. Такими словами характеризовалъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, научную дѣятельность одного изъ профессоровъ Московскаго университета молодой кандидатъ того же университета, Н. С. Тихонравовъ, отъ дѣятельности котораго Шевыревъ ожидалъ тогда *добрыхъ плодовъ* для исторіи русской литературы ⁵⁾, — и эти слова имѣли вѣщій, пророческій смыслъ для его собственной, грядущей научной дѣятельности. Эта статья о Баузе любопытна и въ другихъ отношеніяхъ: въ ней высту-

¹⁾ Некрологъ, составленный проф. М. И. Соколовымъ (Рѣчь и отчетъ Московскаго университета, 1894, 8).

²⁾ См. Вѣст. Евр., 1894, янв., 451: некрологъ, составленный А. Н. Пыпинымъ.

³⁾ См. Ж. М. Н. Пр., 1894, янв., 5: некрологъ, составленный Л. П. Майковымъ.

⁴⁾ См. Биографическій Словарь Имп. Моск. Университета, ч. I, биографію Оед. Григ. Баузе, 86.

⁵⁾ См. С. П. Шевырева, О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи, 1853, 75.

пасть впервые личность Николая Саввича со всеми своими характерными особенностями, со всеми своими литературными вкусами и наклонностями, которые впоследствии заставляли такъ высоко ставить его ученые работы. Въ личности Баузе, дѣйствительно, было много симпатичнаго для Тихонравова: та же широта педагогическихъ взглядовъ, то же пристрастіе къ рукописному матеріалу и необыкновенная разносторонность. Рукописная коллекція Баузе, сгорѣвшая во время пожаровъ 1812 года, видимо, манила и разжигала любопытство молодого ученаго: его собственная, столь извѣстная впоследствии, любовь къ собиранію рукописей проглядываетъ въ тѣхъ строкахъ, гдѣ онъ, со словъ Калайдовича, перечисляетъ книжныя рѣдкости сгорѣшаго собранія Баузе, а его позднѣйшіе, историко-литературные взгляды уже даютъ себя чувствовать въ отдѣльныхъ приговорахъ и нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ ¹⁾).

Будучи еще студентомъ, Николай Саввичъ просиживаетъ свои досуги въ Погодинскомъ древлехранилищѣ, твердо увѣренный, что древнюю литературу слѣдуетъ изучать въ ея первоисточникахъ, и уже въ то время стремящійся всеми силами къ возможно полному собиранію историко-литературныхъ фактовъ, какъ единственной основы твердаго научнаго вывода. Уже много позднѣе, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, онъ съ особой настойчивостью повторяетъ ту же мысль о необходимости обширнаго и основательнаго знакомства съ памятниками и источниками старой и новой русской литературы. Умѣнемъ справляться съ этой черной работой научной архитектурки онъ всецѣло обязанъ своей усидчивой преданности къ архивнымъ занятіямъ. Въ результатѣ получается рѣдкая библиографическая полнота, необыкновенная документальность его студенческихъ и позднѣйшихъ ученыхъ работъ. Еще будучи студентомъ 4-го курса, онъ составляетъ для проф. С. Шевырева подробный списокъ произведеній Жуковскаго, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Это знакомство съ рѣдкими періодическими изданіями русскими и иностранными ведетъ иногда къ неожиданнымъ и весьма важнымъ результатамъ. Библиографическій балластъ даетъ огромную фактическую устойчивость научному выводу, и этой устойчивостью поражаютъ нѣкоторыя наблюденія и соображенія его неизданной студенческой работы «О заимствованіяхъ русскихъ писателей». Впоследствии онъ научился на собственномъ опытѣ цѣнить документальность научной работы, искалъ ее въ чужомъ трудѣ

¹⁾ Таковы его слова, что „каждый ученый трудъ долженъ быть оцѣниваемъ въ силу потребностей и средствъ того времени, къ которому онъ относится“. — Биографія Баузе, 84.

и внушал своимъ ученикамъ на первое мѣсто полагать фактическую добросовѣстность.

По убѣжденію Тихонравова, повѣствователь судебъ древне-русской литературы, не обращающійся къ архивному и рукописному матеріалу, лишаетъ себя возможности сообщить вѣрныя и самостоятельныя данныя о литературныхъ явленіяхъ прошлаго. Только при пристальномъ фактическомъ изученіи нашей литературной старины удовлетворится сочувствіе изслѣдователя къ своему литературному прошедшему, которое только въ этомъ случаѣ на трудъ изслѣдователя отвѣтитъ «живыми глаголами»¹⁾. Это внимательное изученіе первоисточниковъ еще во времена студенчества снискало извѣстность его первымъ журнальнымъ статьямъ (о Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, Пушкинѣ, Дельвигѣ и Гоголѣ): по свидѣтельству А. Н. Пыпина, журналы уже въ то время дорожили его сотрудничествомъ. Впослѣдствіи это пристрастіе къ фактическому матеріалу разрастается до необычайныхъ, ему одному доступныхъ размѣровъ проникновенія въ рукописную, архивную старину: въ его позднѣйшихъ чтеніяхъ о Ломоносовѣ и Сумароковѣ, особенно о Новиковѣ, Карамзинѣ и Жуковскомъ, на глазахъ увлеченнаго слушателя происходитъ буквально перекрестный допросъ литературныхъ памятниковъ, писемъ, автобіографій и воспоминаній, записокъ и мемуаровъ, альманаховъ, черновыхъ бумагъ и т. п. Каждый фактъ провѣряется другимъ, ни одна мелочь не обходится безъ строгой, критической оцѣнки: на каждомъ шагу такъ и чувствуется убѣжденный послѣдователь А. В. Горскаго, автора извѣстнаго Описанія рукописей синодальной бібліотеки. Въ своихъ лекціяхъ Тихонравовъ любилъ обращаться къ черновой перепискѣ лаврскаго ученаго и чудовскаго труженика Невоструева: подъ его умѣлою рукой архивный матеріалъ дѣйствительно оживалъ и отвѣчалъ на любознательность изслѣдователя «живыми глаголами». Эти черновые листки летучей переписки привлекали вниманіе Тихонравова, какъ матеріалъ для рѣшенія любопытной психологической проблемы, какъ средство приподнять завѣсу ученаго творчества и проникнуть въ самые глубокіе тайники созиданія научной работы. Московскій ученый глубоко чтить память Горскаго и сознательно слѣдовалъ тѣмъ научнымъ приемамъ, которые, по его словамъ, сдѣлали изъ скромнаго описанія синодальныхъ рукописей «сокровищницу критически очищенныхъ фактовъ для исторіи языка какъ русскаго, такъ и древнеславянскаго»²⁾.

¹⁾ Отчетъ о XIX присужденіи наградъ гр. Уварова, 1878, 56—57.

²⁾ См. литографиров. лекціи исторіи древнерусской литературы, 1879 — 1880 г., стр. 132.

Итакъ, историко-литературныя изысканія Тихонравова постоянно имѣютъ въ виду фактической матеріалъ, документальную основу: именно въ этомъ широкомъ смыслѣ слова признавалъ онъ значеніе библиографической оправы историко-литературной работы. Несправедливы, поэтому, упреки, правда, немногочисленные, легкомысленно направлявшіеся противъ его научныхъ приѣмовъ и противъ созданной имъ школы его послѣдователей, школы, будто-бы, *par excellence* библиографической.

Прежде всего, Тихонравовъ, поражающій широтой своего научнаго кругозора, нисколько не отвѣтственъ за нѣкоторую односторонность и излишнее пристрастіе къ черновой работѣ весьма немногихъ изъ его учениковъ: разница дарованій вноситъ, несомнѣнно, извѣстные отбѣнки въ способъ примѣненія научныхъ приѣмовъ и въ самый ходъ изслѣдованія подлежащихъ явленій. Затѣмъ, эта кажущаяся, на поверхностный взглядъ, кропотливость изслѣдованія имѣетъ свои глубокія основанія. Именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи научныя приѣмы Тихонравова невольнo напрашиваются на сопоставленіе ихъ съ основными воззрѣніями Тэна. Будущему біографу Тихонравова предстоитъ опредѣлить и выдѣлить долю вліянія критическихъ воззрѣній Тэна, если только такая связь дѣйствительно существовала съ научными приѣмами московскаго ученаго. Несомнѣнно, однако, есть извѣстныя точки совпаденія и видимое родство между критическими приѣмами обоихъ выдающихся научныхъ дѣятелей. Для того, чтобы раскрыть факты, найти ихъ конечную, психологическую основу, для этого, по взглядамъ того и другого, недостаточно остроумныхъ сближеній, отвлеченныхъ сужденій. Нужны твердо установленные факты, тщательно собранные по крупицамъ изъ запыленныхъ свертковъ забытыхъ архивовъ. Если сущность творческой научной работы состоитъ въ анализѣ фактовъ, въ раскрытіи первичныхъ причинъ запутанныхъ явленій, то естественно искать прежде всего матеріала, подлежащаго научной переборкѣ. Извѣстно, что въ основу своего научнаго метода Тэнъ предлагалъ анализъ фактовъ, ведущій въ результатѣ къ размноженію фактовъ, сокрытыхъ въ одномъ общемъ наименованіи. Между тѣмъ, какъ культурная, такъ и литературная исторія имѣетъ дѣло, въ большинствѣ случаевъ, съ прошедшимъ, весьма рѣдко съ настоящимъ: спрашивается, гдѣ и какъ искать фактической матеріалъ? Несомнѣнно, въ бібліотекахъ и архивахъ, въ старыхъ записяхъ и неизданныхъ памятниклахъ, актахъ, мемуарахъ и т. п. Эта работа, дѣйствительно, кропотливая, пожалуй, скучная, а подчасъ и не легкая, но для ученаго, ищущаго научнаго обоснованія своихъ выводовъ, живая и плодо-

творная. Школьная нѣмецкая наука давно установила всю важность и отвела подобающее мѣсто въ методологіи этимъ *пристальнымъ* изученіямъ прошедшаго, установила приемы изданія, изученія и анализа фактическаго, архивнаго и рукописнаго матеріала. Этотъ документальный матеріалъ даетъ возможность возсоздать настроеніе массы, вызвавшее или сопутствовавшее извѣстное историческое событіе или литературное явленіе. Просматривая научныя работы и университетскія чтенія Тихонравова, можно видѣть, какое широкое значеніе придавалъ онъ документальному анализу. На первомъ планѣ всюду стоитъ реальная, фактическая достовѣрность выводовъ, добытыхъ изъ массы критически-очищенныхъ фактовъ, зачастую впервые имъ открытыхъ. Подобно Тэню, онъ любитъ точныя данныя, реальныя очертанія и опредѣленные размѣры: нравственныя качества, затаенныя желанія и духовныя силы народа, впечатлѣныя въ литературныхъ памятникахъ, принимаютъ *осязательныя*, видимыя формы и краски ⁴⁾. Съ особымъ пристрастіемъ любилъ онъ задерживать вниманіе слушателей на мелкихъ, едва уловимыхъ отзвукахъ литературной старины, отзвукахъ, наглядно рисующихъ настроеніе массы, ея сѣрья, будничныя тревоженія и заурядныя мечтанія. Накапливая мелкіе литературные факты, онъ оцѣнивалъ и взвѣшивалъ въ нихъ господствующее настроеніе эпохи и выслѣживалъ симптомы вновь обозначившихся теченій.

Надо замѣтить, что, несмотря на эту трезвую сдержанность научнаго изслѣдованія, на сухость предварительной разработки фактическихъ данныхъ, чтенія Тихонравова плѣняли слушателей образностью и силой языка, картинностью и выразительностью образовъ. И въ этомъ случаѣ умѣстно вспомнить характерное и поучительное требованіе Тэна отъ историка, который долженъ вмѣщать въ себя нѣсколькихъ поэтовъ различныхъ отгѣнковъ.

Но не одна строгая фактичность ученой работы, не одна возбужденная страстность въ изученіи замирающихъ отзвуковъ литературной старины, не одинъ критическій тактъ и благородство языка и стиля привлекали къ себѣ умъ и сердца слушателей. Большую роль играла тутъ идеалистическая подкладка его научныхъ убѣжденій и общественныхъ воззрѣній. Поэтому, далеко не празднымъ является

⁴⁾ Пристрастіе къ рѣзкой документальности ясно высказано Тэню въ рецензіи на сочиненіе Гизо объ англійской революціи: „Одни только мелкіе и голые факты выражаютъ собою количественное опредѣленіе ихъ. Кто ихъ опускаетъ, тотъ въ состояніи дать намъ только неопредѣленную и приблизительную оцѣнку ихъ“. (См. продолженіе прекрасныхъ очерковъ о Тэнѣ В. И. Герье въ Вѣстн. Евр. 1894, сент., 154—155).

вопросъ: подъ какими вліяніями слагалось его міросозерцаніе въ лучшіе годы каждаго человѣка, въ блаженные годы студенчества?

Глухой, смутный инстинктъ не даромъ манилъ въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ въ Москву даровитаго юношу, которому пришлось, за недостаткомъ вакансій въ московскомъ университетѣ, временно поступить въ Педагогическій институтъ въ Петербургѣ. Его мечтамъ суждено было исполниться очень скоро, на слѣдующій же годъ пребыванія его въ институтѣ (въ 1850 г.). И вотъ юный студентъ попадаетъ въ Москву въ самый разгаръ дѣятельности Грановскаго. То время было особое, быть можетъ, нѣсколько наивное по отношенію къ окружавшей дѣйствительности, но за то богатое идеалами и полное надеждъ на будущее. Къ тому времени наши первостепенные писатели (какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь), начинаютъ, по влеченію какаго-то смутнаго инстинкта, присматриваться къ народной жизни, подумывать о народной долѣ; у идеалистовъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ (Герцена, Бѣлинскаго и Чернышевскаго) этотъ смутный порывъ находить себѣ опору въ необычайно-возбужденномъ общественномъ сознаніи, а первостепенные научные дѣятели приходятъ къ тому же результату путемъ научнаго убѣжденія, воспитаннаго романтическими вѣяніями тогдашней нѣмецкой филологіи. Въ то время московскій университетъ могъ гордиться блестящими представителями русской науки: съ одной стороны высшаго развитія достигала учено-литературная дѣятельность Грановскаго и Кудрявцева, съ другой—выступало на научное поприще молодое поколѣніе ученыхъ, съ *Θ. И. Буслаевымъ* и *С. М. Соловьевымъ* во главѣ. Въ самый годъ вступленія Николая Саввича въ московскій университетъ (1850) *Θ. И. Буслаевъ* защищаетъ свою магистерскую диссертацию. На второй годъ пребыванія Тихонравова въ университетѣ выходитъ первый томъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ Соловьева (1851). Приблизительно къ тому же времени относится разцвѣтъ научной дѣятельности *К. Д. Кавелина*, одного изъ самыхъ характерныхъ представителей эпохи сороковыхъ годовъ, затѣмъ *Н. В. Калачева*, *И. Е. Забѣлина* и мн. др. Всѣ эти выдающіеся дѣятели русской науки, хотя и на разныхъ поприщахъ, шли въ одномъ направленіи, руководствовались одними и тѣми же идеалами.

Главнымъ руководителемъ Тихонравова на поприщѣ новой, нѣмецкой науки былъ тогда *Θ. И. Буслаевъ*. Этому обстоятельству нельзя не придавать большаго значенія.

Надо помнить, что самъ Тихонравовъ никогда не бывалъ за границей, стало быть, не имѣлъ случая воспринять новыя начала западной

науки въ непосредственномъ общеніи съ западными учеными. Между тѣмъ Буслаевъ, проводившій первые годы своей ученой карьеры за границей (преимущественно въ Италіи), постоянно поддерживавшій живыя связи съ иностранными учеными и въ послѣдствіи, и, такъ сказать, впитавшій въ себя все новыя вѣянія западной науки, могъ до известной степени, возмѣстить для Тихонравова отсутствіе непосредственнаго общенія съ представителями западной науки.

Въ нѣмецкой филологической школѣ, перенесенной къ намъ Буслаевымъ, обозначилось къ тому времени тройное направленіе: сравнительное, основателемъ котораго былъ известный Боппъ (и позднѣе Бенфей); историческое, во главѣ котораго стоялъ Як. Гриммъ, и обще-философское, представителемъ котораго былъ В. Гумбольдтъ. Въ этой школѣ идея органическаго развитія языка и литературы стояла на первомъ мѣстѣ, причѣмъ народный бытъ и старина, поэзія и языкъ стали предметомъ необыкновенно-страстнаго изученія. Въ результатъ этого научнаго возбужденія—народное стало средоточіемъ историко-литературныхъ изученій, а его присутствіе—мѣркой поэтическаго достоинства ¹⁾.

Съ основными воззрѣніями и приѣмами новой науки ознакомилъ Николая Саввича Буслаевъ,—тотъ ученый, которому, по мнѣнію Тихонравова, русская литература и наука «наиболѣе обязана распространеніемъ здравыхъ научныхъ воззрѣній на значеніе и методъ разработки народной словесности» ²⁾. Буслаевъ передалъ Тихонравову сознательное уваженіе къ представителямъ новой нѣмецкой науки. Въ своемъ известномъ разборѣ исторіи русской словесности Галахова, разборѣ, дающемъ обильный матеріалъ для характеристики научныхъ и литературныхъ воззрѣній Тихонравова, онъ, критикуя руководящія авторитеты Галахова, взамѣнъ этого указываетъ свои собственные научные авторитеты: это именно—В. Гумбольдтъ (особенно его *Aesthetische Versuche*), Яковъ Гриммъ, и особенно Вакернагель, одинъ изъ наиболѣе разностороннихъ учениковъ известнаго въ германистикѣ, хотя довольно односторонняго издателя и изслѣдователя средневѣковыхъ текстовъ, Карла Лахманна.

Помимо этихъ научныхъ возбужденій, исходившихъ отъ новой нѣмецкой филологіи, Тихонравовъ чутко прислушивался къ тѣмъ новымъ требованіямъ и взглядамъ, которые проводила въ то время обновленная русская наука въ лицѣ того же Буслаева, Соловьева и другихъ.

¹⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Исторію русской этнографіи, II, 38.

²⁾ Отчетъ о XIX присужденіи и пр., 31.

Основная историческая идея Соловьева, видѣвшаго органическое развитіе тамъ, гдѣ ранѣе видѣли случайный переломъ, его понятіе о народѣ, какъ объ организмѣ, и объ исторіи народа, какъ органическомъ развитіи его исконныхъ бытовыхъ началъ, не могли пройти безслѣдно для выработки научныхъ убѣжденій Тихонравова.

Тотъ же взглядъ органическаго развитія, теорію постоянной измѣнчивости быта и понятій проводилъ въ своихъ этнографическихъ трудахъ Кавелинъ. Въ параллельномъ направленіи шли и разборы Калачева, для котораго право являлось органическимъ созданіемъ народной жизни и для котораго изслѣдованіе исторіи права сливалось съ исторіей внутренней жизни народа ¹⁾.

Въ пятидесятыхъ же годахъ пользовалось большою извѣстностью имя И. Е. Забѣлина, съ которымъ Николай Саввичъ вступилъ впоследствии въ тѣсныя личныя отношенія. Историко-археологическія изысканія Забѣлина имѣли въ виду раскрыть органической процессъ, соединяющій развитіе государства и общества съ особенностями народнаго быта и характера.

Эта идея органическаго развитія, идея эволюціи, стала путеводною нитью и въ позднѣйшихъ, самостоятельныхъ трудахъ Тихонравова: и въ лекціяхъ, и въ печатныхъ трудахъ онъ одинаково настойчиво проводилъ ее ²⁾.

Школа Гримма, возникшая на почвѣ романтики, заключала въ себѣ не одну научную теорію, но и нравственно-общественное направленіе ³⁾. Разъ въ центръ изученій становилась народная литература, то вполне естественно привлекала къ себѣ вниманіе и утѣшенная народная личность. Такимъ образомъ, какъ научная теорія, такъ и литературная проповѣдь воспитывала въ воспримчивыхъ сердцахъ гуманныя стремленія, вырабатывала, такъ сказать, культурно-демократическій идеалъ. Этотъ идеалъ даетъ себя чувствовать въ принципиальномъ протестѣ Тихонравова противъ аристократическаго пренебреженія народной литературой.

Эта эстетическая теорія нашла себѣ высшее выраженіе въ критикѣ Бѣлинскаго, для котораго «одно небольшое стихотвореніе истиннаго

¹⁾ Ср. Исторію русской этнографіи А. И. Пыпина, II, 31.

²⁾ Ср., напр., его мысли по вопросу о началѣ театральныхъ зрѣлищъ, въ актовой рѣчи 12 янв. 1873 г. (Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, стр. 4—5).

³⁾ Ср. Истор. р. этнографіи, II, 83.

художника поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи вмѣстѣ взятыхъ»¹⁾.

Эстетическая школа интересовалась исключительно исторіей прогресса художественнаго творчества, причѣмъ вычеркивала цѣлыя эпохи, не подходившія подъ аристократическій масштабъ ея критики. Между тѣмъ для новой науки важно было прослѣдить процессъ развитія, который обнаруживается, главнымъ образомъ, въ мелкихъ фактахъ и захватываетъ цѣлыя народныя слои. Еще Кудрявцевъ, говоря о необыкновенномъ разнообразіи содержанія исторіи, высказалъ чрезвычайно мѣткую мысль, что «чѣмъ больше разрабатываются отдѣльныя части, подробности, самыя мелочи, тѣмъ болѣе выясняется общее, угадывается цѣлое»²⁾. Въ этой оговоркѣ сокрыто зерно позднѣйшей исторической критики Тэна, воззрѣній послѣдняго на громадную важность накопленія и анализа фактическаго матеріала: кстати слѣдуетъ замѣтить, что и Тэнъ не забылъ Тихонравовымъ въ перечнѣ научныхъ авторитетовъ. Въ извѣстномъ разборѣ книги Галахова Тихонравовъ чрезвычайно рельефно высказалъ свой взглядъ на отсталую литературную теорію.

Эстетическая критика, говоритъ онъ, осуждена на забвеніе современною наукою, за ея антиисторическое направленіе и аристократическій, исключительный характеръ. Новая наука воплощалась для него въ сравнительно-историческомъ изученіи литературы. Съ точки зрѣнія этой новой науки онъ иронизируетъ надъ титуломъ «классическій» писатель, закрѣпить который по преданію за тѣмъ или другимъ писателемъ достаточно для того, чтобы отвести счастливцу нѣсколько страницъ въ исторіи словесности³⁾.

Главный предметъ изученія современной исторіи литературы, это, по мнѣнію Тихонравова, литературныя произведенія массы, многоразличныя проявленія національности въ словѣ. Между тѣмъ приверженцы литературной критики любовались красотою готоваго художественнаго произведенія, закрывая глаза на тотъ процессъ, результатомъ котораго оно явилось: эпохи начатковъ, переходныя эпохи въ исторіи народной жизни не представляли для нихъ никакого интереса⁴⁾.

1) Сочиненія V (2-е изд.), 37. Бѣлинскій не зналъ народной литературы, да и задача его была иная—по условіямъ времени—естественная и законная (Ср. А. И. Пышина, Вопросы литературной критики, Вѣстн. Европы 1893, окт., 658—659).

2) См. Сочиненія, I, 66—67.

3) Отчетъ, 25.

4) Тамъ же, 27.

Наоборотъ, Тихонравовъ видѣлъ въ изученіи простой, безыскусственной словесности единственный путь къ уясненію процесса литературнаго развитія націи. Эта новая точка зрѣнія принадлежала не одному Тихонравову: она усвоена была всѣми послѣдователями Гриммо-Буслаевской школы (Пыпинымъ, Котляревскимъ, Костомаровымъ, Сухомлиновымъ, Майковымъ, Срезневскимъ, Веселовскимъ и многими другими). Новые взгляды, въ противовѣсъ критикѣ Бѣлинскаго, смѣло заявлены были Костомаровымъ, въ его вступительной лекціи (въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ) ¹⁾. Для Костомарова, какъ для историка народной жизни, не важень, напримѣръ, никакой законъ и никакой литературный памятникъ, если онъ не выражаетъ народной мысли и той силы, которая пробуждаетъ эту мысль.

Единственнымъ средствомъ проникнуть въ народную жизнь, единственнымъ средствомъ реставрировать литературное прошлое—было спуститься къ изученію безличной народной словесности, къ кропотливому собиранію мелкихъ, сырыхъ и обыденныхъ литературныхъ фактовъ. И дѣйствительно, Тихонравовъ любилъ и умѣлъ прислушиваться къ тому, что глухо волновалось и двигалось подъ поверхностью официальной литературы, что стремилось къ свѣту въ нижнемъ слое потока человеческой жизни. Въ изученіи народной литературы и жизни имъ руководила не одна теоретическая пытливость кабинетнаго ученаго, но и живые запросы гуманныхъ вѣяній эпохи Грановскаго.

Подобно И. С. Тургеневу, тамъ, гдѣ другіе находили успокоеніе и прибѣжище эпоса, тамъ видѣлъ и Тихонравовъ «трагическую судьбу племени, великую общественную драму» ²⁾. Многія страницы лекцій Тихонравова даютъ яркую картину многообразныхъ переливовъ этой вѣковой драмы ³⁾.

Въ предпринятомъ имъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, научномъ журналѣ (Лѣтописи русской литературы и древностей, 1859—63 гг.) главное вниманіе обращено было на народную литературу, причемъ литературные памятники оцѣнивались преимущественно со стороны ихъ значенія для исторіи образованности, правовъ и общественнаго развитія.

Вообще, въ лекціяхъ и печатныхъ трудахъ находили себѣ пристанище тѣ памятники народной литературы, мимо которыхъ съ прене-

¹⁾ См. Русское Слово, 1859, № 12, VII.

²⁾ Слова И. С. Тургенева въ письмѣ къ Аксакову объ односторонности славянофильскаго народолюбія (отъ 16 окт. 1852 г.).

³⁾ Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ его курсъ о лѣтописяхъ, древне русскихъ епитимейникахъ и т. п.

бреженіемъ проходилъ эстетическій критикъ. Между тѣмъ, эти отверженные эстетикой факты литературнаго прошлаго одни только способны выяснитъ самый процессъ возрастанія художественнаго чувства и пониманія.

Эстетическая школа, по взгляду Тихонова, выродилась изъ такъ-называемой ложно-классической теоріи. Въ своихъ лекціяхъ онъ даетъ общую характеристику этой послѣдней теоріи, характеристику, являющуюся и со стороны содержанія, и со стороны формы настоящимъ шедевромъ. По высказанному здѣсь задушевному убѣжденію Тихонова, въ русской литературѣ, поздно появившейся, и, сравнительно съ европейскими менѣе развитой, ложно-классицизмъ еще до сихъ поръ опредѣляетъ и содержаніе, и методъ обработки нашей исторіи словесности. Между тѣмъ западная наука, воспринятая Тихоновымъ, создала новую историческую школу, которая закрепила за народною литературою право на преобладаніе.

«Теперь, по словамъ лектора, нельзя уже строить на отвлеченныхъ началахъ теорію и исторію литературы: законы историческаго развитія родовъ и видовъ литературныхъ произведеній выводятся изъ наблюдений надъ народною жизнью, народною литературою. Исторія вытѣснила теорію: если и заходить рѣчь о теоріи поэтическихъ родовъ, то только въ смыслѣ ихъ историческаго развитія»¹⁾.

Отставшую эстетическую школу не долюбивалъ Николай Саввичъ всей душой: не привлекало-ли его поэтому изученіе дѣятельности русскихъ масоновъ прошлаго вѣка между прочимъ потому, что ихъ широкія литературныя симпатіи выводили тогдашнюю русскую литературу изъ узкаго подражанія ложно-классической школѣ²⁾? Дѣятельность Н. И. Новикова, какъ свидѣтельствуемъ самъ Тихоновъ въ рецензій на книгу Галахова, привлекала его съ чисто литературной стороны³⁾.

Говоря о лекціяхъ Тихонова, нельзя обойти вопроса о формѣ, ихъ виѣшней отдѣлкѣ. И въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть вліянія Грановскаго, который, по свидѣтельству Кудрявцева, необыкновенно взыскательно относился къ виѣшной отдѣлкѣ своихъ чтеній. Подобно Грановскому, и Николай Саввичъ былъ врагомъ литератур-

¹⁾ Вопросъ объ эволюціи литературныхъ родовъ разработанъ въ недавнее время въ монографіи Брюнетьера (*L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature*. Т. I 1890).

²⁾ См. Лекціи 1888—9 г., 58.

³⁾ Отчетъ, 128—129. Между тѣмъ нѣкоторые находятъ въ этомъ мнѣніи нѣкоторую односторонность. (Ср. некрологъ, составленный Л. П. Майковымъ, 11).

наго нерящества. Онъ не любилъ, однако, цвѣтстаго краснорѣчія, скрывавшаго за щеголеватой формой бѣдность содержанія, и избѣгалъ, что называется, *праздныхъ* страницъ: болѣе, чѣмъ кто-либо другой, онъ умѣлъ, по выраженію Тургенева, говорить *прочтыя* слова, крѣпко западавшія въ сердца его юныхъ слушателей ¹⁾.

Выше мы имѣли уже случай указать на близкое родство научныхъ приемовъ Тихонравова съ основными воззрѣніями Тэна. Надо замѣтить, что одна изъ важнѣйшихъ историко-литературныхъ работъ Тэна, его историко критическіе этюды (*Essais de critique et d'histoire*), появились какъ разъ въ годъ вступленія Николая Саввича на кафедру педагогическую въ московскомъ университетѣ. Важнѣе всего, конечно, то обстоятельство, что Тихонравовъ въ своей не разъ нами упомянутой руководящей статьѣ прямо называетъ Тэна въ числѣ своихъ научныхъ авторитетовъ.

Но не одна документальность научной работы сближаетъ обоихъ ученыхъ: есть и другія точки сопадешя. Въ характеристикѣ выдающихся литературныхъ дѣятелей (Ломоносова, Новикова, Карамзина, Жуковскаго и др.), Тихонравовъ всегда старается прослѣдить, какими нитями каждый выдающийся писатель привязанъ къ своему времени, къ своей странѣ. Результаты литературной дѣятельности писателя онъ разсматриваетъ въ тѣсной связи съ исторіей его чувствъ, съ развитіемъ его вѣрованій и убѣжденій, стараясь приэтомъ выяснить, какъ извѣстная эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература, въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи; какіе современные вопросы нашли себѣ выраженіе въ томъ или другомъ литературномъ произведеніи; какова среда, въ которой суждено было вращаться писателю, и какъ эта среда отразилась на личности автора. Такимъ образомъ, рядомъ съ характеристикой писателя или литературнаго памятника, проходитъ передъ умственнымъ взоромъ слушателя пристальное изученіе отдѣльной эпохи, изученіе условій народнои и общественной жизни: исторія литературы тѣсно сливается съ исторіей духовной жизни народа, съ культурной исторіей.

Съ рѣдкимъ мастерствомъ умѣлъ Тихонравовъ отъ застывшаго литературнаго памятника перейти къ умной человѣческой личности, притаившейся за этимъ произведеніемъ и смотрящей на міръ и людей съ точки зрѣнія своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Всѣмъ его слушателямъ памятна высоко-художественная, и въ то же время монументальная, какъ бы изваянная характеристика жизни

¹⁾ Грановскій несомнѣнно вліялъ на Тихонравова: не даромъ для кандидатскаго сочиненія онъ взялъ тему, предложенную въ 1853 г. Грановскимъ.

и дѣяній протопопа Аввакума, характеристика, надъ которой незримо виталъ высоко-гуманный идеалъ Николая Саввича. Да, онъ умѣлъ живописать и воссоздавать въ пластическихъ формахъ живыя характеристики писателей, слѣдить за малѣйшими, самыми интимными переживаниями ихъ внутренняго міросозерцанія, — слѣдить по годамъ и числамъ, съ документальными данными въ рукахъ!

Въ заключеніе, позволю себѣ изложить въ двухъ словахъ результаты нѣкоторыхъ изъ его характеристикъ, причемъ постараюсь сдѣлать кое-гдѣ сравнительную оцѣнку разработки нѣкоторыхъ вопросовъ, одновременно затронутыхъ Тихонравовымъ и другими.

Не очень давно въ печати было высказано мнѣніе, по которому воззрѣніе Тихонравова на дѣятельность Новикова, какъ дѣятельность главнымъ образомъ литературную и просвѣтительную, будто не свободно отъ нѣкоторой доли односторонности. Обращаясь къ его лекціямъ, легко убѣдиться, какой именно стороной своей дѣятельности дорогъ былъ Новиковъ для Тихонравова. Правда, его привлекали въ дѣятельности Новикова тѣ нравственные, просвѣтительныя начала, которыя такъ гармонировали съ благородными преданіями, вышесенными имъ самимъ изъ школы Грановскаго. Горячія симпатіи, которыми проникнуты чтенія Тихонравова о Новиковѣ, сообщаются и слушателю ¹⁾.

Однако не этой одной, такъ сказать, филантропической стороной привлекала къ себѣ дѣятельность Новикова научную любознательность Тихонравова. Онъ ясно даетъ понять, что для Новикова литература всегда была главнымъ предметомъ занятій ²⁾. Это положеніе Тихонравовъ документально обосновалъ въ своихъ чтеніяхъ о литературѣ XIX столѣтія. Вообще, его печатные труды и лекціи стоятъ въ тѣснѣйшей связи между собой и взаимно дополняютъ другъ друга: многія работы, вполне законченныя, но не сданныя въ печать, давали матеріалъ для его лекцій. Ту литературную реформу слога и слова, которую обыкновенно приписываютъ Карамзину, онъ, напротивъ, всецѣло приписывалъ дѣятельности людей, принадлежавшихъ къ кружку Новикова. «Наша историческая память, говоритъ онъ, очень слаба, такъ что часто бываетъ, что одинъ историческій дѣятель заслоняетъ другого». И вотъ тщательно провѣренными фактами, своимъ прочнымъ словомъ Тихонравовъ доказываетъ, что не Карамзинъ произвелъ упомянутую реформу: онъ только воспользовался ею ³⁾.

¹⁾ См. Лекціи 1888—89 г., 20 и сл...

²⁾ Отчетъ о XIX присужденіи и др., 129.

³⁾ Лекціи 1888—89 г., 18.

Въ Дружескомъ ученомъ обществѣ Новикова началось дѣйствительное образованіе Карамзина, какъ нравственное, такъ и литературное. Съ особенно теплымъ чувствомъ Тихонравовъ отмѣчаетъ, что литературныя силы Новикова были направлены на развитіе и просвѣщеніе средняго сословія. Свои идеалы Новиковъ проводилъ въ жизнь со всей страстностью неподдѣльнаго увлеченія, и въ его душѣ, по выраженію Тихонравова, «скрывался тотъ деспотизмъ убѣжденія, который никогда не позволяетъ сдѣлать шага назадъ»¹⁾.

Изученіе жизни и дѣятельности Карамзина поставлено Тихонравовымъ чрезвычайно широко. Разсматривая всю его дѣятельность, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ русской образованности, Тихонравовъ представляетъ изученіе этой дѣятельности подробнѣйшимъ анализомъ всѣхъ тѣхъ вліяній и воздѣйствій, какія оказывали на Карамзина тогдашніе передовые мыслители изъ школы Новикова (особенно А. А. Петровъ, И. П. Тургеневъ, Кутузовъ и Шварцъ).

Въ этихъ старшихъ сверстникахъ Карамзина онъ видѣлъ типичныхъ представителей той русской молодежи второй половины XVIII в., на которую уже уснѣли пахнуть передовыя вѣянія свѣжаго западнаго воздуха. Умственные взоры тогдашней просвѣщенной молодежи обращены были къ ученой Германіи, къ свободной англійской литературѣ и къ терпимости французской философіи. Эстетическое образованіе Карамзина шло подъ сильнымъ вліяніемъ Петрова: ему именно Карамзинъ обязанъ своимъ знакомствомъ съ англійской литературой. Расширяя рамки историко-литературной характеристики дѣятельности Карамзина, Тихонравовъ шагъ за шагомъ выслѣживаетъ внутренній ростъ его литературнаго и общественнаго сознанія и приходитъ къ твердому выводу, что дѣятельность Карамзина неразрывными узами связана съ дѣятельностью Новикова, подобно тому, какъ съ литературной дѣятельностью Карамзина связано развитіе Жуковскаго²⁾.

¹⁾ Лекціи, 30.

²⁾ Для характеристики научнаго достоинства чтеній Тихонравова позволю себѣ остановиться на одной мелочи. Въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1882 г. (№ 12) появилась статья проф. А. Незеленова, посвященная вопросу о слѣдственномъ дѣлѣ Новикова. Авторъ этой статьи утверждаетъ, что въ ней впервые появляются криминальные документы этого дѣла, сообщенные редакціи Ист. Вѣстника Г. В. Есиновымъ. Эта статья, безъ всякихъ измѣненій, перепечатана въ книгѣ А. Незеленова: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху“ (Спб. 1889, 359—386). Документы эти, повидимому, сообщены были далеко не вполне: по крайней мѣрѣ автору статьи приходится строить гипотетическія предположенія по поводу нѣкоторыхъ затронутыхъ имъ вопросовъ. Въмѣсто предположеній, цѣлесообразнѣе было обратиться къ 5-му выпуску Лѣто-

Литературная личность Жуковского выступает въ чтеніяхъ Тихонравова въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ это принято думать.

Пристальное изученіе, шагъ за шагомъ, жизни и литературнаго развитія Жуковского, приводитъ Тихонравова къ неоспоримому выводу, что Жуковскій всѣми своими симпатіями обращенъ былъ къ лагерю, враждебному Гёте, и особенно романтикамъ. Онъ всецѣло принадлежалъ такъ-называемой старо-берлинской школѣ: устарѣлыя произведенія ея представителей (преимущественно Энгеля, Гарве, Эбергáрта, Меркеля и Коцебу) онъ помѣщалъ на страницахъ Вѣстника Европы, перешедшаго въ его редакцію въ 1808 году. Жуковскій чувствовалъ несомнѣнное пристрастіе къ ложно-классическимъ образцамъ: сюда направилъ его симпатіи крѣпкая рука Дмитрія Николаевича Блудова ¹⁾).

«Совершенно неожиданно для себя сопричисленный къ лику романтиковъ, говорить Тихонравовъ, Жуковскій никогда не сходилъ съ романтиками въ главныхъ положеніяхъ». ²⁾ Онъ прежде всего не сходилъ съ ними въ пониманіи Шекспира.

Замѣчательный переводъ Шекспира Шлегеля занималъ важное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, но Жуковскій смотрѣлъ на Шекспира съ точки зрѣнія французскихъ ложно-классиковъ. Это — почти тотъ же взглядъ, который нѣкогда проповѣдывалъ Сумароковъ. Гамлетъ кажется Жуковскому чудовищемъ, и онъ сознается, что не понимаетъ этого чудеснаго урода. Шутки Шекспира кажутся Жуковскому грубыми и оскорбительными для вкуса, точно также, какъ приверженцу Блудова, ему противно низкое нарѣчіе Крылова. Жуковскій переводитъ именно тѣхъ устарѣлыхъ писателей старо-берлинской школы, которые получили у романтиковъ названіе *Harmonische Plattheit*. Жуковскій былъ именно только мечтатель, который намѣренно отвращалъ свои глаза отъ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отрѣшеніи поэта отъ дѣйствительности лежитъ разгадка его литературной дѣятельности, его направленія: Жуковскій не могъ быть вѣрнымъ живописцемъ бытовой обстановки, выразителемъ тѣхъ тревогъ и сомнѣній, которыми пытается человѣка дѣятельная жизнь; онъ зналъ только жизнь изъ сно-

писей русской литературы и древностей (1863 г. отд. II, 3—95), гдѣ эти документы напечатаны тридцать лѣтъ тому назадъ сполна, занимаютъ около сотни печатныхъ страницъ и представляютъ все слѣдственное дѣло о Пиковѣ и членахъ его кружка въ мельчайшихъ подробностяхъ, что называется, изо дня въ день.

¹⁾ Вліяніе Блудова особенно сильно въ періодъ времени 1803—1810 годовъ.

²⁾ Лекціи 1888—89 г., 124.

видѣній и преданій ¹⁾). Превосходно охарактеризовалъ себя Жуковскій въ посланіи къ Оболенскому (1820 г.):

„А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣль до сей поры на свѣтъ,
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ“, и пр.

«Зрительный мечтатель, говоритъ Николай Саввичъ, уединенный идеалистъ чувствовалъ себя легко и свободно въ толпѣ знакомыхъ привидѣній; онъ слышалъ шорохъ тихихъ тѣней, но онъ чуждъ былъ тѣхъ испытаній жизни, которыми обуславливается истинный талантъ, тѣхъ сомнѣній и тревогъ, которыми одушевлялись первые приверженцы романической школы» ²⁾).

А между тѣмъ, въ наукѣ и сейчасъ Жуковскій считается самымъ характернымъ представителемъ романтизма ³⁾.

Итакъ, лекціи Тихонравова должны увидѣть свѣтъ не для того только, чтобы полнѣе обрисовать научный обликъ Николая Саввича: онѣ прольютъ свѣтъ на многіе темные вопросы исторіи русской литературы, устранять невѣрные, отжившіе взгляды и будутъ способствовать исторіи русской литературы подняться на подобающую ей научную высоту.

Мы не коснулись его лекцій по исторіи древне-русской литературы, и, въ связи съ ними, его научныхъ трудовъ въ этой области: но въ этомъ отношеніи научный авторитетъ Николая Саввича стоитъ такъ высоко, что говорить въ общихъ чертахъ о его заслугахъ въ этой области является, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнымъ.

Результаты его изданій и изслѣдованій въ области давно отжившей литературной старины вошли уже въ науку. Здѣсь, говоря словами Слова о полку Игоревѣ, этого сфинкса древне-русской литературы, пожизненное изученіе котораго доставляло восторженныя, счастливыя минуты Николаю Саввичу, здѣсь, въ глухихъ углахъ полузабытаго прошлаго, всѣ почти пути были ему свѣдомы. И въ лекціяхъ

¹⁾ Тамъ же, 167.

²⁾ Тамъ же, 168.

³⁾ И это повторяется не въ одной исторіи русской словесности (напр. Галахова): въ недавно вышедшей исторіи русской этнографіи глубокаго знатока русской литературы, уважаемаго А. Н. Пыпина, повторяется все тотъ же пережившій самого себя взглядъ на дѣятельность Жуковскаго (Ист. р. этногр., I, 218—219). Правда, А. Н. Пыпинъ довольно подозрительно отнесся къ романтизму Жуковскаго, находя манеру Жуковскаго трактовать народность по меньшей мѣрѣ „странной“.

по древней литературѣ разлито то же гуманное чувство, чувствуется тотъ же огонь глубокаго научнаго убѣжденія, поражаетъ та же сила и благородная простота его прочнаго слога: и здѣсь отражаются мягкіе лучи свѣтлой эпохи русскаго возрожденія, достойнымъ и твердымъ выразителемъ которой, и въ научной, и въ своей общественной дѣятельности былъ Николай Саввичъ.

А. Картьевъ.

Труды Н. С. Тихонравова по изданію памятниковъ литературы.

Посвящая памяти Николая Саввича и съ своей стороны краткое слово, я намѣренъ коснуться той стороны его обширной ученой дѣятельности, которая всего болѣе проявилась въ печатныхъ трудахъ: я разумѣю его изданія памятниковъ русской литературы. Эта сторона его дѣятельности была такъ широка, какъ широки были взгляды его на задачи и источники исторіи литературы. Выборъ памятниковъ для изданія отвѣчалъ его замѣчательному критическому такту, потребностямъ науки, которыя онъ сознавалъ и указывалъ лучше, чѣмъ кто-либо въ данное время, и тому широкому и глубокому знакомству съ рукописями, какомъ онъ обладалъ. Выполненіе изданій соответствовало его превосходному знанію славянской палеографіи и той тщательности и аккуратности, которыми отличаются всѣ его работы.

Непосредственное знакомство съ рукописями онъ признавалъ необходимымъ, какъ для исторіи литературы до-петровской, такъ и для литературы XVIII вѣка; даже исторія литературы XIX вѣка не можетъ во многихъ случаяхъ удовлетворяться одними только печатными изданіями; для исторіи же древней русской литературы непосредственное знакомство съ рукописями является безусловно необходимымъ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ объ этомъ въ одномъ мѣстѣ: «Безъ изученія рукописей нельзя ознакомиться съ исторіей славянской и русской литературы древняго періода. Памятники литературы духовной, памятники въ строгомъ смыслѣ слова историческіе появились въ печати въ достаточномъ количествѣ; памятники строго литературные, или такіе, безъ которыхъ не можетъ обойтись исторія древней русской литературы, лежатъ большею частію неизданными. Повѣстова-

тель судеб древне-русской литературы, не обращающійся къ рукописямъ, лишаетъ себя возможности сообщить вѣрныя и самостоятельныя данныя о хронографахъ, паляяхъ, пчелахъ, златыхъ цѣляхъ, златоустахъ, измарагдахъ, азбуковникахъ, подлинникахъ, лѣчебникахъ, житіяхъ святыхъ, повѣстяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, торжественникахъ; отъ его вниманія ускользаетъ и большая часть сочиненій І. Экзарха Болгарскаго, Климента, Кирика, Кипріана, Дмитрія Зографа, Григорія Цамвлака, Максима Грека, Митрополита Макарія, составителя Великихъ Четихъ-Миней, Симеона Полоцкаго, Славинцакаго, Дмитрія Ростовскаго и почти вся, полная высокаго историческаго интереса, литература старовѣровъ. Выньте живыя и правдивыя характеристики всего этого изъ исторіи допетровской литературы, что останется! Чѣмъ удовлетворится тогда сочувствіе къ своему литературному прошедшему, въ которомъ, можетъ быть, менѣе дѣйствовали начала западно-европейской образованности, чѣмъ въ новой литературѣ, но въ которой изслѣдователь народности найдетъ полное удовлетвореніе своему историческому интересу, и которое на трудъ изслѣдователя отвѣтитъ (по прекрасному выраженію) *живыми глаголами*.

Но было бы конечно крайне неудобно, если бы навсегда дѣло оставалось въ такомъ положеніи, что занимающійся исторіей древне-русской литературы долженъ былъ бы для ознакомленія даже съ весьма важными памятниками обращаться къ рукописямъ: это вѣдь въ разныхъ отношеніяхъ весьма трудно, часто невозможно, наконецъ для иныхъ совершенно несимпатично. Необходимость изданія памятниковъ является сама собою, она вызывается потребностями науки. Для удовлетворенія этой научной потребности Николаемъ Саввичемъ и положено огромное количество труда и знанія.

Уже на первыхъ порахъ своей учено-литературной дѣятельности Н. С. сталъ печатать въ журналахъ различные матеріалы для исторіи русской литературы; но съ 1859 г. онъ сталъ это дѣлать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, основавши спеціальное изданіе—достопамятныя «Лѣтописи Русской Литературы и Древности». Около трети этого пятитомнаго изданія, выходившаго съ 1859 г. по 1863 г., занято текстами, приготовленными къ печати самимъ Н—мъ С—чемъ. Напечатанные здѣсь памятники чрезвычайно разнообразны; большая часть ихъ относится къ древне-русской литературѣ; правда есть памятники и XVIII в., но преимущественно такіе, которые, по взгляду Н. С—ча, относятся къ литературному теченію, начавшемуся еще въ XVII вѣкѣ и не имѣющему характеристическихъ признаковъ новѣйшей литературы, начавшейся, съ Ломоносова и Сумарокова. Большая часть па-

мятниковъ напечатана здѣсь безъ всякихъ поясненій со стороны издателя ¹⁾, нѣкоторые съ краткими библиографическими замѣчаніями ²⁾, а нѣкоторые съ обширными предисловіями и изслѣдованіями, если и не исчерпывающими вопроса, то дающими ему правильную научную постановку ³⁾. Помѣщенные въ «Лѣтописяхъ» памятники заимствованы изъ рукописей, какъ извѣстныхъ общественныхъ библиотекъ, такъ и частныхъ лицъ, напр., графа А. С. Уварова, И. Е. Забѣлина, Ю. Д. Филимонова, А. В. Горскаго; нѣсколько памятниковъ уже въ этомъ изданіи напечатано по рукописямъ собственной библиотeki Н. С—ча.

Приемы изданія въ «Лѣтописяхъ» примѣнялись различныя. Большая часть памятниковъ относится къ сравнительно позднему времени, и потому они напечатаны въ транскрипціи, съ соблюденіемъ лишь формъ языка; но памятники болѣе древніе, напр., Луцидаріусъ, Поученія противъ языческихъ вѣрованій и нѣкот. др. напечатаны съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей рукописей, славянскимъ шрифтомъ.

За «Лѣтописями Русской Литературы и Древности» слѣдуетъ знаменитый сборникъ Николая Саввича—«Памятники отреченной русской литературы», долженствовавшій служить приложеніемъ къ изслѣдованію «Отреченныя книги древней Руси». Въ это изданіе вошли тѣ апокрифы, которые указываются въ русской статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ» по разнымъ ея спискамъ и въ замѣткахъ такого же содержанія въ Кормчихъ, Стоглавѣ и Домостроѣ. По этимъ индексамъ

1) Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ, прѣніе лит. протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею и справц. Григоріемъ, сказка о Урусланѣ Залазаревичѣ, Стихъ о голубиной книгѣ, повѣсть о Ѳеодорѣ Жидовинѣ, Разговоръ о Адамо-моныхъ дѣтяхъ, повѣсть о чудеси преч. Богородицы, о градѣ Муромѣ и о епископѣ его, какъ приде въ Рязань, легенда объ образѣ Богородицы, Сказаніе объ Индейскомъ царствѣ, Интермедія на три персоны, Автобіографія протопопа Аввакума, Сказка объ Иванѣ Бѣломъ, Стихъ объ антихристѣ, Воскресеніе мертвыхъ *Г. Конисскаго*, Врученіе книги Вѣнецъ Вѣры Царевнѣ Софіи *С. Полоцкаго*, Пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря, повѣсти о царѣ Соломонѣ, Рождественская драма, Исторія о бѣгствующемъ священствѣ *Алексѣева*, Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ *Саввы Романова*, Обличеніе Пикона Патрiарха, нарис. для ц. Алексѣя Михайловича, Русская сатира прошлаго вѣка. Нѣсколько народныхъ заговоровъ, О напастствованіи протоп. Аввакума, О заточеніи діакона Ѳеодора, Слово о злыхъ женахъ.

2) Трагикомедія Варлаама Лещевскаго о мздѣ въ будущей жизни, повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, Русскія интермедіи 1-й полов. XVIII в., Слово іером. Евфимія, Слова и поученія направленные противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, Пять древне-русскихъ поученій.

3) Повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ, Луцидаріусъ, Прѣніе Живота со Смертію, Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ, Слово о вѣрѣ Христіанской и Жидовской.

Н. С — чь насчиталъ до 100 апокрифическихъ сочиненій, признававшихся въ древней Руси «отреченными», и перечень ихъ помѣстилъ въ началѣ своего труда. Въ сборникѣ напечатаны 52 памятника, соответствующіе заглавіямъ въ помянутомъ перечнѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Н. С. нашелъ только половину отреченныхъ книгъ древней Руси. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя отмѣтки въ русскихъ индексахъ повторяютъ указанія греческихъ индексовъ, а въ славянской письменности самыхъ апокрифовъ и не существовало. Кромѣ того указанія индекса дробятъ одинъ памятникъ на нѣсколько частей, отчего увеличивается общій итогъ; такъ что въ сущности у Н. С. собрано больше половины обращавшихся на Руси апокрифовъ. Послѣ этого сборника найдены были лишь иные списки тѣхъ же апокрифовъ, часто болѣе древніе и лучшіе, но это объясняется тѣмъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ было крайне мало извѣстны рукописи югославянскія, давшія главный матеріалъ для пополненія собранія апокрифовъ. Эти же югославянскія рукописи б. ч. впервые доставили тексты и тѣхъ апокрифовъ, которые тогда остались Н. С.—чу неизвѣстными (напр., сочиненія болгарскаго попа Іереміи); лишь немногіе (хотя весьма важные) апокрифы найдены были впервые въ русскихъ спискахъ послѣ сборника Н. С.—ча (напр., Видѣніе Исаіи и Книга Еноха А. Н. Поповымъ). При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ вышедшихъ двухъ томахъ «Памятниковъ» напечатано было не все, собранное Н. С.—мъ по части апокрифовъ: имъ начатъ былъ печатаніемъ давно уже 3-й томъ въ изданіяхъ Императорской Академіи наукъ, но къ сожалѣнію этотъ трудъ не былъ доконченъ и не вышелъ въ свѣтъ.

Не только подборъ, но и самое изданіе «Памятниковъ отреченной русской литературы» сдѣлано было Н. С — мъ по строго определенному плану. Онъ желалъ представить изслѣдованіямъ славянской старины одинъ и тотъ же памятникъ въ различныхъ его редакціяхъ и въ различные періоды его литературной исторіи, конечно если памятникъ дѣйствительно измѣнился и преобразовался на русской почвѣ. Если какая нибудь отреченная статья мало была распространена на Руси и не подвергалась особенно важнымъ примѣненіямъ, то онъ ограничивался изданіемъ одного изъ ея списковъ, выбирая древнѣйшій и правильнѣйшій изъ всѣхъ ему извѣстныхъ. Въ противномъ случаѣ онъ помѣщалъ а) юго-славянскую редакцію памятника, отъ которой уже пошли послѣдующія, б) потомъ предлагалъ его по древнѣйшему изъ извѣстныхъ ему русскихъ списковъ и в) въ заключеніе печаталъ его по новѣйшей редакціи, такъ чтобы можно было видѣть исходную точку памятника и потомъ окончательный видъ, какой онъ принялъ на Руси

и въ какомъ онъ часто хранится въ настоящее время въ заповѣдныхъ народныхъ тетрадкахъ и раскольничьихъ листахъ (Предислов. стр. X—XI).

При печатаніи выбранныхъ по изложеннымъ соображеніямъ текстовъ, П. С. девжался такого метода: онъ предлагалъ памятникъ, какъ нашель его въ рукописи, не позволяя себѣ ни транскрипціи, ни слянія нѣсколькихъ списковъ разныхъ вѣковъ въ одно цѣлое. Очевидныя описки онъ исправлялъ въ текстѣ или въ выноскахъ, но всегда представляя и буквальное чтеніе рукописи. Всѣ особенности манускрипта онъ сохраняетъ въ своемъ изданіи, кой-гдѣ давая въ выноскахъ свои конъектуры и объясненія. «Быть можетъ это поставитъ миѣ въ вину», замѣчаетъ онъ въ предисловіи. «Но кому же неизвѣстно», продолжаетъ онъ, «что благодаря транскрипціи первыхъ издателей Слава о Полку Игоревѣ многія мѣста этого произведенія до сихъ поръ остаются темными, не смотря на длинный рядъ болѣе или менѣе безплодныхъ комментаріевъ къ Слову? Скажутъ: судьба слова о Полку Игоревѣ исключительная, единственный списокъ погибъ. Но мы и теперь уже не досчитываемся нѣкоторыхъ отреченныхъ книгъ древней Руси, упомянутыхъ въ индексѣ и безспорно извѣстныхъ нашимъ предкамъ. Неуваженіе къ прошедшему, робкое невѣжество и узкій пуризмъ могутъ приготовить не лучшую судьбу и оставшимся произведеніямъ отреченной русской литературы» (Предисл., стр. XI—XII).

Для того, чтобы составить сборникъ, удовлетворяющій такой программѣ, нужно было много изучать рукописи, чтобы не сдѣлать промаха, не принять одинъ памятникъ за другой, части за цѣлое, передѣлку за оригиналъ и т. п., чему и бывали примѣры въ этой же области.

Эти капитальные сборники принесли великую пользу наукѣ. Такъ въ основу замѣчательныхъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврастѣ», «Откровенія Меѳодія Патарскаго» (въ «Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды»), «Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ» были положены тексты, изданные Н. С—мъ. И. Я. Порфирьевъ въ своемъ изслѣдованіи ветхозавѣтныхъ апокрифовъ о славянскихъ текстахъ ихъ говоритъ главнымъ образомъ на основаніи Тихонравовскаго изданія; здѣсь онъ еще мало ссылается на рукописи Соловецкой библіотски, изъ которыхъ лишь позже выбралъ и издалъ апокрифы.

За «Памятниками отреченной русской литературы» слѣдуетъ упомянуть изданіе «Слова о Полку Игоревѣ» 1866 г., повторенное въ переработанномъ видѣ въ 1868 г. Это изданіе замѣчательно по остро-

умному примѣненію палеографическихъ познаній Н. С.—ча къ критикѣ текста памятника, единственная рукопись котораго утрачена.

Въ 1874 г. вышли въ свѣтъ два тома «Русскихъ драматическихъ произведешій 1672—1725 годовъ», служащіе документальнымъ оправданіемъ тѣхъ выводовъ о начальной исторіи русскаго театра, которые изложены Н. Саввичемъ въ статьяхъ: «Начало русскаго театра» въ «Лѣтописяхъ русск. Литер. и Древн.», актовой рѣчи: «Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра» и «Репертуаръ русскаго театра въ первыя 50 лѣтъ его существованія»—статьѣ, составляющей введеніе къ разсматриваемому изданію. Въ теченіе многихъ лѣтъ и съ величайшимъ стараніемъ Н. С. собиралъ матеріалъ для этого изданія. Здѣсь напечатано всего около 30 пьесъ, б. ч. впервые. Къ сожалѣнію 3-й томъ для этого изданія, содержащій объясненія содержанія и библиографическія указанія, не вышелъ въ свѣтъ вслѣдствіе банкротства издательской фирмы Кожанчикова, и по этому, имѣя подъ руками одинъ текстъ безъ всякаго указанія на рукописи, нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить всей массы труда и знанія, употребленной на это изданіе; можно отмѣтить лишь общедоступныя библіотеки, изъ которыхъ заимствованы матеріалы для этого изданія, именно: Императорская Публичная Библіотека въ Петербургѣ, библіотека Императорской Академіи Наукъ, Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, Московская Синодальная Библіотека, библіотека Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Московской Духовной Академіи, Московскаго Успенскаго Собора и Кіевской Духовной Академіи. Въ теченіе двадцати лѣтъ, протекшихъ со времени выхода въ свѣтъ этого изданія, очень немного было открыто драматическихъ произведешій, не вошедшихъ въ него и относящихся къ эпохѣ, обнимаемой этимъ изданіемъ.

Послѣдніе десять лѣтъ своей жизни Н. С. посвятилъ главнымъ образомъ работѣ надъ изданіемъ сочиненій Гоголя. Онъ поставилъ себѣ задачей не только провѣрить печатные тексты по рукописямъ и приготовить такимъ образомъ критически очищенный текстъ, но и дать въ руки читателю матеріалъ слѣдить за тѣмъ, какъ Гоголь перерабатывалъ свои сочиненія, изучать процессъ его творчества. Для этого нужно было розыскать рукописи Гоголя и тщательно изучать его черновики и замѣтки въ памятныхъ книжкахъ, что конечно требовало не только умственнаго, но и громаднаго физическаго напряженія. Только сознаніе пользы такой работы и безавѣтная любовь къ научному труду, хотя бы самому черному и физически тяжелому, побудили

Н. С—ча на склонѣ лѣтъ совершить такой подвигъ. Но за то этотъ подвигъ покрылъ его навсегда неувыдаемой славой.

На ряду съ этою главною работою послѣднихъ лѣтъ Н. С. занимался по обыкновенію и многими другими научными вопросами, на которые вниманіе его обращалось или въслѣдствіе новыхъ сдѣланныхъ имъ открытій, или подъ впечатлѣніемъ текущихъ событій. Такъ онъ готовилъ къ печати новый открытый имъ списокъ Девгеніева Дѣянія, новооткрытое имъ же описаніе путешествія въ Святую Землю Варсонофія, о которомъ имъ былъ прочитанъ докладъ въ засѣданіи Славянской Коммисіи. По поводу юбилейныхъ торжествъ въ память Св. Сергія Радонежскаго Н. С. напечаталъ старѣйшую редакцію его житія, не успѣвши, къ сожалѣнію, при своей жизни выпустить въ свѣтъ этого труда. Въ послѣдніе же годы своей жизни Н. С. возвратился къ Фонъ-Визину, которымъ интересовался и занимался издавна, и готовилъ матеріалы для новаго изданія полного собранія его сочиненій. Передъ самою своею смертію онъ корректировалъ вторичное изданіе былинъ по рукописямъ XVII и XVIII вѣка.

Я перечислилъ здѣсь далеко не всѣ изданные Н. С—мъ памятники и историко-литературные матеріалы, а остановился лишь на главнѣйшихъ трудахъ въ этой области. Николай Саввичъ самъ былъ свидѣтелемъ той пользы, какую онъ принесъ наукѣ своими трудами: его примѣръ побудилъ многихъ слѣдовать по его пути, и со времени его изданія «Лѣтописей Русской Литературы и Древности», не безъ вліянія его примѣра, многіе русскіе ученые посвящали свои труды на разысканіе и изданіе Памятниковъ литературы.

Нужно конечно прибавить, что Н. С. на ряду съ изданіемъ памятниковъ занимался и ихъ изслѣдованіемъ. Такъ Памятникамъ отреченной Литературы имъ посвящено было изслѣдованіе, которое было написано, но—не умѣю сказать, почему—не вышло въ свѣтъ, повидимому по причинамъ чисто внѣшнимъ. Мы видѣли, что по чисто внѣшней и случайной причинѣ не вышелъ въ свѣтъ 3-й т. «Памятниковъ русской драматической литературы», заключающей ихъ детальное изслѣдованіе. Бывшія у меня въ рукахъ литографированныя университетскія лекціи и отзывы бывшихъ слушателей Николая Саввича свидѣтельствуютъ, что и всѣ другіе памятники, изданные имъ въ разное время, были имъ обслѣдованы. Остается мнѣ выразить желаніе, чтобы и эти изслѣдованія поскорѣ увидѣли свѣтъ; тогда и безъ того уже несомнѣнная научная важность изданій Н. С—ча сдѣлается еще болѣе очевидною.

М. Соколовъ.

Н. С. Тихонравовъ,

какъ издатель сочиненій Гоголя*).

I.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! На мою долю выпала лестная обязанность представить въ настоящемъ очеркѣ характеристику и оцѣнку трудовъ покойнаго Николая Саввича Тихонравова по изданіямъ и истолкованію сочиненій Гоголя—задача тѣмъ болѣе отвѣтственная и серьезная, что, смѣю сказать, именно эти труды покойнаго, въ полномъ смыслѣ слова, составляютъ вѣнецъ всей его высокоплодотворной научной и литературной дѣятельности. Приписывая такое огромное значеніе въ ряду научныхъ заслугъ Тихонравова именно работамъ его надъ Гоголемъ, я имѣю въ виду нѣсколько оснований, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности представляется мнѣ достаточно вѣскимъ и внушительнымъ. Прежде всего именно здѣсь, на этомъ поприщѣ, покойный Николай Саввичъ является дѣятелемъ не университета только и не Москвы, наконецъ не одной даже науки, но въ то же время и однимъ изъ наиболѣе почетныхъ и крупныхъ современныхъ намъ проводниковъ просвѣщенія въ Россіи. Позволяю себѣ сказать это, въ виду того, что не можетъ быть сомнѣнія, что произведенія первоклассныхъ писателей больше всего, конечно, способны оказывать свое воспитательное дѣйствіе и распространять вкусъ къ благородному и высокому не только въ образованныхъ, но даже просто въ грамотныхъ слояхъ общества и народа. Хорошее, дѣйствительно достойное великаго писателя изданіе его сочиненій, изданіе, подобное Тихонравовскому, можно безъ преувеличенія назвать до извѣстной степени дѣломъ національнымъ. Затѣмъ въ трудъ изданія сочиненій Го-

*) Речь, произнесенная 13 марта 1894 г. въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности.

голя покойный Тихоураовъ вложилъ такъ много души и любви, искусства, энергїи, научнаго и критическаго такта, подготовленныхъ рядомъ предшествующихъ солидныхъ ученыхъ работъ, что если бы возможно было на минуту предположить въ комъ-нибудь изъ людей понимающихъ дѣло совершенное незнакомство съ теченіемъ и результатами всей остальной учено-литературной дѣятельности покойнаго, то уже самыя качества исполненія имъ своего десятаго изданія сочиненій Гоголя, несомнѣнно, должны были бы убѣдить такого читателя, что передъ нимъ трудъ капитальный, неизбѣжно предполагающій, кромѣ всѣхъ уже названныхъ достоинствъ, еще и значительную научную опытность и полную зрѣлость литературнаго дарованія автора. Несомнѣнно, что одна эрудиція и любовь къ дѣлу въ отдѣльности не могли бы дать такихъ почтенныхъ и всегда почти безошибочныхъ результатовъ, которые такъ высоко ставятъ трудъ Тихоураова. Въ настоящемъ случаѣ дѣло изданія сочиненій Гоголя принялъ на себя извѣстный ученый, представлявшій собою весьма рѣдкое и счастливое соединеніе умѣлости, замѣчательной добросовѣстности и любви къ дѣлу, — качества вполнѣ оцѣненныхъ академіей наукъ, удостоившей Тихоураова, какъ извѣстно именно за это изданіе, званія ординарнаго академика.

Трудъ Тихоураова по изданію сочиненій Гоголя, обладаетъ такими капитальными и бесспорными достоинствами, что единодушная оцѣнка его представителями нашей науки и литературы является совершенно естественной и понятной. Но при всемъ этомъ едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что значеніе Тихоураова, какъ истолкователя одного изъ величайшихъ нашихъ писателей, представляется иногда даже и въ литературномъ мѣрѣ, не говоря уже о такъ называемой большой публикѣ, все-таки недостаточно, или, по крайней мѣрѣ, не въ одинаковой степени признаннымъ и разъясненнымъ. Иногда случается читать или слышать такіе отзывы и мнѣнія, которые показываютъ ясно, что далеко не для всѣхъ, кто проникнуть, такъ сказать, отвлеченнымъ благоговѣніемъ къ неогцѣненной заслугѣ Тихоураова, какъ знатока и издателя Гоголя, она рисуется достаточно отчетливо; иные въ своей оцѣнкѣ повторяютъ только установившіяся мнѣнія, нѣкоторые же, наконецъ, рѣшаются высказывать втихомолку даже сомнѣнія въ томъ смыслѣ, что, конечно, трудъ прекрасный, даже образцовый, но нужный будто бы только для немногихъ специалистовъ, любителей литературы. Последнее мнѣніе есть, разумѣется, плодъ вонющаго недоразумѣнія, происходящаго отъ недостаточнаго вниканія въ дѣло и устраняемаго однимъ простымъ замѣчаніемъ. Говорятъ: «безъ сомнѣнія, Ти-

хощправовъ превосходно изучилъ и объяснилъ Гоголя, и никому не придется въ голову отрицать его всеми признанную заслугу; но къ чему же все эти примѣчанія и варианты для публички? Такое возраженіе основано безспорно на отсутствіи яснаго сознанія необходимой внутренней связи между выработкой и извлеченіемъ изъ рукописей настоящаго Гоголевскаго текста и тѣмъ предварительнымъ трудомъ, трудомъ чрезвычайно упорнымъ и тяжелымъ, который одинъ только и могъ дать этотъ самый настоящій Гоголевскій текстъ. Говорить объ этомъ подробно значило бы объяснять необходимость и значеніе критическихъ изданій авторовъ вообще, вещь всюду признанную и давно всеми известную на Западѣ, (можно было бы труды Тихошрарова по изученію Гоголя сравнить, напр., съ работой Бернейса надъ текстомъ Гете), но по новости дѣла—такъ какъ критическихъ изданій у насъ вообще немного,—недостаточно ясную для нашей публички. Часть публички, впрочемъ, несомнѣнно съ своей точки зрѣнія послѣдовательна въ томъ, что, оставаясь равнодушной ко всему научному аппарату десятаго изданія сочиненій Гоголя, ограничиваетъ свои требованія къ подобнымъ изданіямъ только однимъ вѣрнымъ Гоголевскимъ текстомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій и доказательствъ. Покойный Тихошраровъ прекрасно понималъ это и съ цѣлью удовлетворить также потребности большой публички въ болѣе общедоступномъ изданіи Гоголя далъ еще другое, не менѣе образцовое въ своемъ родѣ, одиннадцатое изданіе сочиненій Гоголя, отличающееся не менѣе превосходнымъ выполненіемъ во всехъ отношеніяхъ и между прочимъ блестящей и изящной вишнностью. Само собою разумѣется, что за всю эту издательскую дѣятельность Тихошрарова мы можемъ только быть вдвойнѣ ему благодарны, и если строгія научныя требованія, съ какими привыкъ всегда относиться къ себѣ и къ своимъ трудамъ Тихошраровъ, оказываются, въ известныхъ случаяхъ, выше потребностей средняго образованнаго общества, то причина этого кроется именно въ ограниченности у насъ пока спроса на подобныя критическія изданія, что можетъ, безспорно, отчасти вредить полной оцѣнкѣ и пониманію заслугъ покойнаго, но ужъ никакъ не умаляетъ ихъ дѣйствительное значеніе. И все это было бы справедливо даже и въ томъ случаѣ, если бы Тихошраровъ не успѣлъ отвѣтить на потребности большинства другимъ прекраснымъ изданіемъ. Вотъ именно указанное отношеніе къ лучшему, капитальнѣйшему труду покойнаго Николая Саввича и даетъ чувствовать настоятельную необходимость въ разъясненіи не въ общихъ только чертахъ достоинствъ его изданій, такъ какъ въ такомъ видѣ они, собственно говоря, не разъ указывались и разбирались такими компетент-

ными судьями, какъ А. Н. Пыпинъ, авторъ библиографическихъ замѣтокъ въ отдѣлѣ «Литературнаго Обзорѣнія» «Вѣстника Европы».

II.

На попрѣшѣ изданія сочиненій Гоголя, какъ извѣстно, Николай Саввичъ имѣлъ вполнѣ достойнаго предшественника въ лицѣ г. Кулиша. Но велика была разница какъ въ условіяхъ, такъ и въ результатахъ дѣятельности обоихъ изслѣдователей и издателей Гоголя. Одна изъ главныхъ и капитальныхъ заслугъ г. Кулиша заключалась въ энергическомъ и чрезвычайно усѣбномъ собраніи множества писемъ и біографическихъ матеріаловъ и наконецъ въ прекрасномъ для своего времени изданіи сочиненій писателя, гдѣ между прочимъ большое значеніе имѣла мысль издать въ двухъ редакціяхъ такіа произведенія, какъ «Тарасъ Бульба» и «Портретъ». Самая напряженная дѣятельность Кулиша по изученію Гоголя относилась ко времени, слишкомъ близкому къ смерти писателя; въ этомъ обстоятельствѣ заключались причины многихъ важныхъ достоинствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбежныхъ пробѣловъ въ его трудѣ. Кулишъ засталъ въ живыхъ большинство ближайшихъ современниковъ писателя; имѣлъ случай много разъ лично бесѣдовать съ ними и слышать ихъ воспоминанія, дышавшія всей свѣжестью недавняго прошлаго; съ нѣкоторыми же изъ нихъ, какъ на примѣръ, съ Плетневымъ и Аксаковымъ онъ былъ въ довольно хорошихъ, почти пріятельскихъ отношеніяхъ. Наконецъ онъ еще гораздо раньше съ головой погрузился въ изученіе родной украинской исторіи и литературы, былъ преисполненъ горячаго патріотическаго воодушевленія, но, пріостановленный въ своихъ излюбленныхъ занятіяхъ извѣстной катастрофой, разразившейся надъ Кирилло-Меѳодіевскимъ кружкомъ, со всѣмъ пыломъ своего впечатлительнаго темперамента отдался, — въ промежуткѣ между другими историческими занятіями, — изученію жизни и произведеній одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей и сыновъ Украйны. При тогдашнихъ условіяхъ г. Кулишъ долженъ былъ пуститься въ искусное плаванье между окружающими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда съ одной стороны приходилось на каждомъ шагѣ соображаться съ требованіями лицъ, ввѣрившихъ ему документы, касающіеся Гоголя, съ другой стороны прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, наконецъ приспособляться къ цензурнымъ условіямъ. Принимая все это въ соображеніе, можно только изумляться его замѣчательному

искусству и энергии, благодаря которым ему удалось дать издание, не превзойденное затѣмъ въ промежутокъ больше тридцати лѣтъ, напечатать письма, добываемыя съ большимъ трудомъ и на стѣснительныхъ условіяхъ, наконецъ составить цѣлый биографическій трудъ—въ то время, когда почти невозможно было подробно и откровенно говорить объ отношеніяхъ Гоголя къ разнымъ лицамъ, когда многіе факты и документы тщательно скрывались, а иные совсѣмъ не давали еще простора преждевременнымъ пока разъясненіямъ и изслѣдованіямъ. Обуза на плечахъ г. Кулиша была не малая, и заслуга его не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но тогда не могло быть и рѣчи о критическомъ изданіи, подобномъ изданію Н. С. Тихонова: для послѣдняго необходимы прежде всего совершенно свободное обращеніе съ матеріалами и почти идеальная ихъ полнота, необходимо предварительное ознакомленіе съ огромнымъ количествомъ разнообразныхъ относящихся къ Гоголю документовъ, изъ которыхъ—не надо забывать—значительная часть была сгруппирована и опубликована именно г. Кулишемъ, остальные же долго хранились подъ спудомъ и появлялись въ печати иногда съ большими промежутками времени. Самъ Николай Саввичъ, насколько мнѣ извѣстно, волиѣ признавалъ заслуги Кулиша, хотя это, какъ увидимъ, и не мѣшало ему относиться съ свободной критикой къ нѣкоторымъ ошибкамъ своего почтеннаго предшественника.

Но выполненіе многихъ существенныхъ и совершенно обязательныхъ требованій отъ строгаго критическаго изданія было недоступно для Кулиша по условіямъ времени и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ; тогда какъ ему приходилось заботливо отыскивать каждый кирпичъ для только-что начинавшейся постройки, Николай Саввичъ нашелъ уже для своихъ работъ волиѣ подготовленную почву и въ отношеніи матеріаловъ былъ вооруженъ совершенно достаточнымъ образомъ. Извѣстно, что въ самомъ началѣ своихъ работъ онъ получилъ въ свободное распоряженіе присланныя ему отовсюду рукописи и кромѣ того съ свойственной ему энергіей постоянно вступалъ въ сношенія съ лицами, которыя могли доставить ему какія-либо нужныя данныя. Такъ, напр., онъ получилъ отъ покойнаго академика Я. К. Грота лучшій списокъ «Развязки Ревизора», и подлинникъ письма къ Плетневу объ изданіи «Современника», сохранившіеся въ бумагахъ Плетнева. Правда, не всегда его запросы и справки приводили къ желаннымъ результатамъ, напр., я лично слышалъ отъ него, что для разрѣшенія вопроса о томъ, читалъ ли Гоголь въ петербургскомъ университетѣ лекціи въ продолженіе одного полугодія, также и по древней исторіи, какъ о томъ можно заключить изъ одного его письма—требую-

мыхъ документовъ онъ не получилъ, ибо они не сохранились,—но за то почти рѣшительно всё въ настоящее время доступныя данныя находились въ его рукахъ. И Николай Саввичъ не пропустилъ ничего, чтобы воспользоваться въ полной мѣрѣ всеми представленными ему средствами для своего образцоваго изданія.

III.

Рядъ работъ надъ текстомъ сочиненій Гоголя, предпринятыхъ Н. С. Тихомировымъ въ послѣднее десятилѣтїе его жизни, открывается его извѣстнымъ изданіемъ первоначальнаго сценическаго текста «Ревизора» приготовленнаго ко дню пятидесятилѣтняго юбилея комедіи (19 апрѣля 1886 года). Но систематическое изученіе рукописей Гоголя онъ началъ нѣсколько раньше, приблизительно съ того времени, когда издательская фирма одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ въ концѣ 1885 г. приобрѣла отъ наследниковъ писателя исключительное право на изданіе его сочиненій. Передъ тѣмъ это дѣло, сразу хорошо поставленное г. Кулишемъ въ серединѣ пятидесятихъ годовъ, какъ извѣстно, постепенно падало, находясь въ рукахъ наследниковъ, заручившихся правда содѣйствіемъ такихъ почтенныхъ сотрудниковъ, какъ покойные Ѳ. В. Чижевъ и И. С. Аксаковъ, но не шедшихъ дальше простой механической перепечатки, безъ всякаго пользованія рукописями и безъ малѣйшей попытки очищенія и выработки истиннаго гоголевскаго текста. Наслѣдники и самъ хорошо понимали всю трудность лежавшей на нихъ задачи, но, находясь вдали отъ столичныхъ центровъ и лишеныя по разнымъ причинамъ возможности руководить дѣломъ кромѣ развѣ весьма неправильныхъ,—чисто практическихъ и виѣшнихъ распоряженій,—дѣлали все, что могли съ своей стороны; сознавая однако, что этого все-таки было далеко недостаточно, они постоянно искали случая передать изданіе въ иныя, болѣе опытыя и надежныя руки. Безъ сомнѣнія, желаніе ихъ исполнилось совершенно, когда редакція новаго изданія была поручена такому авторитетному ученому, какимъ былъ покойный Николай Саввичъ.

Возникаетъ вопросъ: въ какомъ же положеніи онъ принялъ дѣло и что именно успѣлъ совершить на данномъ поприщѣ?

Изученію Гоголя Николай Саввичъ посвятилъ еще прежде нѣкоторые изъ наиболѣ раннихъ своихъ учено-литературныхъ трудовъ. Такъ уже въ 1853 г., когда, непосредственно послѣ смерти Гоголя, стали впервые появляться касающіеся его краткіе біографическіе и библио-

графическіе очерки, Николай Саввичъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью «Библиографическіе поправки и дополненія» и—если справедливо указаніе С. И. Пономарева—также въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью, озаглавленную: «Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ», — подписанную впрочемъ именемъ другого автора—И. Иваницкаго. Судя по тому, что послѣднее обстоятельство было хорошо извѣстно г. Пономареву и также имъ отмѣчено, можно было бы заключить, что Николаю Саввичу принадлежало какое-нибудь косвенное, не официальное сотрудничество въ этой статьѣ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ отъ этихъ краткихъ и пока въ сущности случайныхъ замѣтокъ о Гоголѣ, послѣднія редактированныя Николаемъ Саввичемъ изданія составляютъ по истинѣ огромный шагъ.

Изучая приемы творчества Гоголя для изданія его сочиненій, Тихонравовъ за исходную точку взялъ указанія самого автора, которыя онъ съ замѣчательной заботливостью извлекъ изъ разныхъ мѣстъ переписки и изъ всего о немъ написаннаго, еще раньше, нежели приступилъ къ своему монументальному труду, и положилъ эти указанія, такъ сказать, во главу угла. Къ такимъ указаніямъ кромѣ тѣхъ, которыя мы находимъ въ «Авторской Исповѣди», принадлежитъ между прочимъ находящееся въ письмѣ Гоголя къ Шевыреву, напечатанномъ не въ собраніи его писемъ у г. Кулиша, но въ «Русской Старинѣ» 1875 г. (№ 9, стр. 125). Тамъ Гоголь говоритъ во-первыхъ, что онъ, работая надъ своими произведеніями, нерѣдко сокращалъ написанное, или, по его выраженію, «освобождалъ отъ излишествъ и неузмѣренности», и во-вторыхъ, что онъ производилъ «передѣлки прежнихъ пьесъ, основываясь на разумъни самого себя, на устройствѣ головы своей». «Я видѣлъ» — продолжаетъ онъ, — «что на этомъ одномъ я могъ только навикнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неузмѣренности, вполне ясное и совершенное въ высокой трезвости духа». Такія драгоценныя указанія Гоголя на характеръ собственнаго творчества были тотчасъ же все найдены Тихонравовымъ, и на нихъ онъ обратилъ самое полное вниманіе; ихъ онъ не разъ приводитъ и постоянно имѣетъ въ виду. Прослѣдите цитаты въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Тихонравова, — и вы увидите частыя ссылки на 125—126 страницы девятой книги «Русской Старины» 1875 г. — и въ «Очеркѣ исторіи текста комедіи «Ревизоръ», и въ «Первомъ представленіи «Ревизора» на московской сценѣ»,

¹⁾ Намъ лично впрочемъ это показаніе кажется маловѣроятнымъ, такъ какъ Николай Саввичъ вездѣ говоритъ о статьѣ Иваницкаго, какъ о совершенно для него посторонней (см. Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 551, 561 и 589).

статьѣ, напечатанной въ «Русской Мысли»¹⁾, и въ примѣчаніяхъ редактора въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя. Затѣмъ Николай Саввичъ извлекаетъ данныя для характеристики приѣмовъ творчества Гоголя изъ разбѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій косвенныхъ намековъ, каково напримѣръ извѣстное замѣчаніе о дьячкѣ Ѳомѣ Григорьевичѣ, что за нимъ «водилась особеннаго рода странность: онъ до смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало иногда, если упростишь его *рассказать что съзнава*, то, смотри, что-нибудь да выкинетъ новое или переначить такъ, что узнать нельзя»²⁾—это замѣчаніе оказывается во многихъ случаяхъ примѣнимо и къ самому Гоголю, который, очевидно, высказывая это, и имѣлъ въ виду именно себя. Затѣмъ Тихонравовъ всюду старался извлекать данныя изъ загадочныхъ указаній переписки Гоголя и, тщательно приводя ихъ въ связь съ положительными и безспорными фактами, давалъ уже прочно обоснованные выводы. Не мало, напр., нужно было труда, чтобы установить безспорно, какія именно встрѣчаются неясныя, такъ сказать, алгебраическія указанія на начало и прекращеніе сотрудничества Гоголя въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1830 г.—въ письмахъ его къ матери—и къ какимъ опредѣленнымъ фактамъ они относились.

Съ конца 1885 г. Тихонравовъ приступилъ къ изученію рукописей Гоголя. Работа совершалась въ высшей степени обдуманно и осторожно. Въ этомъ причина ея кажущейся медленности. Николай Саввичъ не любилъ торопиться и преждевременно выпускать въ свѣтъ даже, повидимому, совершенно готовые и тщательно обработанные труды. Въ этомъ отношеніи онъ доходилъ, пожалуй, до педантизма, но зато изъ рукъ его сразу выходило вполне обстоятельное и уже не пугдавшееся потомъ ни въ какихъ передѣлкахъ и дополненіяхъ изслѣдованіе. Въ этомъ случаѣ онъ руководился больше, такъ сказать, собственной «научной совѣтью», нежели соображеніями славы или внѣшняго успѣха, такъ какъ основательность и цѣнность его труда выступаетъ съ особенной очевидностью, чѣмъ больше съ нимъ познакомишься по собственному изученію, убѣждаться же именно такимъ способомъ въ высокомъ научномъ значеніи его примѣчаній редактора приходится, можетъ быть, даже не всѣмъ специалистамъ словесникамъ. Вотъ почему иногда люди литературы, какъ напримѣръ, даже покойный редакторъ

¹⁾ 1886, май.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 36.

«Русской Старины», М. И. Семевскій, признавая важность трудовъ Тихонова, тѣмъ не менѣе могли ему дѣлать печатно въ сущности несправедливые и незаслуженные укоры. Такъ, рассказывая о своей поѣздкѣ по Россіи въ 1888 г., М. И. Семевскій замѣтилъ между прочимъ въ «Русской Старинѣ» слѣдующее: «Если Николай Саввичъ *поборетъ нѣкоторую медлительность въ изданіи своихъ въ высшей степени солидныхъ трудовъ*, то исторія русской литературы, въ дополненіе къ извѣстнымъ уже въ печати его трудамъ, обогатится многими полезными его вкладами. Это тѣмъ болѣе необходимо, что все мы старѣемъ, а съ кончиною нашею слишкомъ часто бываетъ, что скопленный и собранный матеріалъ расплзается Богъ вѣсть по какимъ рукамъ» ¹⁾. Справедливость этихъ словъ Семевского и его недовольство медленностью работъ Тихонова была, конечно, не лишена извѣстнаго основанія, если смотрѣть на дѣло поверхностно, со стороны; но Семевскому недостаточно видна была другая сторона дѣла, именно та, что медлительность Николая Саввича въ сущности была однимъ изъ необходимыхъ условій того почти безупречнаго совершенства, которое такъ выгодно отличаетъ въ научномъ отношеніи всѣ труды Тихонова.

IV.

Чтобы оцѣнить вполне заслуги Тихонова по изданію Гоголя, необходимо составить себѣ ясное представленіе о трудностяхъ дѣла и о томъ, какъ, благодаря даннымъ своего характера и эрудиціи, Николаю Саввичу удалось побѣдить ихъ.

Особенную трудность при изученіи Гоголя представляетъ твердое установленіе хронологическихъ датъ, чрезвычайно важныхъ по своей тѣсной связи со многими биографическими и историко-литературными данными, касающимися автора. Въ этомъ отношеніи можно положительно утверждать, что ни одинъ изъ первостепенныхъ и даже вообще выдающихся писателей не оставилъ своимъ биографамъ и комментаторамъ такого густого тумана недоумѣній, какъ Гоголь. Происходило это отъ разныхъ причинъ: въ значительной степени и отъ самаго способа его творчества, благодаря которому каждое произведеніе его за исключеніемъ лишь «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» ²⁾

¹⁾ „Русская Старина“, 1889, VIII, стр. 239.

²⁾ Соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 470 и Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 282.

подвергалось чрезвычайно продолжительной и медленной переработкѣ, захватывая въ разныхъ своихъ редакціяхъ и передѣлкахъ большой промежутокъ времени и встрѣчаясь съ другими трудами Гоголя иногда рядомъ въ однѣхъ и тѣхъ же записныхъ тетрадахъ, а затѣмъ нельзя отрицать у автора частыхъ намѣренныхъ неточностей въ хронологическихкихъ датахъ, — неточностей, столько разъ указанныхъ въ редакторскихъ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова ¹⁾. Почти всю жизнь Гоголь находился въ тѣсныхъ, зависимыхъ условіяхъ: связанный обязательствами дружбы и личныхъ одолженій, осаждаемый съ разныхъ сторонъ просьбами, а иногда и просто требованіями своихъ произведеній, терпя, по его собственному выраженію, «суровое горе жизни», онъ нѣрѣдко чувствовалъ себя *вынужденнымъ* представлять дѣло въ письмахъ къ пріятелямъ и на обложкахъ издаваемыхъ книгъ, далеко не въ томъ видѣ, какъ оно было. Приведемъ одинъ примѣръ, относящійся ко времени, когда Гоголь находился въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ. Извѣстный профессоръ московскаго, а позднѣе кіевскаго университета, М. А. Максимовичъ въ 1833 г. просилъ у него повѣсти для задуманнаго имъ альманаха «Деница». Гоголь на это отвѣчаетъ ему: «я чертовски досажаю на себя за то, что ничего не имѣлъ, что бы прислать вамъ въ вашу «Деницу». У меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха». Между тѣмъ въ скоромъ времени должна была появиться въ «Новосельѣ» извѣстная повѣсть его «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», и Гоголю нужно было найти благовидный предлогъ для такого предпочтенія Смирдина, издателя альманаха «Новоселье» и знакомаго ему книгопродавца, — его близкому пріятелю, Макенмовичу, вмѣстѣ съ которымъ и даже отчасти благодаря содѣйствію котораго Гоголь рассчитывалъ тогда получить кафедру исторіи въ вновь открывшемся кіевскомъ университетѣ. Обстоятельства поставили Гоголя въ довольно непріятное положеніе. Дѣло было въ томъ, что Гоголь уже прежде, ширя однажды въ числѣ многихъ другихъ петербургскихъ литераторовъ на извѣстномъ новосельѣ Смирдина, слѣдуя общему примѣру и особенно уступая инициативѣ Жуковскаго, имѣлъ неосторожность обѣщать Смирдину повѣсть и, конечно, считалъ потомъ неловкимъ отказать отъ обѣщанія. Но всего этого неудобно было объяснить Максимовичу, который, вѣроятно, и не удовлетворился бы такимъ объясненіемъ, въ виду гораздо болѣе вѣскихъ для него собственныхъ соображеній; и вотъ Гоголь, не желая

¹⁾ См. напр. Соч. Гоголя, изд. X, т. V, стр. 576, 586, т. III, 547 и проч.

измѣнять своего рѣшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь устранить дальнѣйшія настоянія пріятели, прибавляетъ: «Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть, о которой я совсѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мной землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что хотите. Но не теперь» и проч. ¹⁾. Въ другой разъ, значительно позднѣе, лѣтъ приблизительно черезъ десять, только-что успѣлъ Гоголь пріѣхать въ Россію изъ-за границы, для изданія перваго тома «Мертвыхъ Душъ», какъ, по выраженію Н. С. Тихонравова, «нашелся пріятель, который не прочь былъ вынимать горячіе каштаны чужими руками»: это тотъ же Максимовичъ «обратился къ Гоголю съ безтактной просьбой дать что-нибудь изъ вновь написаннаго для его сборника (вѣроятно — «Кіевлянина»). И причиной всѣхъ этихъ непріятностей было то, какъ справедливо замѣчаетъ Николай Саввичъ, что «Погодинъ успѣлъ разболтать, что у Гоголя есть много написаннаго». На просьбу Максимовича Гоголь отвѣтилъ такъ: «Погодинъ слилъ пулю, сказавши, что у меня много написаннаго». На самомъ же дѣлѣ у него были тогда почти совсѣмъ готовы кромѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» еще слѣдующія произведенія: «Портретъ», предназначавшійся для Плетневскаго «Современника», «Римъ», уже обѣщанный Погодину въ «Москвитянинъ», новая редакція «Тараса Бульбы», «Шинель», «Игроки» и мелкіе драматическіе отрывки. Но вмѣстѣ съ изданіемъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь приготовлялъ къ печати также собраніе своихъ сочиненій и имѣлъ, конечно, вѣскія основанія помѣстить въ немъ совершенно новыя вещи. Отказать Максимовичу сравнительно было еще легко, такъ какъ Гоголь не чувствовалъ себя передъ нимъ ничѣмъ обязаннымъ, тогда какъ въ отношеніи къ другимъ своимъ пріятелямъ онъ бывалъ иногда въ самыхъ мучительныхъ положеніяхъ. Возможно, что иногда и другіе писатели въ какихъ-нибудь исключительныхъ случаяхъ позволяли себѣ по разнымъ соображеніямъ подписывать певѣрныя даты подъ своими сочиненіями; но для Гоголя при хронической запутанности его дѣлъ и отношеній, особенно съ конца тридцатыхъ годовъ, о чемъ распространяться здѣсь было бы, конечно, неумѣстно, довольно часто встрѣчались какія-нибудь постороннія причины и соображенія, которыя вынуждали его прибѣгать къ

¹⁾ Подобные случаи бывали нерѣдко; такъ Гоголь не могъ исполнить въ то же время и обѣщанія, даннаго Надеждину («Соч. и письма Гоголя», т. V, стр. 542).

неточнымъ датамъ. Легко понять, что такое положеніе дѣла представляетъ исключительныя трудности, и нельзя не сказать отъ всей души великое спасибо покойному Николаю Саввичу, приложившему столько искусства, энергіи и упорнаго труда для возможно точнаго каждый разъ опредѣленія *времени* зарожденія творческихъ замысловъ Гоголя, ихъ постепеннаго созрѣванія и тѣхъ послѣдовательныхъ видоизмѣненій, которымъ подвергались его произведенія до появленія ихъ въ печати. Гдѣ есть хоть малѣйшая возможность, Николай Саввичъ не только слѣдитъ за общимъ ходомъ созданія пьесы, но и за всѣми второстепенными перипетіями его развитія, что особенно слѣдуетъ замѣтить о примѣчаніяхъ его къ «Женитьбѣ», «Ревизору», «Мертвымъ Душамъ» и особенно къ главѣ о капитанѣ Кошкѣйкинѣ. Онъ не устаетъ также слѣдить за самыми незначительными измѣненіями въ разныхъ редакціяхъ повѣсти «Носъ», гдѣ сцену первоначальной редакціи въ Казанскомъ Соборѣ пришлось замѣнить потомъ, но цензурнымъ соображеніямъ, сценой на гостиномъ дворѣ.

Точность, вообще такъ необходимая въ трудахъ, подобныхъ критическимъ изданіямъ писателей, замѣчается у Тихошарова на каждомъ шагѣ: онъ не пропускаетъ безъ вниманія ничего, что такъ или иначе, въ данную минуту или впоследствии, можетъ послужить дѣлу разъясненія Гоголя. Для этого совершенно необходимо какъ полнѣйшее пониманіе требованій дѣла, такъ и неутомимая настойчивость въ образцовомъ исполненіи.

Николай Саввичъ умѣлъ такъ вести свой трудъ, что не говоря о томъ, что отъ него не укрывалось ничего существеннаго, но онъ не упускалъ изъ виду и многихъ мелкихъ на поверхностный взглядъ, хотя въ сущности все-таки чрезвычайно важныхъ и необходимыхъ, вещей. Изощренный пройденной въ теченіе предшествующей жизни строгой научной школой, онъ приступилъ къ изученію рукописей Гоголя вполне хозяиномъ дѣла. Вездѣ онъ обращаетъ вниманіе между прочимъ на качества почерка, на форматъ и клейма бумаги, на цвѣтъ и свѣжесть чернилъ, на малѣйшія поправки Гоголя, даже на типографскія опечатки и на опіски писца. Получается образцовое описаніе рукописей, дающее возможность дѣлать, даже не имѣя ихъ подъ руками, опредѣленныя и вѣрныя заключенія, такъ что, если бы по какому-нибудь несчастному случаю существующія рукописи Гоголя были затеряны или сгорѣли, то многое восполнялось бы съ успѣхомъ описаніемъ и разъясненіями Тихошарова. Но здѣсь считаю необходимымъ остановиться подробнѣе на болѣе частныхъ и конкретныхъ объясненіяхъ. Инымъ могло бы казаться на основаніи только-что сказаннаго,

что Тихомировъ въ своемъ стремленіи къ строго научной и образцовой точности все-таки переступалъ иногда границы необходимаго и углублялся въ такія подробности, которыя останутся на дѣлѣ бесполезными. Такой взглядъ, повторяю, мнѣ приходилось слышать, и нужно показать наглядно, почему онъ несправедливъ. Возьму одинъ изъ яркихъ примѣровъ.

Есть въ данныхъ для біографіи Гоголя одно престранное, можно сказать, представляющееся на первый взглядъ просто невѣроятнымъ обстоятельство: въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1839 г. Гоголь по датамъ его писемъ и по разнымъ свидѣтельствамъ современниковъ оказывается находящимся одновременно въ Россіи и за границей, въ Москвѣ и въ Триестѣ. Въ дневникѣ Погодина подъ заглавіемъ «Годъ въ чужихъ краяхъ» и въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова мы находимъ цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ съ полной несомнѣнностью, что въ 1839 г. Гоголь совершилъ поѣздку изъ за границы въ Россію вмѣстѣ съ Погодинымъ; извѣстно съ точностью, въ какой день и гдѣ они проѣзжали; наконецъ извѣстно, что оба они прибыли въ Москву 26 сентября 1839 г.. Но въ то же время въ изданіи г. Кулиша мы встрѣчаемъ письма Гоголя къ матери отъ 26 сентября 1839 г. изъ Триеста, а отъ 24 и 28 октября изъ Вѣны. Различіемъ между старымъ и новымъ стилемъ такое противорѣчіе не устраняется никоимъ образомъ. Надо имѣть при этомъ въ виду, что г. Кулишъ съ безусловной точностью обозначалъ скобками тѣ даты, которыя были выставлены имъ только по соображенію. Значить эти даты стояли дѣйствительно на подлинныхъ письмахъ Гоголя. Н. С. Тихомировъ по этому поводу замѣчаетъ: «Письма Гоголя къ матери, напечатанныя въ изданіи Кулиша (V, 386—389), писаны несомнѣнно уже изъ Москвы, между тѣмъ надъ первымъ изъ нихъ стоитъ Триестъ, надъ вторымъ и третьимъ—Вѣна». Это заключеніе вывелъ онъ изъ того, что Гоголь говорить матери: «письма будутъ доставлены изъ Москвы съ казеннымъ курьеромъ и вы, стало быть, заплатите только до Москвы, что сдѣлаетъ большую разницу»¹⁾. Сначала мнѣ казалось это соображеніе недостаточнымъ. Но потомъ я обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ одномъ іюньскомъ письмѣ Гоголя къ матери изъ Рима сказано: «прощайте до слѣдующаго письма. Для лучшаго и исправнѣйшаго полученія писемъ, адресуйте въ г. Мариенбадъ, въ Богемію; оттуда оно будетъ ко мнѣ отправлено вѣрнѣйшимъ обра-

¹⁾ См. Соч. Гоголя, изд. X, т. I, стр. 625, примѣчаніе.

зомъ» (У, 379). Въ концѣ сентября, въ минимомъ письмѣ изъ Триеста, Гоголь напротивъ говоритъ: «Меня очень удивило ваше письмо, писанное отъ августа и полученное мною черезъ Богемію. Вы, вѣрно, нехорошо прочитали мое письмо: я вовсе не писалъ, что буду въ Мариенбадѣ, и тѣмъ болѣе съ намѣреніемъ оттуда ѣхать въ Россію. Черезъ Богемію я потому просилъ васъ адресовать письма, что мнѣ будутъ отправлены курьеромъ вдвое скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ по почтѣ». Между тѣмъ положительно извѣстно, что Гоголь былъ лѣтомъ 1839 года въ Богеміи и въ частности въ Мариенбадѣ. Такое противорѣчіе сомнительно уже само по себѣ, но еще подозрительнѣе то, что въ письмѣ отъ 28 октября, написанномъ *будто бы* изъ Вѣны, Гоголь пишетъ: «Итакъ я сегодня выѣзжаю въ Россію; черезъ мѣсяца 1½ или два буду въ Петербургѣ», тогда какъ онъ въ то время уже болѣе мѣсяца прожилъ въ Москвѣ и вскорѣ выѣхалъ въ Петербургъ. Такъ представляется это дѣло по соображенію всѣхъ данныхъ. Причиной же такой странной мистификаціи было, можетъ быть, опасеніе Гоголя, чтобы мать, сильно жаждавшая повидаться съ нимъ, не пріѣхала слишкомъ рано къ Погодину, тогда какъ Гоголю и безъ того было неловко помѣщать на долгое время у него всю семью,—или же какое-нибудь иное практическое соображеніе. Для разрѣшенія подобнаго сомнѣнія было бы важно видѣть самое письмо, если бы оно сохранилось, такъ какъ отдѣльныхъ конвертовъ въ то время еще не существовало. Издатель писемъ Гоголя, г. Кулишъ, вообще говоря, прекрасно выполнилъ свою задачу; но до изданія книги Аксакова о Гоголѣ, а также книги Погодина «Годъ въ чужихъ краяхъ» онъ, конечно, не могъ и предвидѣть, что кому-нибудь впоследствии можетъ понадобиться такая мелочь, какъ почтовое клеймо на оборотѣ письма. Немало также можетъ быть примѣровъ, когда обозначеніе адреса на письмѣ совершенно разъясняетъ время его написанія; напримѣръ встрѣчаются такіе случаи, что Гоголь въ тѣхъ же числахъ въ разные года былъ въ томъ же городѣ, напримѣръ въ Римѣ, но на разныхъ квартирахъ. Подобныя вещи упустить изъ виду было очень легко, и даже г. Кулишъ упустилъ нѣкоторые изъ нихъ; Николай Саввичъ Тихомировъ стремился довести и дѣйствительно довѣлъ точность изслѣдованія почти вездѣ до идеальнаго совершенства, причемъ, сильно развѣвъ въ себѣ самолюбіе ученаго въ томъ смыслѣ, что все выходящее изъ-подъ его пера должно быть безусловно вѣрно, онъ въ то же время былъ очень далекъ отъ самолюбія въ другомъ, низменномъ смыслѣ, заставляющаго иныхъ, какъ говорится, показывать товаръ лицомъ. Напротивъ мнѣ, признаюсь, не разъ бывало жаль,

что такія превосходныя страницы, какъ тѣ, гдѣ объясняется отноше-
ніе послѣднихъ главъ исправленной редакціи «Тараса Бульбы» къ
позднѣйшему настроенію Гоголя, для нетерпѣливаго читателя могутъ
потонуть въ цѣломъ рядѣ другихъ страницъ, преобладающее значеніе
которыхъ заключается иногда въ ихъ специально библиографическомъ
интересѣ. Далѣе, говоря о замѣчательной точности изслѣдованій Ти-
хонравова, я долженъ особенно указать на обстоятельныя объясненія
имъ приѣмовъ работы Гоголя въ концѣ примѣчаній къ второму тому
«Мертвыхъ Душъ», гдѣ высказываются, между прочимъ, такія сообра-
женія, по которымъ съ совершенною точностью опредѣляется число
потерянныхъ листовъ рукописи по объему тетради и по ея отношенію
къ другимъ тетрадямъ. На страницѣ 657 примѣчаній къ первому тому
Николай Саввичъ указываетъ на то, что въ одной рукописи «нѣ-
сколько неразобранныхъ словъ писецъ пропустилъ, оставивши пустыя
мѣста, чтобы послѣ вписать эти слова», и затѣмъ даетъ объ этомъ
точный отчетъ. Въ другомъ мѣстѣ на стр. 457 третьяго тома онъ
дѣлаетъ подстрочное замѣчаніе: «не диктовалъ ли Гоголь переписчику,
дѣлая при этомъ легкія перемѣны въ словахъ?» Можетъ показаться,
что это-то ужъ лишнее; но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу,
должно быть совершенно ясно, что все эти замѣчанія имѣютъ смыслъ,
такъ какъ пропуски писца дѣйствительно имѣли, хотя и ничтожное,
вліяніе на текстъ и повели отчасти къ замѣнѣ прежде написаннаго
Гоголемъ другими, новыми выраженіями. Перечитавъ тщательно все
примѣчанія Тихонравова къ сочиненіямъ Гоголя, я нашелъ только
одно, по моему мнѣнію, быть можетъ ошибочному, не имѣющее осо-
баго значенія: описывая съ свойственной ему обстоятельностью че-
твертую тетрадь изъ рукописей «Тараса Бульбы», принадлежавшихъ
товарищу Гоголя Прокоповичу, а теперь Нѣжинскому Историко-Фило-
логическому институту, Николай Саввичъ между прочимъ замѣчаетъ:
«Последняя страница очень пострадала отъ продолжительнаго, пови-
димому, лежанія непокрытою: поля—боковыя, верхнія и нижнія, не
занятые текстомъ, пожелтѣли и запылились». Признакъ этотъ едва
ли можетъ быть характеренъ въ какомъ-либо отношеніи, а между
тѣмъ подобная замѣтка затрудняетъ и безъ того напряженное чтеніе
въ данномъ мѣстѣ, отвлекая вниманіе отъ главной нити объ-
ясненія.

У.

Если такая образцовая добросовѣстность замѣчается повсюду у Тихонравова въ отношеніи мелкихъ деталей, то тѣмъ болѣе мы должны предположить ее и дѣйствительно находимъ въ вещахъ болѣе крупныхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ по поводу опроверженія Гоголемъ взглядовъ Бурачка въ статьѣ «О театрѣ», Тихонравовъ подробно излагаетъ и разбираетъ эти взгляды, указывая даже, какая именно статья напомнила Гоголю о разсужденіяхъ Бурачка и, въ свою очередь, разбираетъ эту статью. Въ первой же части статьи «О театрѣ» онъ, останавливаясь на выраженіи Гоголя: «точно ли духовныя лица возстаютъ противъ театра, или только противъ того вида, въ которомъ онъ намъ теперь является»,—на основаніи «Хроники Петербургскихъ театровъ» Вольфа, сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія о тогдашнемъ театральномъ репертуарѣ. Въ повѣсти «Носъ» по поводу выраженія: «тогда умы всѣхъ настроены были къ чрезвычайному: недавно только занимали публику опыты и дѣйствія магнетизма»,—Николай Саввичъ устанавливаетъ связь этого указанія съ «Запиской объ опытахъ надъ животнымъ магнетизмомъ, производимыхъ г-жею Турчаниновой» и отмѣчаетъ, что записка эта была напечатана въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ» за 1832 г.. Замѣчательны также разъясненія Тихонравова по поводу «Размышленій о Божественной литургіи».

Встрѣтивъ далѣе у Гоголя въ томъ мѣстѣ «Тараса Бульбы», которое было написано подъ несомнѣннымъ влияніемъ «Лѣтописи Конисскаго», апокрифическій разсказъ о плѣнѣ Потоцкаго въ Полонномъ, Николай Саввичъ привлекаетъ къ провѣркѣ всѣ авторитетные источники и удостовѣряетъ, что гетманъ названъ у Конисскаго не Потоцкимъ, а Конецпольскимъ, затѣмъ указываетъ соответствующее этому разсказу мѣсто въ «Исторіи Россіи» Соловьева. А вотъ между прочимъ фактъ, наглядно показывающій, насколько покойный Николай Саввичъ обладалъ всѣми природными дарами, которые способны образовать солиднаго и самостоятельнаго научнаго изслѣдователя. Безспорно, далеко не всѣмъ, даже даровитымъ дѣятелямъ науки, дано въ одинаковой степени искусство спокойно окинуть предметъ со всѣхъ сторонъ, не увлекаясь болѣе яркимъ и замѣтнымъ, способность представить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ и ни однимъ словомъ не подать повода къ невѣрнымъ или неточнымъ заключеніямъ. При всѣхъ общепризнанныхъ достоинствахъ и заслугахъ Тихонравова едва ли можно

сомнѣваться, что онъ не былъ и не могъ быть такимъ знатокомъ специалистомъ собственно по украинской исторіи и литературѣ, какимъ является г. Кулишъ. Между тѣмъ въ примѣчаніяхъ къ «Тарасу Бульбѣ» Николаю Саввичу пришлось провѣрить замѣчаніе г. Кулиша о вліяніи на поэмѣ Гоголя известной «Исторіи Руссовъ», приписываемой Конисскому, и тщательная провѣрка показала нѣкоторую односторонность этого взгляда или, по крайней мѣрѣ, неточность въ его выраженіи. Г. Кулишъ въ «Предувѣдомленіи» къ «Матеріаламъ для исторіи возсоединенія Русси» обличаетъ ложную псевдо-патріотическую реторику въ изображеніи прошлаго Украины въ малороссійскихъ литературныхъ произведеніяхъ. «Начало этой фантазмагоріи», — объясняетъ онъ — «болѣе вредоносной, нежели можетъ казаться на поверхностный взглядъ, положилъ, во первыхъ, неизвѣстный доселѣ авторъ Лѣтописи Конисскаго («Исторіи Руссовъ»), а во вторыхъ, *основавшійся на немъ высоко-талантливый авторъ „Тараса Бульбы“*. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое мнѣніе могло повести, однако, къ ошибочнымъ заключеніямъ: читателямъ легко смѣшать ложную фактическую основу въ отдѣльныхъ случаяхъ съ фальшивой окраской всего художественнаго изображенія казачества въ «Тарасѣ Бульбѣ». Въ виду этого Николай Саввичъ предпринялъ тщательную всестороннюю провѣрку замѣчанія г. Кулиша и точная группировка всѣхъ слѣдствъ вліянія Конисскаго на Гоголя привела къ несомнѣнному заключенію, что Гоголь заимствовалъ изъ «Лѣтописи» не столько quasi-историческіе факты, — какъ въ 1834 г. для первой редакціи, — сколько *ту тенденцію, которою проникнута „Исторія Руссовъ“*. Заключеніе, повидимому, сходное съ выводомъ г. Кулиша; но теперь для читателя, какъ и для самого изслѣдователя, дѣло представляется вполнѣ яснымъ и обоснованнымъ, тогда какъ слова г. Кулиша, лишь приблизительно характеризующія данный фактъ, могутъ *повести и къ не совсемъ правильнымъ заключеніямъ* ¹⁾).

Вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ любознательнаго читателя ожидаетъ какое-нибудь сомнѣніе, гдѣ въ источникахъ является неточность или запутанность, Тихомировъ въ какомъ-нибудь скромномъ подстрочномъ примѣчаніи идетъ навстрѣчу затрудненію и предупреждаетъ возможные ошибочныя заключенія. При такой сложной работѣ, понятно, что, когда печатались примѣчанія редактора къ сочиненіямъ Гоголя, ощущалось громадное практическое затрудненіе, въ постоянныхъ вставкахъ и перемѣнахъ, которыя Николай Саввичъ вносилъ въ свои

¹⁾ Т. е. могутъ погудъ подать поводъ къ предположенію, что дѣло касается здѣсь фактовъ, а не общей окраски разсказа.

рукописи, а затѣмъ и въ набранный текстъ. Но безъ этого условія, безъ сомнѣнія, его трудъ не могъ бы явиться въ своемъ настоящемъ видѣ.

Нигдѣ, однако, точность и замѣчательная критическая опытность Тихонравова не выступаетъ съ такой яркостью, какъ при описаніи рукописей второго тома «Мертвыхъ Душъ», гдѣ приложена необыкновенная энергія для объясненія всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ, касающихся этого тома, и если здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, почтенному изслѣдователю удастся пока преимущественно выясненіе частныхъ, то причиной тому является крайняя запутанность дѣла. Иногда бываетъ, что Николаю Саввичу, рядомъ настойчивыхъ изысканій, удастся установить съ несомнѣнной точностью, когда былъ написанъ тотъ или другой набросокъ въ разныхъ редакціяхъ «Тараса Бульбы», или, напримѣръ, что повѣсть о капитанѣ Кошѣйкинѣ переписывалась Анненковымъ въ іюль мѣсяцѣ 1841 г., и тому подобныя подробности, которыя могутъ быть чрезвычайно полезны при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Само собою разумѣется, что если бы существующія данныя открывали полную возможность придти всюду къ такимъ же точнымъ и несомнѣннымъ заключеніямъ, то вся исторія творчества Гоголя развернулась бы передъ нами въ такой отчетливой картинѣ, какой еще не бывало въ русской ученой литературѣ. Но извѣстная доля пробѣловъ, особенно въ отношеніи второго тома «Мертвыхъ Душъ», едва ли вообще устранима, другіе же могутъ быть пополнены развѣ впоследствии, когда накопятся новыя данныя, основанныя на болѣе широкой разработкѣ исторіи литературы вообще, или когда найдутся новыя, неизвѣстные пока матеріалы. Повторяю: самый способъ работы Гоголя, не можетъ повести къ такимъ осязательнымъ и легко запоминаемымъ заключеніямъ, которыя давали бы даже поверхностному читателю, такъ сказать, упрощенное обзорнѣе хода творческой дѣятельности поэта. Нѣкоторыя же страницы комментарія «Тараса Бульбы», какъ напримѣръ заключающія въ себѣ описаніе рукописей второго тома «Мертвыхъ Душъ»¹⁾, требуютъ, несомнѣнно, со стороны читателя большого напряженія, но могутъ быть чрезвычайно полезны при дальнѣйшихъ изученіяхъ, для которыхъ трудъ Тихонравова представляетъ такую надежную основу.

Намъ не нужно прибавлять указаній на то, какъ строго критически относился Николай Саввичъ къ прежнимъ издателямъ и авторамъ статей и замѣтокъ о Гоголѣ, подвергая точной провѣркѣ ихъ

¹⁾ Соч. Гог. изд. X, т. III, стр. 523; тамъ же см. III, 455.

показанія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ основательность всегда и неизмѣнно остается на сторонѣ Тихонравова. Такъ однажды онъ справедливо возражаетъ даже по поводу словъ Анненкова, что «собраніе въ одну книгу и изданіе «Переписки съ друзьями» — возвѣщали совершенное окончаніе (въ 1841 г.) второй части «Мертвыхъ Душъ» и скорое ея появленіе въ свѣтъ»¹⁾. На это Тихонравовъ съ своей стороны замѣчаетъ, что тогда «у полубольного писателя не было ни времени, ни силъ писать продолженіе второй части поэмы». У г. Кулиша Тихонравовъ указываетъ два противоположныхъ сообщенія Прокоповича о времени написанія Ганца Кюхельгартена. Онъ отвергаетъ также взглядъ своего предшественника на время написанія «Нѣсколькихъ главъ изъ неоконченной повѣсти»²⁾. Наконецъ Николай Саввичъ подвергаетъ сомнѣнію сообщеніе г. Кулиша, что въ 1844 г. Гоголь дѣйтельно трудился надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ»³⁾. Далѣе онъ опровергаетъ неточное замѣчаніе Арнольди о томъ, будто «хохотомъ генерала Бетрицева оканчивалась вторая глава второго тома «Мертвыхъ Душъ», а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ день въ генеральскомъ домѣ», — говоря, что «это замѣчаніе основано на *печатномъ* текстѣ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» и опровергается рукописью этого произведенія, въ которой третья глава открывается выѣздомъ Чичкова къ родственникамъ генерала»⁴⁾. Наконецъ даже у академика А. Θ. Бычкова Николай Саввичъ замѣчаетъ неточность въ томъ, что онъ назвалъ первоначальною изданною имъ редакцію главы о капитанѣ Конѣйкинѣ, тогда какъ ей предшествовала другая, оставшаяся г. Бычкову неизвѣстной⁵⁾. Понятно, что еще чаще приходилось Тихонравову отмѣчать невольныя ошибки у Трушковскаго въ опредѣленіи времени, къ которому относился, наприм., «Незданный отрывокъ изъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ», напечатанный Катковымъ; но Тихонравовъ становится на сторону Трушковскаго противъ Каткова въ опредѣленіи времени, когда былъ написанъ этотъ отрывокъ, что и понятно, такъ какъ Катковъ имѣлъ гораздо меньше случаевъ и возможности ознакомиться съ рукописями и ходить работъ Гоголя, нежели Трушковскій⁶⁾.

¹⁾ Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 545; см. также т. IV, стр. 474.

²⁾ Тамъ же, V, 543, 548—549. См. также возраженія Тихонравова Кулишу въ примѣчаніяхъ къ „Наброскамъ, выпискамъ и отрывкамъ“. (Соч. Гог., изд. X, т. V, ст. 673—682.

³⁾ Тамъ же т. III, стр. 468, 540, 581.

⁴⁾ Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 594.

⁵⁾ Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 522.

⁶⁾ Тамъ же, т. III, стр. 517 и 586.

Высоко цѣня точность и добросовѣстность въ научныхъ изслѣдованіяхъ, Николай Саввичъ не мирился съ небрежностью, если ему случалось гдѣ-нибудь обнаружить ее. Такъ онъ съ большимъ негодованіемъ говорилъ объ искаженіяхъ текста «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», печатаемаго съ прибавкой въ заглавіи: «въ первоначальномъ видѣ» — объ искаженіяхъ, сдѣланныхъ покойнымъ Гербелемъ. Онъ называетъ въ своей книгѣ эту редакцію «композиціей», произвольно составленной Гербелемъ ¹⁾, а однажды онъ такъ выразился о ней въ письмѣ къ мнѣ: «напрасно назвали Вы Гербеля добросовѣстнымъ (или что-то въ родѣ того): въ третьемъ томѣ сочиненій Гоголя я уличаю его *въ составленіи* своей редакціи «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ». Это такой Хлестаковъ по отношенію къ рукописямъ Гоголя, что отзывъ о немъ сына Н. Я. Прокоповича я нахожу излишне мягкимъ» ²⁾. Относясь критически къ своимъ предшественникамъ по изученію Гоголя, Николай Саввичъ удѣляетъ между прочимъ большое вниманіе тѣмъ поправкамъ, которыя были внесены въ текстъ Гоголя Прокоповичемъ, причемъ, тщательно вырабатывая настоящій гоголевскій текстъ, сохраняетъ, однако, исправленія Прокоповича тамъ, гдѣ дѣло идетъ о несомнѣнной синтаксической или стилистической ошибкѣ. Такъ въ главѣ любовнаго объясненія Андрія съ паничкой въ рукописи Гоголя Андрій говоритъ: «развѣ ужъ мертваго меня разлучать отъ тебя»; — Прокоповичъ, какъ и слѣдовало, исправилъ: «разлучать съ тобою» ³⁾. Это же чтеніе удержано и Тихонравовымъ и, разумѣется, основательно, потому что въ противномъ случаѣ ради точности надобно было бы сохранять и всѣ орфографическія ошибки и даже опіски Гоголя. Но до какой степени Тихонравовъ былъ чуждъ произвола въ своей редакціи, намъ показываетъ особенно слѣдующій примѣръ: въ примѣчаніяхъ къ «Старосвѣтскимъ Помѣщикамъ» Николай Саввичъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ въ выноскѣ: «въ печатныхъ текстахъ вмѣсто слова «пестротою» поставлено «простотою» (въ выраженіи: «дрыхлые, живописныя домики хороши своей пестротой и совершенной противоположностью строенію гладенькому») и затѣмъ прибавляетъ: «въ этой замѣнѣ мы подозрѣваемъ ошибку писца: изъ контекста мѣста видно, что авторъ противопоставляетъ новому гладенькому строенію — «пестроту» обветшавшаго домика» ⁴⁾, — но въ текстѣ сдѣлать измѣненіе на

1) Тамъ же, стр. 524.

2) Письмо было написано до появленія въ продажѣ III тома сочиненій Гоголя (X изд.).

3) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 305 и 659.

4) Тамъ же, стр. 565, примѣчаніе.

этомъ все-таки недостаточномъ основаніи Николай Саввичъ, какъ, конечно, и слѣдовало, — не рѣшился. Указывая опечатки въ первомъ изданіи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Смирдинъ по распродажѣ перваго изданія «Вечеровъ» пустилъ еще 150 экземпляровъ, такъ сказать, втораго набора перваго изданія, чтобы не испрашивать новаго цензурнаго разрѣшенія, причемъ, «издатель старался дать перепечаткѣ такой видъ, чтобы она казалась совершенно тождественной съ первымъ изданіемъ книги: послѣдняя перепечатана была въ той же типографіи, строка въ строку, воспроизведены тѣ же «опечатки»¹⁾). Впрочемъ, во второмъ наборѣ первой части «Вечеровъ» проскользнули немногія отступленія отъ «перваго изданія книжки», и затѣмъ эти данныя, тщательно провѣренныя по одному изъ экземпляровъ этого втораго набора, сохранившемуся въ Московской городской библиотекѣ при Императорскомъ Историческомъ музеѣ, приводятся въ связь съ имѣющимъ сюда отношеніе указаніемъ письма Гоголя къ Погодину. Все это доказываетъ необыкновенную тщательность и точность примѣчаній Тихонравова, не отступавшаго никогда передъ самой благодарной и невидной работой; но зато Тихонравовъ имѣлъ право сказать самому себѣ, что въ данномъ трудѣ онъ исчерпалъ все, и что его нельзя упрекнуть *ни въ малѣйшей небрежности*. Наконецъ, у него во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ были приняты предусмотрительныя мѣры, чтобы не сдѣлать какого-нибудь невольнаго упущенія; извѣстно, напримѣръ, что корректуру онъ просматривалъ всегда по многу разъ и съ помощью лупы, такъ что опечатокъ дѣйствительно оказывается поразительно малое число.

Такимъ вышнимъ качествамъ работы Тихонравова соответствуютъ и существенныя внутреннія достоинства. Изложеніе всюду въ высшей степени просто и въ то же время совершенно дѣловое: иногда встрѣчаются даже повторенія словъ одного и того же корня въ томъ же предложеніи, но все показываетъ, что главное вниманіе обращено на точность и обстоятельность разъясненій. Вотъ въ чемъ и заключается для него суть дѣла, и къ этой-то сторонѣ его труда мы теперь и обратимся.

VI.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ строго обдуманнаго плана, составленнаго Тихонравовымъ съ самаго начала его занятій надъ Гоголемъ, можетъ служить, между прочимъ, составленный имъ, «Очеркъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 511.

исторіи текста комедіи «Ревизоръ», съ котораго собственно и начинаются его труды надъ Гоголемъ. Въ этотъ очеркъ съ безукоризненной добросовѣстностью собрано все, чтѣ только можно извлечь изъ писемъ и другихъ источниковъ о работахъ Гоголя надъ «Ревизоромъ», причемъ изслѣдователь не растерялся въ мелочахъ, но положилъ въ основу своего очерка два чрезвычайно цѣнныхъ автобіографическихъ указанія Гоголя изъ письма къ Погодину и изъ «Авторской Исповѣди», которыя уже и послужили ему руководящею нитью во всемъ изслѣдованіи, такъ какъ обстоятельная провѣрка ихъ указала несомнѣнную справедливость словъ Гоголя, подтверждаемыхъ полнымъ соответствіемъ ихъ со всеми другими данными уже фактическаго характера, данными, разбросанными по всей перепискѣ Гоголя. Для такого результата совершенно необходимо было проштудировать добросовѣстнѣйшимъ образомъ всю переписку Гоголя—пока по отношенію къ ходу творчества «Ревизора»; и такое изученіе дало возможность опредѣлить съ точностію, что первая редакція «Ревизора», какъ говоритъ Н. С. Тихомировъ, «эти *disjecta membra* знаменитой комедіи еще носятъ на себѣ яркій отпечатокъ той переходной эпохи, которую онъ такъ правдиво охарактеризовалъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ «Авторской Исповѣди». Многое въ этой первой редакціи «Ревизора» внушено еще потребностью развлекать себя невинными, беззаботными сценами»¹⁾, добавляетъ онъ собственными словами Гоголя, по обыкновенію избѣгая произвольныхъ личныхъ толкованій и вездѣ подкрѣпляя свои выводы точными цитатами. Далѣе для опредѣленія времени разныхъ вариантовъ комедіи, Тихомировъ пользовался различіемъ цвѣта чернилъ, которыми были написаны многочисленныя вставки и поправки Гоголя. Такъ онъ пришелъ къ заключенію, что, тогда какъ вся комедія была написана блѣдными, желтоватыми чернилами, нѣкоторыя позднѣйшія вставки были набросаны «чернилами ясными, черными». Позднѣе, руководясь тщательнымъ изученіемъ водяныхъ знаковъ на листахъ гоголевскихъ рукописей, по цвѣту чернилъ и по цѣлой совокупности другихъ внимательно изученныхъ внѣшнихъ признаковъ, Тихомирову удалось опредѣлить точно, какія поправки были внесены впоследствии въ комедію авторомъ собственноручно съ марта 1841 г. по июль 1842 г. и какія были вписаны раньше В. А. Пановымъ зимой 1840—1841 г.²⁾

При составленіи очерка первоначальнаго текста «Ревизора», Тихомирову пришлось тотчасъ же встрѣтиться съ совершенно невѣрными заявленіями Гоголя о времени начала исправленія въ четвертомъ дѣй-

¹⁾ «Очеркъ первоначальной исторіи текста „Ревизора“, стр. XX.

²⁾ Соч. Гоголя, изд. X, т. II, стр. 650.

ствіи «Ревизора» въ одномъ письмѣ къ С. Т. Аксакову и исправить нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя его предшественниками по объясненію Гоголя: кн. Одоевскимъ и Кулишемъ. Тщательнымъ сопоставленіемъ всѣхъ относящихся къ дѣлу данныхъ Николай Саввичъ доказалъ неопровержимо, что исправленная редакція начала четвертаго дѣйствія не была написана Гоголемъ, какъ онъ говоритъ это въ «Письмѣ къ одному литератору», тотчасъ же по возвращеніи съ перваго спектакля «Ревизора» 19 апрѣля 1836 г., а потомъ въ примѣчаніяхъ редактора къ этому же «Письму къ одному литератору», во второмъ своемъ изданіи также неопровержимо относитъ это «Письмо» только къ 1841 г.. При сличеніи замѣтокъ Тихонравова въ «Очеркѣ первоначальнаго текста «Ревизора» и примѣчаній по поводу «Письма къ одному литератору», во второмъ томѣ, правда, оказываются небольшія измѣненія; такъ, сначала Николай Саввичъ полагалъ на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, выведенныхъ изъ данныхъ, сообщенныхъ П. В. Анненковымъ въ его біографіи Пушкина, что Пушкинъ провелъ время отъ 14 апрѣля до 25 мая 1836 г. въ Петербургѣ ¹⁾, тогда какъ затѣмъ въ книгѣ Я. К. Грота, изданной *позднѣе* выхода тихонравовскаго изданія «Ревизора», онъ нашелъ свидѣніе, заставившее его нѣсколько измѣнить *аргументацію*, но *не выводъ*, сдѣланный безусловно вѣрно ²⁾. Дѣло въ томъ, что Гротъ привелъ въ извѣстность данныя, относящіяся къ поѣздкѣ Пушкина въ Москву, въ маѣ 1836 г.. Но надо знать, что безусловная точность въ подобныхъ запутанныхъ вопросахъ не легко достигается, а достигается она, именно благодаря такимъ обстоятельнымъ и образцовымъ изслѣдованіямъ, какъ тихонравовское. Сравнивая же первое и второе изданіе «Хронологической канвы для біографіи Пушкина», мы встрѣчаемъ у Грота нѣкоторыя разъясненія и добавленія на основаніи вновь найденныхъ имъ данныхъ и, какъ видно по замѣткамъ, поставленнымъ въ скобкахъ, здѣсь имѣлись въ виду предшествующія соображенія Тихонравова, причемъ у него подчеркнуты именно слова: «отъ 19 апрѣля до 23 мая Пушкина не было въ Петербургѣ» ³⁾. Такъ одно изслѣдованіе можетъ дополняться и провѣряться другими и вмѣстѣ служить разъясненіемъ разныхъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣе *иногда* далеко не лишенихъ значенія литературныхъ фактовъ, способствующихъ критической провѣркѣ другихъ, болѣе важ-

¹⁾ А. С. Пушкинъ, 2-е изд., стр. 406, 411.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 675; Ср. «Очеркъ первоначальной исторіи текста „Ревизора“, стр. XXXV.

³⁾ «Хронологическая канва для біографіи Пушкина»; 2-е изд., стр. 40.

ныхъ. По приведенный примѣръ, по моему мнѣнію, является только новымъ доказательствомъ большой основательности работъ Тихонравова, основательности, проявляющейся на каждомъ шагѣ въ рядѣ многихъ незамѣтныхъ для большинства указаній; такъ Тихонравовъ обратилъ вниманіе на соответствие между маршрутомъ Пушкина изъ Оренбурга черезъ Саратовъ и Пензу съ такимъ же маршрутомъ И. А. Хлестакова ¹⁾ въ комедіи, сюжетъ которой былъ основанъ на извѣстномъ разсказѣ Пушкина о томъ, какъ его приняли за ревизора. Можно было бы прибавить, что и общій смыслъ письма и особенно слѣдующее выраженіе въ письмѣ нижегородскаго губернатора къ Черовскому: «Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почеть долгомъ вамъ посоветовать, чтобы вы были осторожнѣе» ²⁾, являются воспроизведенными, конечно, въ переименованной формѣ, въ извѣстномъ письмѣ Андрея Петровича Чмыхова къ гоголевскому городничему. Н. С. Тихонравовъ также справедливо отмѣчаетъ, на основаніи приведенной имъ изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» отъ 19 апрѣля 1836 г. театральн. афиши, что Гоголь остался вѣрнѣе дѣйствительности, представивъ въ «Театральномъ Разѣздѣ», что по окончаніи «новой комедіи» «должень былъ начаться незначительный водевиль». Я нисколько не сомнѣваюсь, что инымъ такая скрупулезная точность изслѣдованія покажется излишней; но повторяю, что часто даже мелочныя указанія, взаимно поясняя другъ друга, даютъ ключъ къ болѣе точнымъ и важнымъ заключеніямъ, сами же по себѣ они, конечно, имѣютъ весьма второстепенное значеніе. Но зато, именно, углубляясь въ точное изслѣдованіе, Николай Саввичъ, основываясь на слѣдахъ черновыхъ рукописей, блестящимъ образомъ показалъ принадлежность мелкихъ драматическихъ отрывковъ Гоголя къ его уничтоженной комедіи «Владиміръ 3-ей степени»; и теперь на основаніи его же позднѣйшихъ доводовъ и доказательствъ необходимо исправить у него одну небольшую неточность, состоящую въ томъ, что, опровергая кн. Одоевского и доказывая, что слова Пушкина въ письмѣ къ нему: «Что комедія, Гоголя, въ ней же есть закорючка?» ³⁾ не могутъ относиться къ «Ревизору», онъ относитъ ихъ сначала къ «Женитбѣ»: теперь ясно, что они могли относиться именно къ комедіи «Владиміръ 3-ей степени», а никакъ не къ «Женитбѣ», какъ позднѣе убѣдился самъ Николай Саввичъ. ⁴⁾ Въ самомъ дѣлѣ въ

1) «Очеркъ первоначальной исторіи текста „Ревизора“, стр. VI.

2) «Русскій Архивъ», 1865, стр. 744—745.

3) «Русскій Архивъ», 1864, № 7—8, стр. 820.

4) Ср. «Очеркъ исторіи первоначальнаго текста комедіи „Ревизоръ“, стр. V и Соч. Гог., изд. X, т. II, стр. 736.

«Женитьбѣ» вовсе нѣтъ закорючки, что, конечно, и было раньше кн. Одоевскаго. Что касается Тихонравова, то онъ въ своемъ первоначальномъ предположеніи, будто бы вопросъ о закорючкѣ относился къ «Женитьбѣ», основывался на томъ, что «въ томъ же 1833 г. Гоголемъ написаны были «Женитьба» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены, которыя могли впоследствии войти въ составъ какой-нибудь комедіи». По дальнѣйшія его изслѣдованія неопровержимо доказали, что напротивъ не *отдѣльныя сцены* могли *войти* впоследствии *въ составъ* какой-нибудь «комедіи», но самая комедія «Владиміръ 3-ей степени», о которой онъ говорилъ въ непосредственно-предшествующихъ строкахъ, будучи уже написана, въ силу цензурныхъ соображеній *распалаась* на *драматическіе кусочки*. Зато выясненіе принадлежности драматическихъ отрывковъ или «кусочковъ» къ одной уничтоженной комедіи «Владиміръ 3-ей степени», является своего рода открытіемъ, сдѣланнымъ на основаніи изученія рукописей и ясно доказаннымъ въ первый разъ именно Тихонравовымъ, тогда какъ прежде мысль эта никому не приходила въ голову, хотя послѣ смерти Гоголя до его изслѣдованій прошло не менѣе сорока лѣтъ. Въ связи съ этимъ находится и другая небольшая неточность въ «Очеркѣ исторіи первоначальнаго текста «Ревизоръ», относящаяся къ той же комедіи «Владиміръ 3-ей степени»: «овладѣвшее имъ, еще въ 1833 г. помѣшательство на комедіи» — говоритъ Н. С. Тихонравовъ — «не излѣчено первой неудавшейся попыткой» ¹⁾, причемъ въ скобкахъ стоитъ поясненіе: — «Владиміръ 3-ей степени». На самомъ же дѣлѣ попытку эту можно назвать неудавшеюся развѣ только въ томъ смыслѣ, что, если вѣрить словамъ письма Плетнева къ Жуковскому отъ 11 марта 1833 г.: «Онъ слишкомъ много хотѣлъ объять въ ней и съ досады ничего не написалъ» ²⁾, словамъ, сомнительнымъ въ виду явной невѣрности второй половины фразы, — Гоголь не успѣлъ придать этой пьесѣ окончательную обработку. Но раньше превосходнаго изслѣдованія «драматическихъ кусочковъ» Николаемъ Саввичемъ, дѣйствительно не только *можно*, но даже *должно было* казаться, что попытка Гоголя въ данномъ случаѣ не привела ни къ какимъ результатамъ, и между прочимъ особенно потому, что во всей перепискѣ Гоголя названіе комедіи «Владиміръ 3-ей степени» упоминается всего единственный разъ, въ томъ мѣстѣ, которое было приведено Тихонравовымъ, именно: «я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ,

¹⁾ «Очеркъ исторіи первоначальнаго текста комедіи „Ревизоръ“, стр. IX.

²⁾ Соч. Плетнева, т. III, стр. 528.

и когда я приѣхалъ сюда (въ Петербургъ), не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе было написано на бѣлой толстой тетради. «Владиміръ 3-ей степени» и сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается о такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ!»¹⁾ Но дѣло въ томъ, что Гоголь остановился только на время и написалъ, по крайней мѣрѣ, значительную часть комедіи, хотя тѣ самыя цензурныя затрудненія, которыхъ онъ опасался, и заставили его разобрать пьесу на «драматическіе кусочки».

Возвращаясь къ дальнѣйшему обзору трудовъ Николая Саввича по Гоголю, я долженъ отмѣтить обстоятельную статью его подъ заглавіемъ: «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ», помѣщенную въ майской книгѣ «Русской Мысли» за 1886 г.. Поводомъ къ составленію этой статьи, отличающейся обычными достоинствами работъ Тихонова, послужило, какъ юбилейное чествованіе комедіи на московской сценѣ, такъ и то обстоятельство, что разработка данныхъ, относящихся къ «Ревизору», осталась не печерианной и потребовала отдѣльной статьи. Въ ней Тихоновъ указалъ между прочимъ на высокое литературное значеніе статей о «Ревизорѣ», помѣщенныхъ въ издававшейся при «Московскомъ Наблюдателѣ» газетѣ «Молва» и приписываемыхъ нѣкоторыми современниками Бѣлинскому, но на самомъ дѣлѣ ему не принадлежащихъ. Объ этихъ статьяхъ Бѣлинскій возражалъ своимъ противникамъ, что писалъ ихъ не онъ, но что ему «было бы очень пріятно подписать свое имя подъ обѣими статьями», если бы «долгъ справедливости не повелѣвалъ ему отклонить отъ себя незаслуженную честь». На этихъ-то замѣчательныхъ статьяхъ подробно останавливается вниманіе автора статьи «Первое представленіе «Ревизора» на московской сценѣ», въ которой искусно разсмотрѣна эта любопытная страница въ исторіи нашей литературы.

VII.

Не много позднѣе начали выходить въ свѣтъ одинъ за другимъ отдѣльные томы десятаго изданія сочиненій Гоголя, на первый взглядъ, безъ строгой послѣдовательности; такъ, прежде всѣхъ былъ приготовленъ къ печати пятый томъ, затѣмъ первый, четвертый, третій и

¹⁾ „Очеркъ первоначальной исторіи текста комедіи „Ревизоръ“, стр. IV.

наконецъ второй. Но, по времени выпуска никакъ нельзя судить о началѣ разработки матеріала, относящагося къ каждому тому. Несомнѣнно одно, — что дѣло изученія рукописей Гоголя было начато Тихонравовымъ тотчасъ послѣ ихъ получения и велось одновременно и въ тѣсной связи, въ чемъ, кромѣ личнаго свидѣтельства покойнаго, можно убѣдиться между прочимъ изъ разбѣжныхъ въ разныхъ мѣстахъ фактическихъ указаній. Такъ, говоря о хранящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ рукописи «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ», въ которой нѣкоторые листы при присылкѣ ея къ покойному Николаю Саввичу оказались вырѣзанными, онъ дѣлаетъ мимоходомъ такое замѣчаніе: «повѣсть «Старосвѣтскіе Помѣщики» занимаетъ въ настоящее время поллиста отъ 12-го до поллиста 15 включительно» и затѣмъ въ скобкахъ добавляетъ: «по нумераціи, сдѣланной въ 1887 г.», — то есть, очевидно, имъ, Тихонравовымъ, тотчасъ, или, вскорѣ, по полученіи тетради ¹⁾. Въ сущности тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали другъ за другомъ отдѣльныя изданія, опредѣлялся строгимъ планомъ и являлся какъ нельзя болѣе естественнымъ: понятнo, напримѣръ, что обстоятельному изученію исправленныхъ редакцій «Тараса Бульбы» и «Портрета» должно было предшествовать изученіе ихъ первоначальнаго текста, а первоначальный и измѣненный текстъ второго изданія «Мертвыхъ Душъ» должны были разсматриваться и изучаться одновременно.

Полнота и обстоятельность примѣчаній вездѣ идеальная; но понятно, что трудъ Тихонравова, какъ и всякій другой, находился въ большой зависимости отъ качества и количества данныхъ, бывшихъ въ распоряженіи изслѣдователя. Такъ о нѣкоторыхъ, иногда довольно большихъ, произведеніяхъ Гоголя, примѣчанія редактора не превышаютъ полстраницы, другія исчерпываютъ дѣло съ замѣчательной полнотой. Происходило это, конечно, потому, что напримѣръ совсѣмъ не сохранилось рукописей Гоголя, относящихся къ «Пропавшей Грамотѣ», «Страшной Мести», «Ивану Федоровичу Шпонькѣ и его тетушкѣ» и къ «Заколдованному Мѣсту». Напротивъ, мы находимъ самое обстоятельное объясненіе «Вечера наканунѣ Ивана Купала», «Ночи передъ Рождествомъ» и особенно «Тараса Бульбы». Кажется, нѣтъ нужды говорить объ обстоятельномъ сличеніи Тихонравовымъ редакцій «Вечера наканунѣ Ивана Купала» въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ первомъ изданіи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». Здѣсь Тихонравовъ шагъ за шагомъ слѣдитъ, какъ отразилось вліяніе повѣсти

¹⁾ См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 558.

Людвиг Тика «Чары Любви», преимущественно въ концѣ повѣсти Гоголя (особенно стр. 522, 526, 534 примѣчанія). Въ «Тарасѣ Бульбѣ» Тихонравовъ подробно опредѣляетъ, какими источниками пользовался Гоголь, причѣмъ ему удалось найти въ одной изъ тетрадей поэта его собственныя, несомнѣнныя указанія на эти источники (стр. 630—633), а на стр. 642 мы находимъ слѣдующее любопытное указаніе: «четвертка, вырѣзанная изъ описываемой тетради и уцѣлѣвшая въ бумагахъ А. А. Иванова, будучи приложена къ обрѣзку въ корнѣ этой тетради, совершенно подошла къ нему: уцѣлѣвшіе на обрѣзкѣ нѣжинской рукописи слоги и буквы слились съ начальными буквами указанной четверки и составили полныя слова». Все это указываетъ какъ на разнообразіе приѣмовъ, такъ и на замѣчательное терпѣніе и добросовѣстность редактора, что впрочемъ видно вездѣ въ приводимыхъ имъ вариантахъ, которые онъ отказывается исчислить только по отношенію къ повѣсти «Старосвѣтскіе Помѣщики», такъ какъ въ ней «стилистическія поправки прошли по всему произведенію отъ начала до конца, такъ что подвести къ печатному тексту *все* мелкіе варианты рукописнаго почти невозможно: пришлось бы напечатать весь рукописный текстъ»¹⁾. Относительно исправленной редакціи «Тараса Бульбы» Тихонравову удалось съ замѣчательною точностью опредѣлить, что именно написано было Гоголемъ въ Римѣ и что въ Москвѣ (стр. 644, 645, особенно 651), гдѣ Тихонравовъ говоритъ объ одной главѣ: «эта глава не была кончена въ Римѣ. Приѣхавши въ Москву, Гоголь приступилъ къ продолженію главы, оборвавшейся на эпизодъ смерти атамана Закруты-губы, переименованнаго потомъ въ «Мосія Шило». Тихонравовъ ясно доказываетъ далѣе, что переработка первыхъ главъ «Тараса Бульбы» не предшествовала, но слѣдовала за обработкой главъ, начиная отъ пятой (стр. 656).

VIII.

Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія въ обстоятельности и точности всѣхъ примѣчаній къ первымъ четыремъ томамъ, гдѣ не можетъ быть никакой рѣчи о возраженіяхъ Тихонравову; только въ предположеніяхъ, касающихся второй части «Мертвыхъ Душъ» и въ примѣчаніяхъ къ пятому тому, по неполнотѣ и недостаточной разъясненности источниковъ возможны также и иныя предположенія.

¹⁾ Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 564.

Но крайне удивительны встречающіяся изрѣдка въ печати наивныя и бездоказательныя возраженія Тихомирову въ родѣ, напримѣръ, простодушнаго соображенія г. Витберга, что «Исторія Малороссіи» не могла не быть написана Гоголемъ въ виду его собственной ссылки на то, что «слогъ горитъ въ его исторіи, не исторически жгучъ и живъ». Или, напримѣръ, г. Матвѣевъ, авторъ недавней статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями», пытается опровергнуть мнѣніе покойнаго Тихомирова въ томъ, что Гоголь имѣлъ намѣреніе сдѣлать упрекъ Погодину въ своей статьѣ «Что такое слово». По увѣренію г. Матвѣева, никакъ нельзя предположить въ Гоголѣ въ 1847 г. раздраженія противъ Погодина въ виду того, что слѣдомъ 1846 г. Гоголь несомнѣнно былъ сильно боленъ, серьезно готовился къ смерти и даже два раза говѣлъ. Такимъ образомъ никакого «мстительнаго чувства» у него остаться будто бы не могло». Г. Матвѣевъ позволяетъ себѣ даже заявить, что «такому знатоку приѣмовъ работы въ высшей степени перваго Гоголя, какъ почтенный издатель его сочиненій, извѣстно, что Гоголь считалъ необходимымъ лично просматривать корректуры, видѣвъ въ этомъ единственное средство провѣрить и взвѣсить впечатлѣніе написаннаго на читателя», — безъ всякаго соображенія о томъ, что вѣдь Гоголь приготовилъ къ печати статью «Что такое слово» въ первой половинѣ 1846 г., а послалъ ее Плетневу для напечатанія не раньше 30 іюля этого года, тогда какъ сильно былъ боленъ и говѣлъ два раза Гоголь вовсе не въ 1846 г., какъ по недоразумѣнію утверждаетъ г. Матвѣевъ, а въ 1845 г., слѣдовательно послѣднія шаткія основанія априорнаго возраженія г. Матвѣева оказываются безусловно неидущими къ дѣлу. Забавно то, что г. Матвѣева ввела въ заблужденіе опечатка г. Кулиша, гдѣ письмо Гоголя къ Жуковскому, изъ котораго мы узнаемъ о двукратномъ говѣніи перваго, помѣчено 1846 г., хотя въ немъ идетъ рѣчь о лѣченіи Гоголя въ Берлинѣ у Коппа и Шенлейна въ 1845 г., да и напечатано оно среди писемъ 1845 г., что побуждаетъ видѣть въ невѣрномъ обозначеніи года у г. Кулиша даже отнюдь не ошибку, а простую опечатку ¹⁾).

Правда, во время моихъ занятій Гоголемъ, мнѣ случалось не разъ

¹⁾ Любопытно знать, что сказали бы г. Матвѣевъ теперь, прочитавъ слѣдующія строки въ только-что вышедшемъ 8 томѣ біографіи Погодина П. Барсукова: „Самую книгу Гоголь прислалъ Погодину съ слѣдующею оскорбительною надписью: „Исопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагѣ оскорбленія другимъ и того не видящему, Оомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ

встрѣтить раза два незначительныя неточности и у Тихонравова, по онѣ объясняются всегда совершенно не зависѣвшими отъ него причинами; укажу ихъ, чтобы тѣмъ ярче отгнѣнить все высокое значеніе его добросовѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, можно указать явныя ошибки даже у Анненкова, Аксакова, Плетнева, Арнольди, лицъ близко и хорошо знавшихъ Гоголя. Еще возможны мелкія ошибки у позднѣйшихъ писателей о Гоголѣ; напримѣръ, г. Кулишъ, объясняя выраженіе въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ Данилевскому: «я обращался къ здѣшнимъ артисткамъ указать мнѣ лучшее; но сальфида Урусова и ласточка Розетти требовали непременно, чтобы я поименовалъ великодушную смертную, для которой я такъ хлопочу»,—въ подстрочномъ примѣчаніи не совсѣмъ удачно объясняетъ по предположенію, будто бы Урусова и Розетти были актрисы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это были фрейлины, изъ которыхъ послѣдней, вышедшей потомъ замужъ за Н. М. Смирнова, принадлежатъ любопытныя записки, печатаемыя теперь въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Я уже не говорю о цѣлой исторіи романтической любви Гоголя до гроба къ Смирновой, начиная даже съ того времени, когда они не могли быть и знакомы, исторіи, отважно сочиненной г-жей Черницкой. Что ничего подобнаго у Тихонравова, конечно, быть не могло, объ этомъ смѣшно и говорить. Но въ примѣчаніяхъ къ первому тому онъ былъ въ одномъ мѣстѣ введенъ въ заблужденіе цензурными урѣзками въ одномъ изъ писемъ Гоголя къ Данилевскому: какъ я слышалъ отъ послѣдняго и какъ ясно изъ напечатаннаго мною полнаго текста письма, пріятели имѣли обыкновеніе въ шутку называть кафе—храмами, а тамошнихъ служителей—жрецами. Между тѣмъ, во избѣжаніе ли цензурныхъ затрудненій, или же прямо по требованію цензуры, нѣкоторыя слова выпущены и потому получается совершенно другой смыслъ. Затѣмъ однажды у него встрѣчается *lapsus memoŕiae*: вмѣсто Арнольди—описка: Липранди, и въ третьихъ, предположеніе о томъ, что письмо «Женщина въ свѣтѣ» адресовано гр. С. М. Соллогубъ, на первый взглядъ какъ будто существенно опровергается свидѣтельствомъ С. Т. Аксакова о томъ, что будто бы оно написано А. М. Веневитиновой, сестрѣ Соллогубъ, и вопросомъ самой С. М. Соллогубъ въ письмѣ ея къ Гоголю, напечатанномъ позднѣе въ «Вѣстникѣ Европы»: «Сестра и я очень любопытны знать, кому вы

мѣряющему людей, дарить сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неоправданнѣйшій его самого» (стр. 544). Подробныя промахи, какъ настоящій промахъ г. Матвѣева, для П. С. Тихонравова были немислимы.

пишете первое ваше письмо, которое намъ такъ понравилось («Женщина въ свѣтѣ») ¹⁾. Но дѣло въ томъ, что Гоголь въ сущности перерабатывалъ свои письма въ отдѣльныя статьи и многое въ нихъ измѣнялъ, такъ что отъ нихъ иногда оставалась только одна канва, вслѣдствіе чего замѣчанія его въ статьѣ «Женщина въ свѣтѣ» относятся частью къ Смирновой, какъ это тоже указано Н. С. Тихонравовымъ, частью же дѣйствительно къ С. М. Соллогубъ.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать слова въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ Гоголя, въ которомъ онъ говоритъ: «Очень радъ, что двѣ послѣднія главы («Мертвыхъ Душъ»), кромѣ тебя, никому неизвѣстны». Покойный Николай Саввичъ полагалъ, что эти слова означаютъ двѣ заключительныя главы второго тома, но, можетъ быть, ихъ справедливѣе понимать лишь въ томъ смыслѣ, что онъ говорилъ здѣсь о двухъ послѣднихъ, то есть о позднѣе другихъ написанныхъ главахъ. Но объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто.

Такимъ образомъ самый характеръ даже *неточностей*, проскользнувшихъ раза два-три у Тихонравова, доказываетъ его добросовѣстность, еще болѣе подтверждаемую всѣми позднѣе найденными данными, которыя оказывались обыкновенно въ полномъ соответствіи съ его заключеніями. Приведу слѣдующій примѣръ. «Несомнѣнно» — говоритъ Тихонравовъ, «что «Исторія Руссовъ», авторъ которой, по словамъ Пушкина, «сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописей съ критикой, необходимой въ исторіи», *рано сдѣлалась извѣстна* Гоголю» ²⁾. Слова эти были сказаны не позднѣе 1890 г., а въ 1892 появились несомнѣнно подтверждающія ихъ письма Гоголя къ Срезневскому.

На основаніи всего сказаннаго мы, кажется, получаемъ право заключить, что научные приемы Тихонравова имѣли большое значеніе не только для его собственныхъ работъ, но могутъ также служить прекраснымъ образцомъ для молодыхъ ученыхъ, для которыхъ важно познакомиться съ рѣдкой солидностью и основательностью трудовъ Тихонравова, качествами, ставящими нашего покойнаго изслѣдователя сочиненій Гоголя на ряду съ лучшими учеными западной Европы.

В. Шенрокъ.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1889, XI, стр. 117.

²⁾ Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 633.

Нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Николай Саввичъ Тихонравовъ родился 3-го октября 1832 г. въ Калужской губерніи. Впослѣдствіи отецъ его переселился въ Москву, гдѣ получилъ мѣсто фельдшера при Глазной больницѣ. Въ Москвѣ же Николай Саввичъ получилъ гимназическое образованіе въ 3-ей гимназіи. На семнадцатомъ году отъ роду, окончивъ успѣшно съ серебряной медалью курсъ въ 1849 г., Николай Саввичъ поступилъ въ Главный педагогическій институтъ, хотя стремился попасть въ Московскій университетъ. Случайно, въ этомъ именно году поступить въ Московскій университетъ было невозможно: состоялась распоряженіе—опредѣлить комплектъ студентовъ для каждаго университета въ 300 человекъ (кромѣ медицинскаго факультета), и если находилось уже столько студентовъ на старшихъ курсахъ, то прекратить пріемъ новыхъ слушателей. Поэтому-то и пришлось Николаю Саввичу пробыть годъ въ Педагогическомъ институтѣ. Но онъ не прекращалъ своихъ стараній и обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному историку, профессору Московскаго университета Михаилу Петровичу Погодину. Послѣдній посоветовалъ молодому студенту, для болѣе успѣшнаго ходатайства за него, написать какую-нибудь статью и напечатать ее въ журналѣ; благодаря этому, появилась въ печати первая критическая статья Николая Саввича: *Нѣсколько словъ о Каѣ Катуллъ и его произведеніяхъ* (*Московитянинъ* 1850, № 19). Четыре года тому назадъ почитатели и друзья Николая Саввича сердечно и искренно отпраздновали сорокалѣтнее ея появленіе: ученая Москва, почти въ полномъ составѣ, перемѣнилась въ тотъ день въ скромной квартирѣ юбиляра, ученая Россія почитала его адресами, привѣтами и дипломами. Ходатайство Погодина за многообѣщающаго студента было уважено, и Тихонравовъ былъ принятъ въ Московскій университетъ сверхъ комплекта.

Подъ руководствомъ такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Шевыревъ, ноощряемый вниманіемъ Погодина и Буслаева Николай Саввичъ неутомимо работаетъ, читаетъ, собираетъ матеріалы и находитъ еще время помѣстить цѣлый рядъ статей въ журналахъ и газетахъ. Эти журнальныя статьи и другія работы, связанныя съ прохожденіемъ университетскаго курса, обратили на молодаго автора заслуженное имъ вниманіе профессора С. П. Шевырева, и послѣдній нерѣдко оказывалъ юному студенту свое расположеніе и протекцію; такъ онъ однажды своимъ заступничествомъ освободилъ Николая Саввича отъ заключенія въ карцеръ и заявилъ въ одномъ университетскомъ отчетѣ, что отъ дѣятельности Тихонова онъ ожидаетъ «весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности». Дѣятельность Николая Саввича вполнѣ оправдала ожиданія его учителя.

Выдающіяся способности, горячая любовь къ избранному предмету, неутомимый трудъ, повели къ тому, что Николай Саввичъ, пробывъ лишь три года въ университетѣ, блестяще окончилъ курсъ со степенью перваго кандидата съ золотой медалью за сочиненіе на заданную Грановскимъ тему — *О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей*.

По окончаніи курса Николай Саввичъ занялъ мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности сначала въ IV-ой, а потомъ въ I-ой московскихъ гимназіяхъ и въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ. Молодой учитель обладалъ замѣчательнымъ педагогическимъ талантомъ и обширными и разносторонними знаніями, благодаря чему не только привлекалъ къ себѣ вниманіе учениковъ, но и сталъ для многихъ изъ нихъ руководителемъ и вполнѣдствіи. Въ это время около Николая Саввича сгруппировался кружокъ людей для изученія и разработки русской литературы, составившійся частью изъ его учениковъ, частью изъ товарищей и знакомыхъ. Въ числѣ послѣднихъ мы можемъ назвать славныя имена: Забѣлина, Афанасьева, Булича, Викторова, Пыпина. Сохранилась отъ того времени въ бумагахъ Николая Саввича слѣдующая шуточная росписка, писанная Николаемъ Саввичемъ и подписанная А. П. Пыпинымъ: «се азъ нижеподписавшійся обязуюсь съ нижеписаннаго числа мая 1854 года начать свои занятія по составленію исторіи русской литературы (древняго періода), извѣстія о которыхъ обязуюсь доставлять нѣкоторому лицу по крайней мѣрѣ два раза въ годъ». Подписано: «5 мая 1854. А. Пыпинъ».

Преподаваніе свое Николай Саввичъ велъ по методу своего знаменитаго наставника Феодора Ивановича Буслаева, проходи русскій языкъ сравнительно съ церковно-славянскимъ, а исторію древней и новой

русской литературы прямо по памятникамъ и образцамъ. Не смотря на сложныя учительскія занятія, на первыхъ порахъ даже у самыхъ способныхъ учителей поглощающія все свободное время, Николай Саввичъ не прерывалъ ни такъ хорошо установившихся связей съ своими профессорами, ни научной своей дѣятельности. Такъ Ѳ. И. Буславевъ руководилъ занятіями своего способнаго ученика, а С. П. Шевыревъ пригласилъ Тихонравова къ участию въ двухъ изданіяхъ, которыя готовились Московскимъ Университетомъ ко дню столѣтняго юбилея: въ *Биографическомъ словарѣ профессоровъ*, вышедшемъ въ свѣтъ подъ редакціей С. П. Шевырева, и въ *Биографической лѣтописи питомцевъ Московскаго Университета*, не оконченной печатаніемъ. Въ первомъ Николаю Саввичу принадлежать статьи: о Баузе, Буле, Шаденѣ и Шварцѣ, а для второй имъ были между прочимъ приготовлены біографіи Д. И. Фонвизина, Н. И. Новикова и В. Г. Рубана. Последніе три писателя на всю жизнь остались любимцами Николая Саввича: для ихъ біографій, для изданія ихъ сочиненій онъ собиралъ постоянно матеріалы, многое издалъ или приготовилъ къ изданію, включалъ ихъ въ курсы своихъ лекцій. Изслѣдованіе о Новиковѣ онъ думалъ сдѣлать своей первой диссертацией. Въ этотъ же періодъ своей дѣятельности (1853—1857) Николай Саввичъ напечаталъ въ *Москвитиниѣ* и *Отечественныхъ запискахъ* нѣсколько статей, между прочимъ цѣлое изслѣдованіе подъ названіемъ: *Графъ Ѳ. В. Ростовчинъ и литература въ 1812 году* (*Отеч. Зап.* 1854, кн. 7). Этотъ трудъ привлекъ къ себѣ вниманіе любителей и знатоковъ русской исторіи и литературы: Погодинъ написалъ о немъ отзывъ въ *Москвитяиниѣ*, Буличъ такъ опредѣляетъ его достоинства въ письмѣ своемъ къ Николаю Саввичу: «Я полюбился вашимъ умѣньемъ выставить живое лицо минувшей эпохи, каково было у Ростовчина, и какая бездна писемъ въ вашихъ рукахъ. Вашъ первый опытъ печатный — прекрасенъ, и вы составили себѣ извѣстность вашею отчетливостію и знаніемъ».

Для составленія этихъ ученыхъ трудовъ надобны были усиленныя занятія, какъ въ университетской библіотекѣ и архивѣ, такъ и въ библіотекахъ и архивахъ частныхъ лицъ, напр., М. П. Погодина, С. Д. Полторацкаго, Булгаковыхъ. Къ сожалѣнію совмѣстныя занятія съ С. П. Шевыревымъ не кончились добромъ: произошло что-то, нарушившее добрыя отношенія между вспыльчивымъ профессоромъ и его талантливымъ, но тогда, повидному, не менѣе горячимъ ученикомъ. Последний одно время считалъ свою профессорскую карьеру, къ чему не переставалъ стремиться, навсегда потерянной. Объ этомъ можно судить по отвѣту одного изъ друзей Николая Саввича, которому онъ

излил свои жалобы: «Письмомъ вашимъ я остался недоволенъ; оно наполнено желчи и напомнило мнѣ ваши грустныя минуты. У васъ была куча неприятностей, говорите вы? О нихъ судить не могу — я ихъ не знаю; но мнѣ кажется несправедливымъ этотъ переходъ быстрый отъ радости къ отчаянію. Не смотрите ли вы въ увеличительное стекло? Это на васъ похоже. Ваша привычка черезъ чуръ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, ваша южная природа, по словамъ Шевырева, мѣшаютъ вамъ видѣть вещи въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онѣ въ дѣйствительности. Послѣ разрыва съ Шевыревымъ вы потеряли всякую надежду на полученіе каѳедры въ Университетѣ, — ваша главная опора была сшибена. А между тѣмъ возможность выполненія этого завѣтнаго желанія снова представилась. Опять неудача, и вы не смѣете отчаяваться. Вамъ двадцать три года, вы служите едва два года, въ эти два года вамъ счастье постоянно помогало (это несомнѣнно). Какое имѣете вы право требовать большаго отъ судьбы? Вы забыли толпу молодыхъ людей, которые наединѣ съ своими дарованьями сидятъ на чердакахъ за кускомъ чернаго хлѣба. Вы развѣ лучше ихъ? Вы выстрадали себѣ лучшую жизнь, скажете вы? А вы знаете ли, что такое голодъ?» Это ли рѣзкое, но истинно дружеское письмо отрезвило и поддержало молодого ученаго, или онъ самъ, какъ могучій характеръ, которому въ незадачахъ житейскихъ довольно лишь отвести душу съ другомъ, излить свою горечь, чтобы вновь воспрянуть духомъ и быть снова готовымъ къ борьбѣ..., какъ бы то ни было, но Николай Саввичъ рукъ не опустилъ, занимался, писалъ, печаталъ и дождался, что наконецъ самъ Шевыревъ написалъ ему, правда, еще рѣзкое, полное выговоромъ письмо, но которое оканчивалось такими знаменательными словами: «Можете прочесть это письмо вашему брату... и получить мой послѣдній урокъ изъ педагогій, съ каѳедрою которой васъ поздравляю». Съ 5-го іюня 1857 года опредѣленъ былъ Николай Саввичъ исправляющимъ должность адъюнкта по предмету педагогій.

Итакъ, завѣтное желаніе осуществилось, университетская каѳедра въ распоряженіи молодого ученаго, еще на университетской скамьѣ къ ней стремившагося; правда, каѳедра не по тому предмету, по которому онъ считалъ себя вполне достойнымъ занять ее, но переходъ на каѳедру излюбленнаго предмета — былъ уже только вопросомъ времени. 4 сент. 1859 года Николай Саввичъ назначается адъюнктомъ-профессоромъ русской словесности. 25 сентября того же года имъ прочитана вступительная лекція въ курсъ исторіи новой русской литературы. Съ этой поры жизнь и дѣятельность Николая Саввича на про-

странствѣ тридцати лѣтъ тѣсно связана съ исторіей и дѣятельностью Московскаго университета, а чрезъ него—съ исторіей просвѣщенія Россіи. Преподаваніе русской литературы и словесности въ Московскомъ университетѣ, можно сказать, начинается только съ С. П. Шевырева, замѣнившаго теоретическіе, на половину схоластическіе курсы литературы историческимъ ея изученіемъ и оживившаго преподаваніе введеніемъ народной поэзіи и искусства. На почву, открытую и подготовленную Шевыревымъ, могучій дѣятель русской науки Ѳ. И. Буслаевъ, слѣдя за изученіемъ словесности на западѣ, переноситъ въ изученіе русскихъ языка, народной словесности и искусства сначала плодотворный методъ школы Гриммовъ, потомъ методъ сравнительнаго изученія, частію слѣдуя по пути указанному западной наукой, частію упреляя ее или исправляя ея слабыя стороны. Николай Саввичъ воспринялъ и примѣнилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и преподаваніи эти пріобрѣтенія русской науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ методъ историко-критическаго изученія памятниковъ. Онъ широко воспользовался собраніемъ рукописнаго матеріала, изученіемъ его источниковъ, опредѣленіемъ редакцій и ихъ взаимныхъ отношеній. Притомъ критическое его отношеніе къ памятникамъ было не сухое, болѣе отвергающее, чѣмъ создающее, а живое, продуктивное, воскрешающее забытыхъ литературныхъ дѣятелей, возсоздающее по случайнымъ остаткамъ цѣлыя литературныя эпохи. Поэтому-то, а также благодаря совершенной литературной обработкѣ, лекціи его были всегда полны интереса, увлекали слушателей и содержали много новаго, чего не найдешь ни въ общихъ литературныхъ обзорахъ, ни въ монографіяхъ.

С. Доловъ.

Н. С. Тихонравовъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ.

Мои воспоминанія о Николаѣ Саввичѣ Тихонравовѣ прежде всего относятся къ тому времени, когда покойный былъ преподавателемъ словесности въ 1-й гимназій, въ теченіи впрочемъ только одного года, и когда мнѣ, ученику VI класса пришлось пользоваться его уроками и посѣщать его по четвергамъ. Какъ бы ни была эпизодична эта дѣятельность по отношенію къ нашему VI-му классу, но она была настолько плодотворной, что я навсегда сохранию чувство глубокой благодарности ко своему дорогому наставнику. Также дорога мнѣ память о дѣятельности Николая Саввича по устройству воскресныхъ школъ въ Москвѣ.

Когда я былъ еще въ V классѣ гимназій, у насъ заучивали наизусть реторику по учебнику, снабженному обильными приѣрами, или цѣлые классы проходили въ разборѣ текста лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку, что было дѣломъ весьма тяжелымъ для насъ и весьма однообразнымъ, а между тѣмъ строгій и нетерпѣливый учитель щедро награждалъ насъ единицами за свободный переводъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ въ персоналѣ преподавателей и начальства уже чувствовалось переходное время: директоръ являлся въ классъ и на свое привѣтствіе выслушивалъ отъ насъ громкое, хоровое— «здравія желаемъ, Ваше Превосходительство-о-о!» Растягиваніе послѣдняго слога, громкое, густое приводило его въ умиленіе. Съ другой стороны въ корридорѣ той-же гимназій можно было встрѣтить спѣшившаго всегда на урокъ учителя законовѣдѣнія А. А. Григорьева (извѣстнаго критика), который всегда бывалъ одѣтъ въ красную кумачную рубашку съ шитымъ воротомъ, на выпускъ, въ широкихъ черныхъ плисовыхъ штанахъ и сверху въ форменномъ синемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами. Въ этой дисгармоніи чиновъ начальствующихъ лицъ чувст­вова-

лось уже броженіе идей, обозначающее близость новой эпохи 60-х годовъ ¹⁾).

Но вотъ въ VI классѣ, въ началѣ академическаго 1856—57 года, къ намъ поступилъ новый преподаватель; это былъ Н. С. Тихонравовъ. Съ приходомъ «новаго учителя» у насъ сразу повѣяло новымъ духомъ, и сразу въ занятіяхъ нашихъ русской словесностью произошло весьма замѣтное оживленіе: въ первый же классъ, для перваго знакомства съ учениками, Н. С. задалъ классное сочиненіе на тему по выбору каждаго ученика, и его оцѣнка этихъ сочиненій совершенно перевернула вверхъ дномъ все наше міросозерцаніе: оказалось, что лучшимъ сочиненіемъ онъ призналъ не «Кремль при лунномъ свѣтѣ», а разборъ только что вышедшей тогда «Семейной хроники» Аксакова. Затѣмъ начались обычные занятія, имѣвшія цѣлью познакомить насъ съ различными родами поэзіи. Занятія эти заключались въ разборъ образцовъ всѣхъ трехъ родовъ поэзіи, и разборы дѣлались мастерски при участіи всѣхъ учениковъ класса, или, лучше сказать, самими учениками подъ руководствомъ учителя. Трудно вообразить, какъ Н. С. умѣлъ художественно вести это дѣло, какъ онъ овладѣвалъ всѣмъ классомъ, держа его постоянно въ живомъ, умственномъ напряженіи, — его можно было сравнить съ виртуозомъ пѣянистомъ, извлекавшимъ посредствомъ мастерскаго нажиманія клавишъ гармоническіе, опредѣленные звуки. Съ каждымъ урокомъ мы чувствовали, какъ выростали умственно, и это чувство возбуждало насъ и заставляло работать дальше. Подъемъ духа вообще у насъ былъ сильный: ученики, получавшіе прежде единицы, стали теперь получать пятерки. Особенной художественностью и критической тонкостью отличались разборы трагедій Шекспира. Осо-

¹⁾ Изъ числа другихъ преподавателей нельзя не вспомнить съ благодарностью о преподавателѣ физики Я. И. В.—гѣ, заставлявшего насъ поочереди составлять письменное изложеніе его уроковъ, всегда живыхъ, увлекательныхъ. Преподаватель естественныхъ наукъ В. В. Г.—также часто овладѣвалъ нашимъ вниманіемъ. Во время прохожденія курса ботаники онъ приглашалъ насъ къ себѣ, гдѣ знакомилъ насъ съ своимъ прекраснымъ микроскопомъ.

Еще нельзя не вспомнить о весьма дѣльномъ преподаваніи математики О. И. Невенгловскимъ. Хорошимъ рассказомъ и знаніемъ предмета отличалось преподаваніе исторіи В. И. Собчаковымъ. Сиверсъ, преподаватель нѣмецкаго языка, постоянно занимался съ нами переводами съ нѣмецкаго на русскій и тѣмъ помогъ намъ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ. Я. В. Смирновъ, прекрасно знавшій и любившій свой предметъ, отличался удивительной добротой. Вообще, припоминая характеръ преподаванія нашихъ наставниковъ, можно догадаться, что внѣшніе казарменные приемы въ сущности добродушнаго директора Ш. не могли служить серьезной помѣхой въ здоровомъ, научномъ направленіи образовательнаго вліянія нашей гимназіи.

бенно ярко оживаетъ въ памяти изученіе «Макбета», а затѣмъ «Короля Лира». Разбирая самъ въ классѣ первыя сцены драмы, онъ заставлялъ насъ продолжать дѣло самостоятельно, но въ томъ же направленіи разрабатывая остальные сцены, и мы живо интересовывались характерами и положеніями лицъ драмы. Такимъ же образомъ были разобраны и «Ревизоръ» Гоголя. Вообще эти разборы почти во всей свѣжести ихъ до сихъ поръ еще не изгладились изъ моей памяти. Вообще своими занятіями Н. С. старался развить въ насъ правильный критерій въ пониманіи классическихъ образцовъ поэзіи и вообще литературы. Учебниковъ у насъ не было, а обыкновенно послѣ изученія образцовъ одного отдѣла поэзіи Н. С. давалъ намъ написанные имъ самимъ листки, содержащіе въ себѣ сжатыя обобщенія пройденнаго отдѣла. Его опредѣленія въ этихъ листкахъ были намъ совершенно понятны, потому что они резюмировали наши классные уроки, увѣнчивая ихъ мастерскимъ синтезомъ.

Н. С. любилъ по временамъ заставлять насъ заучивать наизусть избранныя стихотворенія, чѣмъ, по правдѣ сказать, многіе изъ насъ были не особенно довольны, находя, что этого рода работа приравниваетъ насъ, учениковъ VI класса, къ мальчуганамъ младшихъ классовъ; однако эти заученные стихи давали возможность Н. С. предлагать ихъ намъ въ темы для класснаго письменнаго разбора, и кромѣ того заучиваніе стиховъ, которыхъ мы не заучивали достаточно прежде, безъ сомнѣнія содѣйствовало развитію нашего художественнаго вкуса по отношенію къ красотѣ рѣчи. Н. С. вообще велъ занятія въ классѣ методично и аккуратно, не уклоняясь въ сторону. Только разъ мы узнали, что въ VII классѣ, по просьбѣ учениковъ, онъ посвятилъ одинъ урокъ характеристикамъ Грановскаго и Курявцева, и мы знали, что ученики были въ восторгѣ отъ этихъ характеристикъ.

Но занятія наши съ Николаемъ Саввичемъ продолжались не долго, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году онъ перешелъ въ университетъ адъюнктомъ словесности и оставилъ нашу гимназію. Въ VII классѣ, послѣднемъ, мы продолжали наши занятія уже съ новымъ учителемъ; занятія эти велись весьма просто: каждый классъ проходилъ въ томъ, что учитель диктовалъ намъ весьма монотонно, съ указаніемъ даже запятыхъ, свою рукописную исторію словесности... Какъ мы тогда вспоминали о Николаѣ Саввичѣ, и его полная обаянія для насъ личность еще болѣе выросла въ нашихъ глазахъ.

Еще будучи въ VI кл., я съ другимъ гимназистомъ получилъ приглашеніе посѣщать Николая Саввича въ назначенные вечера — въ

четверги; посѣщенія эти продолжались и тогда, когда мы сдѣлались уже студентами. Вечера эти имѣли огромное вліяніе на насъ и навсегда остались въ памяти. Здѣсь въ числѣ обычныхъ посѣтителей можно было встрѣтить Ешевскаго, Бабста, Герца, Ровинскаго, двухъ братьевъ Дювернуа и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ, ученыхъ и литераторовъ, уже давно начавшихъ или только начинавшихъ свою дѣятельность. Бывало много и студентовъ, съ жадностью слушающихъ оживленные рассказы о переживаемыхъ тогда событіяхъ: здѣсь передавались и обсуждались литературныя и университетскія новости; здѣсь внимательно слѣдили за всѣми важнѣйшими вопросами дня, а этихъ очередныхъ вопросовъ тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ, было такъ много. Остроты и смѣхъ слышались повсюду. По отношенію къ смѣху остротамъ, доходившимъ до сарказма, особенно выдѣлялся проф. Ешевскій: онъ обыкновенно съ ногами помѣщался въ большомъ креслѣ и, покуривая толстѣйшую папиросу, принимался обсуждать какой-нибудь вопросъ съ свойственнымъ ему ѣдкимъ и мѣткимъ остроуміемъ, причемъ худенькая, первая фигура его оживлялась, глаза блистали жгучимъ огнемъ. Много юмору вносилъ въ это общество А. А. Котляревскій, часто посѣщавшій «четверги»: съ самаго прихода онъ начиналъ неистощимые рассказы, прерывавшіеся смѣхомъ слушателей. Самъ Н. С. хохоталъ своимъ громкимъ, заразительнымъ смѣхомъ. Онъ припасалъ своимъ гостямъ какіе-нибудь свѣжіе курьезы по литературѣ и въ особенности свѣжіе факты изъ области дѣяній тогдашней цензуры. Къ К. К. Герцу, представителю новой каветры исторіи искусства, обыкновенно обращались за объясненіемъ какихъ-нибудь вновь приобретенныхъ старинныхъ картинокъ или гравюръ, которыя любилъ собирать Николай Саввичъ, если онѣ по содержанію представляли историческій интересъ. Къ Николаю Саввичу иногда собирались и его ученики-кадеты, и эта молодежь подъ вліяніемъ хозяина оживлялась и интересовалась научными вопросами. Доказательствомъ этого вліянія можетъ служить слѣдующій фактъ: въ 1859—60 году въ «малой словесной» аудиторіи на лекціяхъ греческаго языка у Ѳ. Н. Веселовскаго можно было видѣть среди насъ студентовъ молодаго гвардейскаго офицера съ красивыми отворотами, переводившаго «Анабазисъ» Ксенофонта. Офицеръ этотъ окончилъ курсъ на словесномъ факультетѣ и теперь занимаетъ мѣсто директора одной изъ гимназій Московскаго учебнаго округа. Еще приходятъ мнѣ на память имена двухъ кадетъ, промѣнявшихъ мечъ на перо, благодаря вліянію Николая Саввича. Вообще на этихъ собраніяхъ, угощаясь только чаемъ и баранками, засиживались такъ долго, что иногда расходились по до-

мамъ уже тогда, когда напр. вешнее солнце освѣщало ярко улицы и бульвары Москвы.

Приближался 1860-й годъ. Приближался и день 19-го февраля. Въ обществѣ интеллигентномъ и либеральномъ чувствовалось большое оживленіе, — русское общество готовилось переживать великій историческій моментъ уничтоженія крѣпостнаго права. «Новымъ духомъ повѣяло, новое время настало!», говорилось на извѣстномъ обѣдѣ въ Дворянскомъ собраніи однимъ московскимъ ораторомъ. Однако нельзя сказать, чтобы и старый духъ не давалъ себя чувствовать; при удобномъ случаѣ иногда въ грубой формѣ проявлялась все-таки ненависть крѣпостниковъ. Николай Саввичъ былъ на упомянутомъ, знаменитомъ обѣдѣ и подъ влияніемъ переживаемыхъ событій находился въ ликующемъ настроеніи. Въ то время въ одномъ помѣщичьемъ домѣ въ Москвѣ устраивался спектакль, куда чрезъ родственниковъ хозяина дома, студентовъ, былъ приглашенъ и Николай Саввичъ, хотя онъ и не былъ знакомъ съ хозяевами. Къ несчастью, въ самый день спектакля, въ семействѣ какъ то узнали, что Н. С. былъ на этомъ «преступномъ» обѣдѣ, и поскорѣй поторопились его увѣдомить, что бы онъ въ домъ не пріѣзжалъ.... Но это были послѣднія предсмертныя судороги уже разлагавшагося организма.

Нужно замѣтить, что Н. С. любилъ театръ и былъ знакомъ съ нѣкоторыми артистами, причемъ изъ женскаго персонала особенно увлекался талантомъ Позняковой (Г. Н. Федотовой) и хранилъ у себя ея фотографическую карточку.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права неотразимо связывался вопросъ о народномъ образованіи, и вопросъ этотъ тогда привлекалъ къ себѣ вниманіе лучшихъ силъ общества. Къ сожалѣнію въ то время въ нашемъ обществѣ было весьма мало свѣдѣній по педагогикѣ, и такимъ образомъ вопросъ о народной школѣ и вообще о народномъ образованіи являлся новымъ и весьма труднымъ вопросомъ. Тогда Н. С., состоя профессоромъ университета, принялся горячо за организацию этого дѣла, — онъ соединилъ вокругъ себя большую группу университетской молодежи и при помощи студентовъ организовалъ воскресныя школы въ Москвѣ при уѣздныхъ училищахъ. Въ каждой школѣ онъ установилъ свой штатъ учителей съ инспекторомъ во главѣ, исполнявшимъ въ то же время и обязанности преподавателя. Въ опредѣленные дни студенты — преподаватели собирались въ «гербаріи» университета толковать подъ руководствомъ Николая Саввича о методахъ преподаванія, о книгахъ для чтенія и вообще объ общихъ вопросахъ и методичныхъ приемахъ преподавательской дѣятельности.

Иногда инспектора школъ собирались и въ квартирѣ Николая Саввича; тутъ онъ сообщалъ имъ между прочимъ, о финансахъ школы, о пожертвованіяхъ; такъ я помню, съ какой радостью онъ сообщилъ о пожертвованіи линейекъ, перочинныхъ ножичковъ Техническимъ училищемъ, гдѣ былъ тогда директоромъ А. С. Ершовъ. Кстати замѣтить, что Н. С. выписывалъ народные нѣмецкіе календари, откуда предполагалось переводить нѣкоторые простые по содержанію рассказы съ цѣлью ввести ихъ въ предполагавшуюся для изданія книгу для чтенія въ воскресныхъ школахъ. Мнѣ пришлось учить чтенію и чистописанію въ первомъ «городскомъ» училищѣ (близь Ильинки), и я живо вспоминаю существовавшіе тогда порядки: всѣ скамейки были заняты учениками разныхъ возрастовъ. Помню, на первой скамейкѣ сидѣлъ пожилой уже рабочій, лѣтъ 40, украшенный длинной густой темно-русой бородою, въ которой уже замѣтна была просѣдь; этотъ «ученикъ» представлялъ интересный контрастъ съ своимъ сосѣдомъ—миньютюрнымъ мальчуганомъ, бѣлокурымъ, съ живыми глазами. Мальчуганъ часто ко мнѣ подходилъ предъ началомъ урока чистописанья съ просьбой очинить перо и очень скоро возвращался назадъ, повторяя ту же просьбу; оказалось, что раскѣпъ пера онъ принималъ за случайную трещину. Но вотъ перья всѣмъ очинены, тетради, разношнанные мною заранее дома, розданы, и мнѣ приходится на доскѣ, выводя равномерно наклонныя черточки, объяснить приемы письма. При осмотрѣ тетрадей оказалось, что мозолистая рука бородатаго мастераго никакъ не справляется съ перомъ,—точь въ точь какъ у Карла Великаго. Приходилось его руку брать въ свою и водить по бумагѣ,—тогда дѣло пошло успешнѣе. Для умѣющихъ уже немного писать нами изготовлялись прописи съ выбранными отрывками изъ стихотвореній или пословицъ; одинъ такой отрывокъ изъ стихотворенія Некрасова «Школьникъ» сохранился въ моей памяти:

„Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ“.

Къ урокамъ чтенія ученики въ особенности относились съ любовью: тишина наступала удивительная,—мнѣ приходилось вслухъ прочитывать какойнибудь рассказъ, преимущественно Марка Вовчка, въ переводѣ Тургенева; эти рассказы особенно нравились нашимъ ученикамъ, и многіе изъ нихъ повторяли рассказъ замѣчательно талантливо. Звуковой методъ тогда же былъ введенъ Тихонравовымъ въ нашихъ школахъ и тогда же далъ первые блестящіе результаты, благодаря

прекрасному преподаванію инспектора школь С. Н. В—го, того самаго гвардейскаго офицера, котораго я встрѣчалъ въ словесной аудиторіи за чтеніемъ Ксенофонта.

Двери школы были широко открыты для публики: всякій могъ заходить въ школу, присутствовать на урокахъ и заносить свои замѣчанія въ лежащую всегда на кафедрѣ книгу; эти замѣчанія прочитывались и обсуждались въ собраніяхъ у Николая Саввича. Такимъ образомъ школа была отдана подъ контроль самого общества. Однако скоро наступило время, когда даже и такой контроль казался недостаточнымъ; многихъ шокировало уже то, что въ воскресныхъ школахъ учителя говорили ученикамъ „вы“; по этому поводу возникла даже газетная полемика Николая Саввича съ издателемъ журнала «Зритель» С. П. Колошинымъ, который принужденъ былъ сознаться печатно, что недостаточно внимательно ознакомился съ веденіемъ школьнаго дѣла. Защищая энергично школу отъ несправедливыхъ нападокъ и искренно радуясь ея успѣхамъ, Н. С. не могъ однако примирить студентовъ съ проэктированнымъ для школь контролемъ директоровъ московскихъ гимназій, — и воскресныя школы закрылись. Наше прощаніе съ учениками было такое трогательное, что у насъ не хватило духу оставить ихъ совсѣмъ: сплотившись въ тѣсный, но небольшой товарищескій кружокъ, мы рѣшились продолжать наши занятія въ моей тѣсной студенческой квартирѣ хотя бы съ нѣсколькими отборными учениками. Мы раздѣлили между собою занятія, превратили гладильную доску, поставленную на табуреты, въ классную скамейку, — и опять принялись за преподаваніе; но наше преподаваніе продолжалось недолго: намъ скоро сталъ угрожать доносъ, и Николай Саввичъ, къ которому я обратился за совѣтомъ по этому обстоятельству, посоветовалъ мнѣ, чтобы предупредить доносъ, скорѣе заявить попечителю о существованіи этой маленькой школы, гдѣ было всего 5—6 учениковъ. Попечитель Н. В. Исаковъ посоветовалъ, въ свою очередь, закрыть школу, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы рискуемъ наречь себя неприятности отъ полиціи. Кажется, въ слѣдующемъ году мы опять собрались преподавать подъ руководствомъ Николая Саввича уже подъ эгидой военнаго вѣдомства — въ Спасскихъ казармахъ, гдѣ для солдатъ были устроены воскресныя школы, но посѣщались они болѣе мальчиками — мастеровыми изъ сосѣднихъ мѣстностей. Но закрылась скоро и эта школа, и она была нашей «лебединой пѣснью». Тяжело было Николаю Саввичу переживать эти неудачи, тяжело было отказаться отъ серьезныхъ и искреннихъ увлеченій народнымъ образованіемъ.

Какъ бы то ни было, но воскресныя школы въ Москвѣ были впервые имъ созданы, и имъ впервые подняты и отчасти введены въ жизнь методы и задачи народнаго образованія, основанные на чисто гуманныхъ и педагогическихъ началахъ.

Воскресныя школы въ первый разъ привели насъ въ живое общеніе съ народомъ, и воспоминаніе объ этомъ эпизодическомъ общеніи до сихъ поръ, вѣроятно, для многихъ изъ насъ, является отраднымъ воспоминаніемъ, связаннымъ вообще съ воспоминаніями о 60-хъ годахъ.

Встрѣчаясь впоследствии съ Николаемъ Саввичемъ, нельзя было не замѣтить его сравнительной молчаливости и такъ сказать замкнутости въ себѣ—сравнительно съ тѣмъ временемъ, о которомъ я рѣшился, въ память уважаемаго учителя и дѣятеля 60-хъ годовъ, написать эти краткія замѣтки.

В. Сизовъ.

Николай Саввичъ Тихонравовъ.

Очеркъ его учено-литературной дѣятельности.

Историческій успѣхъ на сторонѣ
людей дѣятельности.

Н. С. Тихонравовъ.

Русской наукѣ въ концѣ 1893 года пришлось неожиданно утратить своего замѣчательнаго представителя, заслуженнаго профессора Московскаго Университета и ординарнаго академика, Николая Саввича Тихонравова.

Многія періодическія изданія уже успѣли отмѣтить эту важную потерю напечатаніемъ некрологовъ и прочувствованныхъ воспоминаній, въ которыхъ указывались лишь выдающіяся событія изъ жизни покойнаго и назывались только нѣкоторые учено-литературные труды, Поэтому въ настоящее время мы представляемъ, по возможности, самый подробный обзоръ учено-литературной дѣятельности нашего незабвеннаго профессора, какъ матеріалъ для полной оцѣнки его высокихъ заслугъ предъ русскою наукой.

I.

Николай Саввичъ Тихонравовъ, какъ видно изъ его автобіографической замѣтки, ¹⁾ родился 3 октября 1832 года, въ семьѣ калужскаго мѣщанина, позже служившаго фельдшеромъ въ Московской Глазной больницѣ, и учился въ 3-й Московской гимназіи, которая своимъ устройствомъ рѣзко отличалась отъ большинства средне-учебныхъ заведеній: она, послѣ низшихъ общихъ классовъ, имѣла три отдѣленія:

¹⁾ „Знакомые“, альбомъ М. И. Семевскаго. Спб., 1888 г., стр.42.

реальное (коммерческое), *классическое* съ однимъ латинскимъ языкомъ и *классическое* съ двумя древними языками. ¹⁾ Н. С. съ большимъ успѣхомъ прошелъ полный курсъ послѣдняго отдѣленія и, при выпускѣ изъ гимназіи въ 1849 году, получилъ серебряную медаль ²⁾. Казалось, предъ даровитымъ юношей открывалась прямая дорога на историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета. Между тѣмъ, въ маѣ того же года, еще до окончанія выпускныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, состоялось распоряженіе — опредѣлить для каждаго университета комплектъ студентовъ въ количествѣ 300 человекъ и при наличности такой цифры на высшихъ курсахъ прекратить пріемъ новыхъ слушателей. ³⁾ На факультетахъ старѣйшаго университета не оказалось свободныхъ вакансій. По этому Н. С. былъ принужденъ поступить на первый курсъ Главнаго Педагогическаго Института. Но только оди́нь годъ онъ пробылъ въ этомъ заведеніи: его болѣе привлекалъ родной университетъ, гдѣ славились своими лекціями такіе профессора, какъ Буслаевъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ и Шевыревъ; манили также занятія рукописями въ Синодальной библіотекѣ и Погодинскомъ древлехранилищѣ, еще не проданномъ въ казну. Къ великому счастью молодого студента, въ началѣ 1850—51 учебнаго года открылась казеннокоштная вакансія на историко-филологическомъ факультетѣ дорогаго университета. Однако, чтобы занять ее, потребовалось исполненіе письменной работы. Для этой цѣли Николай Савичъ написалъ «Нѣсколько словъ по новоду статьи „Современника“ (1850 г. кн. 8, отд. II): «Кай Валерій Катуллъ и его произведенія». Этотъ первый учено-литературный трудъ, тогда же напечатанный въ *Москвитянинѣ* ⁴⁾, ярко свидѣтельствовалъ объ основательномъ классическомъ образованіи автора-студента, объ его обширной начитанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о мѣткой, тонкой критикѣ. На первыхъ страницахъ указывалось, какъ мало у насъ образцовыхъ переводовъ изъ древнихъ классиковъ, и осуждалось легкое, диллетантское отношеніе къ античнымъ литературамъ: «Люди, почти вовсе не-

¹⁾ „Краткій историческій очеркъ пятидесятилѣтія Московской 3-й гимназіи“. П. Виноградова. М. 1889 г., стр. 4—12.

²⁾ Тамъ же, стр. 217.

³⁾ „Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія“. Спб., 1864 г., т. II, отд. 2, стр. 877 и 879.

⁴⁾ *Москвитянинъ* 1850 г., т. V, № 19, отд. IV, стр. 114—134, за подписью: Н. Т. Этотъ номеръ *Москвитянина*, процензурованный В. Лешковымъ 30 сентября, вышелъ въ свѣтъ 3 октября. (См. *Московскія Вѣдомости* 1850 г., № 118).

знакомые съ древнею Греціей и Римомъ, — писаль молодой авторъ, — считаютъ своею обязанностью проронить, съ приличною важною, словца два—три о древней греческой и римской литературѣ». Далѣ шелъ подробный разборъ Иліады (въ переводѣ Гнѣдича), а за нимъ — ясное опредѣленіе свойствъ римской поэзіи по произведеніямъ Виргилія, Горациа и Овидія. Въ заключеніе же своей критической работы авторъ предложилъ нѣсколько собственныхъ переводовъ изъ Каталла.

Высокими достоинствами своего перваго опыта Николай Саввичъ не только достигъ желанной цѣли — перехода въ Московскій университетъ, но также обратилъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ членовъ факультета. Дальнѣйшими же занятіями въ теченіе трехъ лѣтъ онъ еще болѣе оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Съ одной стороны, ему пришлось хорошо зарекомендовать себя дѣятельнымъ участіемъ въ такъ называемыхъ *педагогическихъ беседахъ*: на нихъ даровитый студентъ, съ большимъ одобреніемъ профессора Шевырева, прочелъ свои изслѣдованія: «О рѣдкихъ русскихъ книгахъ», «О Новиковѣ» и «О заимствованіяхъ русскихъ писателей». ¹⁾ Съ другой стороны, изъ подъ его пера, въ продолженіе университетскаго курса, вышло нѣсколько историко-литературныхъ статей, полныхъ новизны. Къ нимъ, прежде всего относится замѣтка ²⁾ о рѣдкой книжкѣ, изданной подъ заглавіемъ: «Essai sur la littérature russe, contenant une liste des Gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le règne de Pierre le-Grand, par un Voyageur russe» (A Livourne, 1771). Извѣстный библиографъ С. Д. Полторацкій, найдя эту брошюру, перепечаталъ ее безъ всякихъ разысканій. ³⁾ Между тѣмъ, Николай Саввичъ, приводя указаніе изъ *Словаря* Новикова, что въ 1766 году одинъ русскій путешественникъ сообщилъ въ лейпцигскій журналъ «Извѣстіе» о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ, выразилъ догадку: не есть ли изданный Полторацкимъ «Опытъ» одно и то же съ «Извѣстіемъ», напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ въ лейпцигскомъ журналѣ? Чрезъ десять лѣтъ, когда былъ найденъ подлинный нѣмецкій текстъ «Извѣстія», ⁴⁾ предположеніе студента Тихонравова оправдалось въ точности. Затѣмъ, въ 1852 году Н. С. печатаетъ большую статью о Смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Ломоносова». ⁵⁾ Исправляя въ своей статьѣ многія ошибочныя свѣдѣнія, молодой авторъ

¹⁾ «Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Импер. Московск. университета за 1852—1853 г.», стр. 10.

²⁾ *Московскія Вѣдомости* 1851 г., № 150, стр. 1461—1462.

³⁾ *Revue Etrangère* 1851 г., т. LXXX, кн. 10, стр. 1—15.

⁴⁾ *Библиографическія Записки* 1861 г., т. III, № 20, стр. 609—622.

⁵⁾ *Московскія Вѣдомости* 1852 г., Литературный отдѣлъ №№ 46, 47 и 48.

впервые раскрыть важное значеніе «Риторики» Ломоносова и указалъ на цѣлый рядъ его произведеній, пропущенныхъ въ изданіи Смирдина. Между прочимъ, съ любопытными подробностями, имъ были названы «Стихи на Петровъ день» и «Проектъ путешествія къ сѣверному полюсу». Очень скоро важныя замѣчанія о «Проектѣ» вошли въ книгу, изданную Гидрографическимъ Департаментомъ подъ названіемъ: «Проектъ Ломоносова о экспедиціи Чичагова» (Спб. 1854 г.). Въ добавленіе къ названному разбору Смирдинскаго изданія, Н. С. напечаталъ мало-извѣстный трудъ Ломоносова: «Судъ російскихъ письменъ передъ разумомъ и обычаемъ отъ грамматики представленныхъ»¹⁾ и помѣстилъ статью: «Для біографіи Ломоносова».²⁾ Здѣсь онъ, на основаніи документовъ, отысканныхъ у Штелина, напечаталъ «Оду» графа А. Шувалова въ честь Ломоносова и «Похвальное слово» ему самого Штелина.³⁾ Почти одновременно съ изслѣдованіями о Ломоносовѣ появляются замѣтки и о «Сочиненіяхъ Фонъ-Визина»,⁴⁾ также изданныхъ Смирдинымъ. Повторяя свой прежній приѣмъ, то-есть указывая недостатки изданія, молодой критикъ впервые обнаружилъ многія заимствованія автора «Недоросля» изъ иностранныхъ произведеній; напримѣръ, онъ открылъ, что нѣкоторыя реченія, приведенныя въ Фонъ-Визинскомъ «Опытѣ сословника», сокращенно переведены изъ Жирарова словаря французскихъ синонимовъ, а наивное разсужденіе Простаковой о географіи взято изъ повѣсти Вольтера: «Jeannot et Colin». Такими же новыми и цѣнными указаніями были полны статьи Н. С. Тихонравова, посвященныя тремъ позднѣйшимъ писателямъ: Гоголю, Дельвигу и Пушкину. Тотчасъ же по кончинѣ перваго изъ нихъ появилось нѣсколько скороспѣлыхъ біографій, полныхъ ошибокъ или пробѣловъ. Н. С. обратилъ особенное вниманіе на статью (Ш. А. Кулиша): «Нѣсколько чертъ для біографіи Н. В. Гоголя» въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1852 г., кн. 4), и сдѣлалъ къ ней серьезныя поправки и дополненія.⁵⁾ Въ ряду послѣднихъ, какъ новость, сообща-

¹⁾ *Москвитянинъ* 1852 г., т. III, кн. 10, отд. IV, стр. 1—4.

²⁾ *Москвитянинъ* 1853 т. I, № 3, отд. IV, стр. 17—26.

³⁾ Ради полноты нашего очерка, отмѣтимъ, что статьи Н. С. Тихонравова о Ломоносовѣ вызвали замѣчанія А. Д. Галахова, помѣщенныя въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1853, т. LXXXVII, кн. 3, отд. V, стр. 39—40); 1853, т. XC, кн. 9, отд. V, стр. 72—74. На эти замѣчанія молодой авторъ отвѣтилъ „Возраженіемъ“, напечатаннымъ въ томъ же журналѣ (1854, т. XCIV, кн. 5, отд. IV, стр. 31—32).

⁴⁾ *Московскія Видомости* 1853, Литературный отдѣлъ, № 6.

⁵⁾ *Отечественныя Записки* 1853, т. LXXXVI, кн. 2, отд. VII, стр. 109 и *Московскія Видомости* 1853, № 51.

лись стихотвореніе «Италія» и поэма «Ганцъ Бюхельгартепъ», такъ что Кулишъ, перепечатывая свою статью въ болѣе полномъ видѣ на страницахъ *Современника*, счелъ долгомъ признать важность свѣдѣній, указанныхъ г. Тихонравовымъ. ¹⁾ Что же касается двухъ остальныхъ писателей—Дельвига и Пушкина, то Н. С., ознакомившись съ трудомъ В. П. Гаевского о первомъ изъ нихъ (*Современникъ* 1853, кн. 2) и съ его «Библиографическими замѣтками» (*Отеч. Зап.* 1853, кн. 5), напечаталъ важныя «Замѣчанія на статью г. Гаевского о Дельвигѣ» ²⁾ и основательный «Разборъ библиографическихъ замѣтокъ г. Гаевского о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига». ³⁾ Наконецъ, къ числу студенческихъ работъ Н. С. Тихонравова относится едва ли знакомый многимъ указатель сочиненій Жуковского, доставленный профессору С. П. Шевыреву. Послѣдній присоединилъ этотъ библиографическій трудъ къ своей актовой рѣчи «О значеніи Жуковского въ русской жизни и поэзіи» ⁴⁾ съ такимъ любопытнымъ примѣчаніемъ: «Считаю полезнымъ приложить списокъ произведеній Жуковского, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, составленный г. студентомъ историко-филологическаго факультета, четвертаго курса, Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для исторіи русской словесности».

Приведенный лестный отзывъ, блистательно оправдавшійся внослѣдствіи, открыто былъ высказанъ незадолго до выпуска нашего ученаго изъ университета. Въ половинѣ 1853 года Н. С. окончилъ университетскій курсъ со степенію перваго кандидата и съ награжденіемъ золотой медалью за сочиненіе на заданную факультетомъ тему: «О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіею» ⁵⁾ Съ этихъ поръ для молодаго кандидата на недолгое время (1853—1857 г.) открылась карьера преподавателя исторіи русскаго языка и словесности при I и IV московскихъ гимназіяхъ, а также въ кадетскомъ корпусѣ. Въ своей дѣятельности, какъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства А. Е. Викторова, ⁶⁾ онъ находился подъ руководствомъ Ѳ. И. Бу-

¹⁾ *Современникъ* 1854, XIII, кн. 2, отд. II, стр. 72.

²⁾ *Москвитянинъ* 1853, т. II, № 6, отд. V, стр. 64—98.

³⁾ *Отечественныя Записки* 1853 г., т. LXXXIX, кн. 7, отд. VII, стр. 24—31.

⁴⁾ См. брошюру: «Рѣчи и отчеты, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета (М., 1853 г., стр. 75—83) и *Москвитянинъ* 1853 г., т. I, № 2, отд. I, стр. 136—166.

⁵⁾ «Краткій отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго университета за 1853 годъ», стр. 17 и 20. Названное сочиненіе Н. С. Тихонравова, насколько знаемъ, не появилось въ печати.

⁶⁾ «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ». С.-Петербургъ. 1881 г., т. XXI, № 8, стр. 21—23.

слева: слѣдуя методу своего знаменитаго наставника, начинающій педагогъ преподавалъ русскую грамматику *сравнительно съ церковно-славянскимъ языкомъ*, а исторію древней и новой русской литературы прямо по *памятникамъ и образцамъ*. Въмѣстѣ съ преподавательскою службой Н. С. соединилъ и свою учено-литературную дѣятельность. Тогда его имя, на основаніи прежнихъ, нами указанныхъ трудовъ, получило такую извѣстность въ печати, что редакторъ-издатель А. А. Краевскій, еще въ октябрѣ 1853 года, счелъ важнымъ сдѣлать слѣдующее объявленіе: «Мы предполагаемъ помѣстить въ *Отечественныхъ Запискахъ* рядъ статей С. М. Соловьева и Н. С. Тихонравова о Карамзинѣ, какъ историкѣ и литераторѣ» ¹⁾. Однако, по неизвѣстной намъ причинѣ, этотъ уже объявленный трудъ объ авторѣ «Писемъ русскаго путешественника» не вышелъ въ свѣтъ. Въмѣсто него Н. С. напечаталъ «Нѣсколько сочиненій Пушкина» (сцену изъ *Бориса Годунова*), статью о «Сочиненіяхъ Катенина», «Письма къ К. А. Т—вой и А. А. Фуксъ» ²⁾, «Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и литература въ 1812 году» ³⁾ и критическую статью о книгѣ М. А. Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти» ⁴⁾. Большая же часть времени учительскаго досуга имъ посвящалась на работу для двухъ изданій, какія готовилъ Московскій университетъ ко дню своего столѣтняго юбилея: для «Биографическаго словаря профессоровъ» и для «Биографической лѣтописи бывшихъ студентовъ». Въ первомъ изданіи, по указанію редактора С. П. Шевырева, кандидату Тихонравову принадлежали биографическіе очерки трехъ замѣчательныхъ профессоровъ-иностранцевъ: *Баузе*, *Буле* и *Шварца* ⁵⁾, написанныя при помощи рѣдкихъ книгъ и рукописныхъ документовъ, а во второмъ изданіи, не увидавшемъ свѣта и оставшемся въ недопечатанномъ видѣ, двѣ историко-литературныя статьи о *Д. И. Фокъ-Визинѣ* и *В. Г. Рубанѣ*. Особенно важна по точности собранныхъ фактовъ статья объ авторѣ *Недоросля*, къ сожалѣнію, мало извѣстная даже записнымъ библіографамъ.

¹⁾ *Отечественныя Записки* 1853 г., т. ХС, кн. 10, отд. II, стр. 31.

²⁾ *Москвитянинъ* 1854 г., т. II, № 5, отд. III, стр. 1—11.

³⁾ *Отечественныя Записки* 1854 г., т. ХСV, кн. 7, отд. II, стр. 1—70 и отдѣльный оттискъ: Спб., 1854 г. Этотъ трудъ вызвалъ „Два слова“ М. П. Погодина въ *Москвитянинѣ* (1854 г., т. IV, № 16, отд. V, стр. 91), на котораго Н. С. отвѣтилъ „Письмомъ“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1854 г., т. ХСVІІІ, кн. II, отд. IV, стр. 49—52).

⁴⁾ *Отечественныя Записки* 1855 г., т. ХСVІІІ, кн. 1, отд. III, стр. 1—22.

⁵⁾ „Биографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго университета“. М., 1855 г., ч. I, стр. 68—89, 112—128; ч. II, стр. 574—599.

II.

Учено-литературная дѣятельность въ связи съ успѣшнымъ преподаваніемъ въ гимназій скоро приблизила Н. С. Тихонравова къ профессорской каѳедрѣ. Еще въ началѣ 1854 года его имѣли въ виду, какъ адъюнкта русской словесности, въ университетѣ св. Владиміра. При выборѣ на это мѣсто достойнаго представителя, въ историко-филологическомъ факультетѣ названнаго университета было прочтено полученное отъ помощника попечителя кievскаго учебнаго округа— М. В. Юзефовича—письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что «во время его пребыванія въ Москвѣ члены московскаго историко-филологическаго факультета и въ томъ числѣ профессора Бодянской, Буслаевъ и Леонтьевъ, отзывы конхъ имѣютъ неоспоримый вѣсъ по части славяно-русской филологіи и теоріи поэзій, рекомендовали ему кандидата историко-филологическаго факультета Московскаго университета г. Тихонравова, который по способностямъ своимъ и по основательнымъ познаніямъ, вполнѣ заслуживаетъ этого назначенія. Историко-филологическій факультетъ, имѣя въ виду еще сонскателя— А. И. Линниченко—предложилъ обоимъ кандидатамъ представить сочиненія, написанныя на избранныя ими самими темы, по предмету русской филологіи. «На этотъ конкурсъ г. Тихонравовъ не отозвался», прибавляетъ историкъ университета ¹⁾). Конечно, такое молчаніе зависѣло отъ того, что Н. С. уже былъ намѣченъ на одну изъ каѳедръ Московскаго университета. Дѣйствительно, съ 5 іюня 1857 года онъ былъ опредѣленъ туда исправляющимъ должность адъюнкта по предмету педагогійи ²⁾). Эту каѳедру, введенную въ университетскій уставъ только съ 5 ноября 1850 года, по примѣру главнаго педагогическаго института, для теоретическаго и практическаго приготовленія студентовъ къ учительскому званію ³⁾, занималъ съ 10 января слѣдующаго года профессоръ русской словесности С. П. Шевыревъ ⁴⁾). Оставляя Московскій университетъ въ маѣ 1857 года, онъ естественно могъ

¹⁾ М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Исторія Импер. университета св. Владиміра“. Кіевъ, 1884 г., т. I, стр. 560.

²⁾ „Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1857 годъ“, стр. 5.

³⁾ С. П. Шевыревъ. „Исторія Имп. Московскаго университета“. М. 1855 г., стр. 502.

⁴⁾ „Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1851 годъ“, стр. 5.

передать кафедру педагогики своему лучшему ученику, который, хотя недолго, был студентом Педагогического института, состоялъ нѣсколько лѣтъ образцовымъ преподавателемъ и, притомъ, показалъ вѣрные взгляды на воспитаніе при оцѣнкѣ дѣятельности Баузе и Шварца. И, въ самомъ дѣлѣ, Н. С. оправдалъ выборъ роднаго университета. Сверхъ чтенія теоретическихъ лекцій по порученной кафедрѣ, имъ были учреждены въ *первый разъ* практическіе уроки казенныхъ студентовъ съ учениками московскихъ гимназій; затѣмъ, избранный постояннымъ членомъ такъ называемыхъ *Педагогическихъ курсовъ*, открытыхъ на основаніи положенія 20-го марта 1860 года ¹⁾, онъ руководилъ кандидатовъ-педагоговъ, читая имъ лекціи дидактики и практически показывая методы преподаванія; наконецъ, съ іюня того же 1860 года его назначили завѣдующимъ по устройству воскресныхъ школъ ²⁾. Такая оживленная дѣятельность еще болѣе возросла, когда адъюнкту-педагогу передали и чтеніе лекцій по исторіи русской литературы. Преподаваніе этой науки въ Московскомъ университетѣ еще ранѣе предназначалось Н. С. Тихонравову. Такъ, 8 августа 1857 года историко-филологическій факультетъ, совѣщаясь о преемникѣ С. П. Шевырева по кафедрѣ русской словесности, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Н. С. Тихонравова, который давно зарекомендовалъ себя важными учено-литературными трудами; но нѣкоторые члены факультета, особенно профессоръ Бодяскій ³⁾, рекомендовали А. А. Майкова, какъ *магистра славянской филологии*. Послѣдній дѣйствительно занялъ кафедру, но пробылъ на ней только два года (1857—1859 г.) и вышелъ въ отставку. Тогда-то историко-филологическій факультетъ единогласно избралъ Н. С. Тихонравова адъюнкту-профессоромъ по кафедрѣ русской словесности (съ 4 сентября 1859 года) ⁴⁾. Съ этого то знаменательнаго дня и открылась плодотворная дѣятельность нашего ученаго, которая такъ широко прославила его имя. Она выразилась въ цѣломъ рядѣ его трудовъ, напечатанныхъ имъ, во время всей университетской службы, то на страницахъ періодическихъ изданій, то отдѣльными книгами. Эти труды появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

¹⁾ „Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1860 годъ“, стр. 3.

²⁾ *Русскій Вѣстникъ*, 1860 г., т. XXVII, кн. 12, стр. 353.

³⁾ См. его письмо къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову (*Русскій Архивъ* 1888 г., кн. 9, стр. 159—161).

⁴⁾ „Краткій отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго университета за 1859 годъ“, стр. 6.

1858 г.

«Неизданная сатира князя А. Д. Кантемира», съ предисловіемъ (*Библиографическія Записки*, т. I, № 3, стр. 65—74 и отдѣльный оттискъ: М. 1858 года, 16 стр.). Эта сатира, подъ названіемъ: «На состояніе свѣта сего къ солнцу», открыта Н. С. Тихонравовымъ въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки и напечатана съ примѣчаніями. Позже Н. С. по порученію Московскаго Общества Россійской Словесности, приготовилъ даже «Собраніе сочиненій и переводовъ князя Кантемира»¹⁾, но оно не было издано.

«Кирьякъ Кондратовичъ, переводчикъ прошлаго столѣтія» (*Библиографическія Записки*, т. I, № 8, стр. 225—236 и отдѣльный оттискъ: М. 1858 года, 19 стр.). Подъ такимъ заглавіемъ, кромѣ библиографическихъ свѣдѣній, напечатаны «доношенія» и два письма Кондратовича, по подлинникамъ Императорской Публичной Библіотеки.

«Замѣтка В. К. Кюхельбекера въ альбомѣ С. Д. П—ой, 1820 года» (*Библиографическія Записки*, т. I, № 8, стр. 237).

Разборъ книги Н. В. Сушкова: «Московскій университетскій благородный пансіонъ» (*Московскія Вѣдомости*, литературный отдѣлъ, № 85 и 90).

Въ этомъ же 1858 году Н. С. Тихонравовъ писалъ изслѣдованіе о Н. И. Новиковѣ, какъ свидѣтельствуетъ «Отчетъ Московскаго Университета» (стр. 11) и слѣдующая замѣтка А. Н. Аванасьева: «Полная и отчетливая біографія Новикова требуетъ еще многихъ трудовъ и поисковъ; намъ пріятно сообщить, что въ настоящее время надъ этою задачей работаетъ г. Тихонравовъ, съ прекрасными статьями котораго по исторіи русской словесности публика давно знакома» (*Библиографическія Записки* 1858 года, т. I, № 6, стр. 162). Но этотъ трудъ Тихонравова до сихъ поръ не напечатанъ въ полномъ видѣ: позднѣе явился лишь небольшой отрывокъ въ *Лѣтописяхъ Русской Литературы* (1863 г., т. V, отд. II, стр. 1—10).

1859 г.

«Извѣстіе о Россіи въ XVII вѣкѣ» (*Архивъ истор. и практич. свѣдѣній*, изд. Н. Калачовымъ, кн. 3, отд. V, стр. 1—6). Это

¹⁾ См. о томъ „Современную Лѣтопись“ 1864 года, № 41, стр. 6, а также изданіе „Сочиненій князя Кантемира“, подъ редакціей П. А. Ефремова, Спб. 1867 года, т. I, предисловіе, стр. VII—VIII.

«сообщеніе» заимствовано изъ книги: «Космографія, яже переведена съ римскаго языка на славянскій, отъ созданія міра 7173 (1655) г.»

«Школьное благочиніе» (*Московскія Вѣдомости*, литературный отдѣлъ, № 20).

«Вступительная лекція, читанная 25 сентября 1859 г.» (*Московскія Вѣдомости*, литературный отдѣлъ, № 232 и отдѣльный оттискъ: М. 1859 г., 11 стр.). Это—первая лекція, которой Н. С. начиналъ преподаваніе исторіи русской литературы въ Московскомъ университетѣ.

Съ апрѣля того же 1859 года и до октября 1863 года Н. С. Тихонравовъ издалъ пять томовъ своего журнала, извѣстнаго подъ заглавіемъ: *Лѣтописи Русской Литературы и Древности*.

По словамъ «предварительнаго объявленія»¹⁾, *Лѣтописи* имѣли въ виду расширить кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдованій для знакомства съ такими памятниками нашей литературы и древностей, которые до тѣхъ поръ, несмотря на свое высокое значеніе, оставались неизданными и составъ которыхъ не подвергался тщательному изученію. «Строго держась сравнительно-историческаго метода при изученіи литературы», издатель обѣщалъ «помѣщать: а) изслѣдованія по исторіи русской литературы и искусства: б) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку и т. п., насколько эти изслѣдованія содѣйствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; в) обзорніе древности и литературъ иностранныхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной». Сообразно такой программѣ, на страницахъ *Лѣтописей* были напечатаны многія выдающіяся изслѣдованія такихъ ученыхъ, какъ Ѳ. П. Буслаевъ, А. Е. Викторовъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій, Н. А. Поповъ, С. М. Соловьевъ и др. Но болѣе всѣхъ обогатилъ свой журналъ самъ издатель. Ему, въ двухъ первыхъ томахъ, вышедшихъ въ 1859 году, принадлежали слѣдующія статьи, замѣтки и сообщенія: «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ», съ предисловіемъ (т. I, отд. II, стр. 1—33), «Луцидаріусъ», съ предисловіемъ (стр. 33—68), «Трагедокомедія Варлаама Лашевскаго о мздѣ въ будущей жизни», (отд. III, стр. 3—16), «Петрида», книга А. Д. Кантемира (стр. 16—22), «Вопросные пункты, предложенные Н. И. Новикову митрополитомъ Платономъ, и письма послѣдняго къ императрицѣ Екатеринѣ II» (стр. 23—28), «О ковчегѣ Ноевѣ», апокрифическое сказаніе (стр. 158—160), «Повѣсть, какъ приходилъ грече-

¹⁾ Оно напечатано въ *Библиографическихъ Запискахъ* 1859 г., т. II, № 2, стр. 55—57.

скій царь Василій подь Вавилонъ градъ», съ примѣчаніями (стр. 161—165), «Повѣсть о преніи живота съ смертію», изслѣдованіе (стр. 183—193), «Записки Ломоносова къ Штелину» и «Объ обязанности духовенства» (стр. 193—198), «Замѣтки объ А. О. Аблесимовѣ» (стр. 200—202), «Русскія интерлюдія первой половины XVIII вѣка», съ предисловіемъ (т. II, отд. II, стр. 35—60), «Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ», съ примѣчаніями (стр. 61—80), «Преніе Литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліею» (стр. 80—100), «Стихъ о книгѣ Голубиной» (отд. III, стр. 64—69), «Повѣсть о Федорѣ Жидовинѣ» (стр. 69—71), «Разговоръ о Адамовыхъ дѣтяхъ, како жили» (стр. 72), «Повѣсть о чудеси Пречистыя Богородицы, о градѣ Муромѣ и епископѣ его, како приде на Рязань» (стр. 97—99), «Русская легенда XVII вѣка о образѣ Богородицы» (стр. 90—100), «Сказаніе о Индѣйскомъ Царствѣ» (стр. 100—103), «Заговоры на оружіе» (стр. 103—105), «Примѣчаніе Ломоносова на сказанную о Сумароковѣ фразу» (стр. 105—106), «Отрывокъ изъ письма племянника Н. И. Новикова къ А. И. Тургеневу (стр. 106—107), «Письмо Н. И. Новикова» (стр. 107—108) и «М. И. Веребинъ» (стр. 108—116) ¹⁾.

1861 г.

«Письма профессоровъ Московскаго университета къ попечителю Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьеву» (*Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*, кн. 3, отд. V, стр. 22—77). Эти письма принадлежали профессорамъ: А. В. Болдыреву, И. А. Двигубскому, М. Я. Мудрову, Р. Ф. Тимковскому и Х. А. Чеботареву.

«Начало русскаго театра», три лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ въ 1859—60 академическомъ году (*Лѣтописи Русской Литературы*, т. III, отд. II, стр. 7—47).

«Жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ» (Тамъ же, стр. 49—66).

«Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской», съ предисловіемъ (стр. 66—78).

«Интермедія на три персоны: смерть, воинъ и хлопецъ» (стр. 78—80).

«Автобіографія протопопа Аввакума» (стр. 117—173). Отдѣльное

¹⁾ Къ слѣдующему 1860 году, когда Н. С. руководилъ воскресными школами относятся два отчета объ этихъ школахъ, напечатанные въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1860 г. № 147 и 180). Оба отчета принадлежатъ, по свидѣтельству одного изъ его сотрудниковъ по школьному дѣлу, перу Н. С. Тихонравова (см. настоящее изданіе выше, стр. 23—32).

Ред.

изданіе этого труда вышло въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: «Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное» (Спб. 1862 г., 118 стр.).

«Сказка объ Иванѣ Бѣломъ» (*Лѣтописи Русской Литературы*, т. III, отд. III, стр. 8—15).

«Стихъ объ антихристѣ» (стр. 15—16).

«Слово іеромонаха Евѣмія», съ примѣчаніями (стр. 17—19).

«Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ» (стр. 20—33).

«Замѣтки о старинѣ и народности: Шемякинъ судъ» (стр. 34—38).

«Воскресеніе мертвыхъ, въ пяти дѣйствіяхъ, показанное трудомъ Георгія Конисскаго» (стр. 39—58).

«Новый списокъ Слова о Данилѣ Заточникѣ» (стр. 93—94).

1862 г.

Разборъ третьяго выпуска «Памятниковъ русской литературы», издаваемыхъ гр. Кушелевымъ Безбородко (*Русскій Вѣстникъ*, т. XXXVII, кн. 1, стр. 415—427). Въ разбираемомъ выпускѣ были напечатаны ложныя и отреченныя книги русской старины, собранныя А. Н. Пыпинымъ.

«Четыре года изъ жизни Карамзина», 1785—1788 гг. (*Рус. Вѣстникъ*, т. XXXVIII, кн. 4, стр. 732—749). Въ этой статьѣ переданы событія изъ жизни Карамзина во время пребыванія въ Москвѣ, указано на знакомство его съ Новиковскимъ кружкомъ и указаны изданныя имъ переводы.

«Повѣсти о царѣ Соломонѣ», съ примѣчаніями и шестью снимками (*Лѣтописи Русской Литературы*, т. IV, отдѣлъ II, стр. 112—153).

«Рождественская драма» (тамъ же, стр. 154—200).

«Слова и поученія, направленныя противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ», съ предисловіемъ и примѣчаніями (отд. III, стр. 83—112).

1863 г.

«Памятники отреченной русской литературы». Приложение къ сочиненію: «Отреченныя книги древней Россіи», Спб., томъ первый, XII+313 стр.—М., томъ второй, IV+457 стр.— По собственному объясненію Н. С. Тихонравова, «предлагаемые «Памятники» составляютъ приложение къ изслѣдованію, которое одновременно съ ними выходитъ въ свѣтъ», а по словамъ «Отчета Московскаго Университета за 1867 годъ» (стр. 20), былъ приготовленъ къ изданію и третій томъ «Памятниковъ». Однако, ни изслѣдованіе, подъ заглавіемъ

«Отреченныя книги древней Россіи», ни новый томъ «Памятниковъ» не были напечатаны.

Предисловіе къ «Новымъ свѣдѣніямъ о Н. И. Новиковѣ и членахъ Компаніи типографической» (*Лѣтописи Русской Литературы*, т. V, отд. II, стр. 3—10).

«Записка И. Г. Шварца объ отношеніяхъ къ нему И. И. Мелиссино». (Тамъ же, стр. 96—110).

«Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ Саввы Романова». (Тамъ же, стр. 111—148).

«Обличеніе на Никона патріарха, написанное для царя Алексѣя Михайловича» (стр. 153—178).

«Элегія Теофана Прокоповича и отвѣтъ на нее Антиоха Кантемира» (отд. III, стр. 37—41).

«Раскольничья сатира прошлаго вѣка» (стр. 42—43).

«Пять древне-русскихъ поученій», съ примѣчаніями (стр. 90—103).

«Нѣсколько народныхъ заговоровъ» (стр. 111—112).

«О напастованіи протопопа Аввакума» (стр. 113—117).

«О заточеніи дьякона Θεодора» (стр. 117—120).

«Замѣтка для исторіи Стоглава» (стр. 137—144).

«Слово о злыхъ женахъ» (стр. 145—147).

Въ томъ же 1863 году, какъ указываетъ «Отчетъ Московскаго университета» (стр. 10), Н. С. Тихонравовъ, вмѣстѣ съ хранителемъ рукописей Румянцовскаго Музея А. Е. Викторовымъ, приготовилъ къ изданію *Стоглавъ* по списку XVI вѣка, съ вариантами изъ многихъ другихъ списковъ и съ приложеніемъ особой, доннынѣ неизвѣстной редакціи этого памятника; но такое изданіе не вышло въ свѣтъ.

1864 г.

Разборъ книги П. А. Безсонова: «Калики переходіе» («Тридцать-третье присужденіе Демидовскихъ наградъ», Спб., стр. 193—229).

«Шекспиръ» (*Русскій Вѣстникъ*, т. I, кн. 4, стр. 735—752). Эта статья представляетъ собою рѣчь, читанную въ публичномъ собраніи Московскаго университета 23 апрѣля 1864 года, по случаю трехсотлѣтней годовщины рожденія Шекспира.

«С. П. Шевыревъ» († 8 мая 1864 года), некрологъ (*Московскія Вѣдомости*, № 107). Кромѣ этого некролога Н. С. напечаталъ статью, посвященную «Памяти С. П. Шевырева» въ брошюрѣ «Рѣчь и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12 января 1865 года». (М. 1865 г. стр. 1—9).

1865 г.

«Программа по русскому языку и словесности для поступающих въ студенты Императорскаго Московскаго Университета», (М., въ формѣ брошюры).

О литературной дѣятельности Ломоносова (брошюра: «Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова (4 апрѣля 1765—1865 гт.) Императорскимъ Московскимъ Университетомъ въ торжественномъ собраніи апрѣля 11 дня», (М., стр. 78—88) ¹⁾).

«Боярыня Морозова», эпизодъ изъ исторіи русскаго раскола (*Русскій Вѣстникъ*, т. LIX, кн. 9; стр. 5—44).

Въ этомъ же году, на вечернихъ бесѣдахъ, устроенныхъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго Университета, Н. С. прочелъ свой трудъ, подъ названіемъ: «Изъ исторіи Парижскаго Университета»; но этотъ трудъ остался неизданнымъ.

1866 г.

Разборъ книги П. Н. Полеваго: «Историческіе очерки средневѣковой драмы» (*Русскій Вѣстникъ*, т. LXI, кн. 1, стр. 409—424).

«Слово о полку Игоревѣ» М., IX+68 стр.—Эта книжка для учащихся вышла затѣмъ вторымъ исправленнымъ изданіемъ (М. 1868 г., IX+75 стр., съ таблицей).

«Отчетъ о выпускныхъ экзаменахъ въ Московской 3-й гимназіи». (Циркуляръ по Московскому учебному округу, № 11).

Въ названномъ году Н. С. прочелъ шесть публичныхъ лекцій по исторіи древней русской словесности и 1 декабря, въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, рѣчь: «Карамзинъ въ исторіи русской литературы». Какъ лекціи, такъ и указанная рѣчь не были напечатаны. Впрочемъ, краткое содержаніе послѣдней передано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1866 г., № 254).

¹⁾ По поводу этого литературнаго юбилея, въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности Н. С. прочелъ еще другую свою статью: «Ломоносовъ въ исторіи русскаго образованія»; но она осталась въ рукописи. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть, что къ тому же юбилею академикъ П. Билярскій издалъ «Матеріалы для біографіи Ломоносова» (М. 1865 г.). Для этой книги Н. С. сообщилъ ненапечатанныя письма Ломоносова къ Шувалову, которыя издатель призналъ, «небольшою, но весьма цѣнною частію своего собранія». (Предисловіе, стр. 26—27).

1867 г.

Разборъ изданія П. А. Ефремова: «Матеріалы для исторіи русской литературы» (*Отечественныя Записки*, т. CLXXII, кн. 10, отд. I, стр. 354—378). Въ этой критической статьѣ Н. С., главнымъ образомъ, имѣеть въ виду «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ» Н. И. Новикова, переизданный г. Ефремовымъ.

«Квиринъ Кульманъ» (*Русскій Вѣстникъ*, т. LXXII, кн. 11, стр. 183—222; кн. 12, стр. 560—594). Въ этихъ двухъ статьяхъ, по новымъ документамъ, разсказана исторія одного мистика, захвачшаго въ Москву и сожженнаго тамъ за распространеніе ереси между обитателями Нѣмецкой Слободы. Названный трудъ Н. С. Тихонравова былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, подъ заглавіемъ: «Quirinus Kuhlmann». Eine culturhistorische Studie. N. Tichonrawow. Aus dem Russischen übersetzt von A. W. Fechner (Riga, 1873).

1868 г.

Въ этомъ году, среди торжественнаго собранія въ Московскомъ Университетѣ, 2-го февраля, Н. С. произнесъ рѣчь «О Крыловѣ»; но эта рѣчь не появилась въ печати.

1869 г.

«Кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ» (*Русскій Вѣстникъ*, т. LXXXI, кн. 5, стр. 1—38). Этотъ трудъ былъ прочтенъ авторомъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ.

1870 г.

«Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій» (*Русскій Вѣстникъ*, т. LXXXIX, кн. 9, стр. 5—61). Этотъ трудъ, посвященный «дѣлу Тверитинова съ товарищами», продолжалъ печататься и закончился уже въ 1871 году (т. XCI, кн. 2, стр. 667—720 и т. XCIII, кн. 6, стр. 399—446).

1871 г.

«Записка, поданная духовоборцами Екатеринославской губерніи губернатору Каховскому въ 1791 году» (*Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей*, кн. II, стр. 26—79).

«Письмо М. В. Ломоносова къ И. И. Шувалову» (*Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности*, вып. III, стр. 72—86). Это «Письмо», дважды изданное съ большими пропусками, напечатано Н. С. Тихонравовымъ въ цѣльномъ видѣ по сохранившемуся оригиналу.

1872 г.

«Краткая реляція». Современный рассказъ о восшествіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны русскаго резидента при Англійскомъ дворѣ, князя И. А. Щербатова (*Русскій Архивъ*, кн. 6, стр. 1169).

Исторія изданія «Опыта о чловѣкѣ», сочиненіе Попе, въ переводѣ Поповскаго (Тамъ же, кн. 7—8, стр. 1311—1322).

1873 г.

«Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра», актовая рѣчь (Отчетъ и рѣчи, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, 12 января 1873 года, М., стр. 28—60, и отдѣльный оттискъ: М. 1873 г., 35 стр.)¹⁾.

1874 г.

«Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ». Къ двухсотлѣтнему юбилею русскаго театра собраны и объяснены. Спб., томъ первый, XLVII+562 стр.; томъ второй, 498 стр. и четыре рисунка. Для такого «собранія» были приготовлены Н. С. Тихонравовымъ «примѣчанія къ пьесамъ», гдѣ помѣщены свѣдѣнія о рукописяхъ, по которымъ пьесы напечатаны, и историко-литературныя разысканія, имѣющія главною цѣлью разяснить происхожденіе и литературную исторію каждой пьесы стараго русскаго репертуара. Но эти «примѣчанія», хотя и напечатанныя, не были приложены къ сборнику *Русскихъ драматическихъ произведеній* и, какъ рѣдкость, существуютъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ экземплярахъ.

«Записка о разговорѣ съ двумя духоборцами, архимандрита Евгенія, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго» (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, кн. IV, стр. 137—145).

¹⁾ Академикъ М. И. Сухомяновъ, дѣлая докладъ объ этой рѣчи, выразился что „она представляетъ замѣчательный вкладъ въ нашу ученую литературу по превосходному обзорнѣю драматической дѣятельности въ Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка“. (*Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, Спб., 1873 г., т. X, стр. LI—LIV).

Въ томъ же 1874 году, Н. С., принимая личное участіе въ занятіяхъ третьяго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, на одномъ изъ засѣданій прочелъ рефератъ, подь названіемъ: «Исторія статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ». Краткая передача этого реферата въ *Трудахъ третьяго Археологическаго Съѣзда въ Россіи* (Кіевъ 1878 г., т. I, стр. LVIII—LIX).

1875 г.

«Афиша временъ Петра Великаго» (*Русская Старина*, т. XIII, стр. 436—437).

Стихотвореніе Печорина: «Прочь, о демонъ лучезарный». (Тамъ же, стр. 454—455).

Въ этомъ же году Н. С. Тихонравовымъ прочтены два изслѣдованія: «Черты народнаго русскаго быта въ допетровскихъ памятникахъ духовной литературы»—въ засѣданіи этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія и «Московская школьная драма въ первой половинѣ XVIII вѣка»—въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. Но оба названныя изслѣдованія не были напечатаны.

1876 г.

Новый отрывокъ изъ «Путевыхъ записокъ» суздальскаго епископа Авраама (*Вѣстникъ Общества Древне-русскаго Искусства*, кн. 1, отд. III, стр. 37—42). Этотъ «Отрывокъ» съ замѣткою Тихонравова переведенъ на французскій языкъ И. Ф. Дюмушелемъ, подь названіемъ: «Nouveau fragment de l'itinéraire d'Abraham, évêque de Souzdal» (1439), и изданъ отдѣльно въ количествѣ пятидесяти экземпляровъ (М. 1876, 18 pag.).

«Викторъ Ивановичъ Григоровичъ», некрологъ (*Московскія Вѣдомости* 1876 г., № 332).

1878 г.

Разборъ книги А. Д. Галахова: «Исторія русской словесности, древней и новой». (Отчетъ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб., стр. 13—136, и отдѣльный оттискъ: Спб. 1878 г., 124 стр.).

Въ этомъ же году Н. С. прочелъ публичную лекцію, подь заглавіемъ: «Древне-русскія сказанія о паденіи Царяграда», которая осталась неизданною.

1879 г.

Трагедокомедія Теофана Прокоповича «Владиміръ» (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. ССІІІ, кн. 5, стр. 52—96).

1880 г.

«А. С. Пушкинъ», рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, при открытіи 6 іюня памятника поэту въ Москвѣ (*Вѣстникъ Европы*, кн. 8, стр. 706—729).

«Подметное письмо 1728 года», изъ дѣлъ Преображенскаго приказа (*Русская Старина*, т. XXVIII, стр. 125—131).

1881 г.

«Николай Ивановичъ Пироговъ въ Московскомъ университетѣ» (1824—1828 гг.). Справки въ документахъ университетскаго архива. М., 12 стр. Эта брошюра издана ко дню пятидесятилѣтняго юбилея хирурга Пирогова.

1884 г.

Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ», съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей», кн. 1, отд. I, стр. 1—23 и отдѣльный оттискъ: М. 1884 г., 23 стр.).

«Александръ Петровичъ Сумароковъ», современная его характеристика (*Русская Старина*, кн. 3, стр. 609—618).

«Д. В. Дашковъ и графъ Д. И. Хвостовъ въ Обществѣ Любителей словесности, наукъ и художествъ». (Тамъ же, кн. 7, стр. 105—113).

«Приказъ Н. М. Карамзина своему бурмистру». (Тамъ же, стр. 114).

1886 г.

Ревизоръ, комедія Гоголя. Первоначальный сценическій текстъ, извлеченный изъ рукописей, съ примѣчаніями, вариантами, приложениями, со статьею «Очеркъ исторіи текста комедіи *Ревизоръ*», и снимки рисунковъ Гоголя. М. 231 стр.

«Первое представленіе *Ревизора* на московской сценѣ» (*Русская Мысль*, кн. 5, стр. 84—105).

«Н. В. Гоголь въ его письмахъ къ М. С. Щепкину» (*Русская Старина*, кн. 10, стр. 129—148).

Въ этомъ же году, на публичномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, Н. С. прочелъ свою статью: «Когда и какъ писался *Ревизоръ*».

1887 г.

«Тарась Бульба» Н. В. Гоголя, глава неизданной редакціи (*Русская Старина*, кн. 3, стр. 711—731; кн. 4, стр. 63—89).

Въ томъ же году напечатано «Письмо Н. С. Тихонравова къ П. Н. Батюшкову» (отъ 1 іюня 1887 года), съ любопытною оцѣнкой изданныхъ «Сочиненій К. Н. Батюшкова» (*Русская Старина* 1887 г., кн. 11).

1889 г.

«Сочиненія Н. В. Гоголя», изданіе десятое. М., томъ первый, XXIV+712 стр., томъ второй (вышедшій въ началѣ 1890 года), 816 стр., томъ третій—613 стр.; томъ четвертый—622 стр.; томъ пятый—684 стр. Это вполнѣ классическое изданіе сочиненій Гоголя заключаетъ въ себѣ текстъ, свѣренный съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній, а также подробныя объяснительныя примѣчанія Н. С. Тихонравова.

«Одно изъ донесеній протоіерея Петра Алексѣева»: о не порядкахъ въ средѣ монаховъ въ XVIII вѣгѣ (*Русская Старина*, кн. 10, стр. 182—184).

Вотъ какой богатый историко-литературный матеріалъ вышелъ изъ подъ искуснаго пера Н. С. Тихонравова, во время его университетской службы. Нѣкоторые изъ названныхъ трудовъ, особенно такіа изданія, какъ «Лѣтописи русской литературы и древности», «Памятники отреченной русской литературы» и «Слово о полку Игоревѣ», ярко свидѣтельствовали о высокихъ научныхъ достоинствахъ изслѣдователя, и потому доставили ему почетный дипломъ на степень доктора русской словесности (1870 г.)¹⁾, благодаря чему онъ могъ быть не только экстраординарнымъ (1870—1871 гг.), ординарнымъ (1871—1882 гг.) и заслуженнымъ (съ 5 іюня 1882 года) профессоромъ, но также деканомъ историко-филологическаго факультета (1876—1877 гг.) и ректоромъ Московскаго университета (съ 31 мая 1877 г. до 4 сентября 1883 года). Съ другой стороны, многіе изъ указанныхъ трудовъ послужили къ избранію ученаго автора въ члены-корреспон-

¹⁾ См. „Краткій отчетъ о состояніи Импер. Московскаго университета за 1870 годъ“, стр. 6.

денты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности (съ 11 декабря 1863 года), а также въ дѣйствительные члены Общества Любителей Россійской Словесности (со 16 октября 1863 года), Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (съ 1863 года), Истории и Древностей Россійскихъ (съ 1875 года). Надо вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что одновременно съ преподаваніемъ въ университетѣ Н. С. Тихонравовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ читалъ лекціи по исторіи русской литературы на высшихъ женскихъ курсахъ, открытыхъ въ Москвѣ.

Такая оживленная профессорская и учено-литературная дѣятельность продолжалась до 9 октября 1889 года, когда Н. С., чувствуя упадокъ силъ, по своему желанію, покинулъ университетскую кафедру, но не для полного отдыха. Съ 3 марта 1890 года онъ былъ назначенъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ, а съ августа 1891 года—предсѣдателемъ Московскаго отдѣленія Театрально-Литературнаго Комитета. Занимая эти высокія должности и продолжая состоять предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности (съ 28 апрѣля 1885 года), а также почетнымъ членомъ Казанскаго университета (съ 27 октября 1890 года), нашъ ученый не прерывалъ своихъ литературныхъ работъ, какъ можно судить по слѣдующему хронологическому списку его трудовъ:

1890 г.

«М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь» (*Артистъ*, кн. V, стр. 84—99, со снимками съ рукописей Гоголя). Эта статья была прочтена въ публичномъ засѣданіи Общества Россійской Словесности, 6 ноября 1888 года, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія артиста Щепкина.

«Николай Ивановичъ Новиковъ въ его перепискѣ съ княземъ Н. Н. Трубецкимъ», 1816 г. (*Русская Старина*, кн. 9, стр. 457—467).

Въ январѣ того же года, на восьмомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, Н. С. прочелъ рефератъ: «О дѣяніи и житіи Девгеніевъ», который не появился въ печати ¹⁾.

¹⁾ Въ извлеченіи, сдѣланномъ подъ руководствомъ самого Н. С., напечатанъ рефератъ въ „Занятіяхъ VIII Археол. Съѣзда“ (М. 1890 г.) съ заглавіемъ: Новый списокъ „Давгеніева дѣянія“ (стр. 186—188).

Ред.

20*

1891 г.

«Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка» (*Этнографическое Обзорѣніе*, кн. VIII, № 1 и в отдѣльный оттискъ, М. 1891 года, 48 стр.) ¹⁾.

«Законы Дружескаго Литературнаго Общества», основаннаго В. А. Жуковскимъ, 1801 года (*Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ*, М., стр. 1—14).

«Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ», составленный Н. В. Гоголемъ, и его повѣсть «Коляска», въ первоначальномъ видѣ. (Тамъ же, стр. 24—54, 55—66).

«Замѣтки о *Словарь*, составленномъ Гоголемъ» (стр. 101—114).

«Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка»: рукописная сатира 1807 года (*Русская Старина*, кн. 8, стр. 408—410).

Въ томъ же 1891 году, въ публичномъ зазданіи Общества Любителей Россійской Словесности, Н. С. прочелъ статью «Лермонтовъ въ Москвѣ»; но эта статья не издана.

1892 г.

«Литературныя мелочи неурожайнаго 1786 года». (Учено-литературный сборникъ: *Помощь голодающимъ*, М., стр. 535—556).

«Сочиненія Н. В. Гоголя, извлеченныя изъ рукописей». Дополнительный томъ ко всѣмъ предшествовавшимъ изданіямъ «Сочиненій Гоголя» (*Библиотека для чтенія*, приложение къ журналу *Царь-Колоколъ*, № 3, стр. 1—238). Въ этомъ «дополнительномъ томѣ» помѣщены, съ замѣчаніями Н. С. Тихонравова, слѣдующія произведенія Гоголя: стихотвореніе «Непогода», комедія «Женихи», переводъ Мольеровской комедіи «Станарель», «Выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ» и комедія «Ревизоръ» въ своей первой законченной редакціи.

Въ этомъ же году Н. С. Тихонравовъ приготовилъ къ печати два отдѣльныя изданія: первое, подъ названіемъ: «Древнія житія преподобнаго Сергія Радонежскаго», состоящее изъ собранія древнихъ текстовъ и историко-литературнаго обзора жизнеописаній святаго угодника, а второе, подъ заглавіемъ «Фонвизинскій сборникъ», или «Ма-

¹⁾ Этотъ трудъ Н. С. Тихонравова вошелъ въ книгу, изданную Этнографическимъ отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ заглавіемъ: «*Русскія былинныя повѣсти и старописмы*» (М. 1894 г., VIII×88×304 стр.).

теріалы для полного критическаго изданія сочиненій и переводовъ Д. И. Фонвизина». Первый трудъ до сихъ поръ не вышелъ въ свѣтъ, а второй напечатанъ Императорскою Академіей Наукъ послѣ смерти Н. С. Тихонравова (Спб. 1894 г.).

1893 г.

«Сочиненія Н. В. Гоголя», изданіе одиннадцатое А. Ф. Маркса, Спб., томъ первый, XII+488 стр.; томъ второй, 591 стр., томъ третій, 583 стр.; томъ четвертый, 611 стр.; томъ пятый 417 стр., съ двумя портретами Гоголя, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

Вслѣдъ за такимъ изданіемъ «Полнаго собранія сочиненій Гоголя»¹⁾, Н. С. Тихонравовъ открылъ новый памятникъ русской паломнической литературы XV столѣтія—«*Два хожденія въ Иерусалимъ іеромонаха Варсонофія*», извѣстилъ о своемъ открытіи Второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ небольшою замѣткою, напечатанною въ „Сборникъ“ названнаго Отдѣленія (Спб. 1893 г., т. LV, стр. IV—V и XXII—XXIII), а затѣмъ 19 мая прочелъ докладъ объ открытомъ памятникѣ въ засѣданіи Славянской Комиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ,—докладъ, который уже послѣ кончины автора появился въ сокращеніи въ „Археологическіе Извѣстія и Замѣтки“ (1893 г., № 11), а также вышелъ отдѣльною брошюрою, подъ названіемъ „*Хожденіе іеромонаха Варсонофія въ Святую Землю въ 1456 году*“ (М. 1893 г., 9 стр.).

Наконецъ, менѣе чѣмъ за мѣсяць до своей смерти, Н. С. Тихонравовъ въ торжественномъ собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, 31 октября, произнесъ рѣчь: „*И. С. Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ, 1833—1834 и.*“, но уже не увидалъ ее въ печати: она появилась позже въ „*Вѣстникъ Европы*“ (1894 г., кн. 2, стр. 708—724).

Бъ сожалѣнію, названная рѣчь въ память Тургенева явилась послѣднимъ, предсмертнымъ трудомъ Н. С. Тихонравова. Скоро послѣ ея произнесенія онъ опасно заболѣлъ и, къ большому горю для русской науки, 27 ноября скончался, найдя вѣчное успокоеніе отъ долгихъ трудовъ въ Даниловѣ монастырѣ, недалеко отъ дорогой могилы Гоголя, сочиненіямъ котораго покойный особенно посвящалъ свои силы въ послѣдніе годы...

Д. Языковъ.

¹⁾ Н. С. Тихонравовъ обработалъ матеріалы еще для *шестого и седьмого* этого „Собранія“, но не успѣлъ издать ихъ въ свѣтъ.

УКАЗАТЕЛЬ

статей о Н. С. Тихонравовѣ.

1. *Знакомые*, альбомъ М. И. Семевского. Спб. 1888 г., стр. 42 (Автобіографическая замѣтка Н. С. Тихонравова).
2. *Сорокалѣтній юбилей Н. С. Тихонравова*, безъ подписи (Русскія Вѣдомости. 1890 г., № 272).
3. *Учено-литературная дѣятельность Н. С. Тихонравова*, библиографическій очеркъ Д. Д. Языкова (Русская Мысль. 1890 г., кн. 10, отд. II, стр. 90—102). — Отдѣльный оттискъ этого очерка, подъ тѣмъ же заглавіемъ. М. 1890 г., 15 стр.
4. *Исторія русской этнографіи*, А. Н. Пыпина. Спб. 1891 г., т. II, стр. 134—142 (Обзоръ и оцѣнка ученыхъ трудовъ Н. С. Тихонравова).
5. *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*. Спб. 1891 г., т. III, стр. 19—24 (Списокъ трудовъ Н. С. Тихонравова).
6. *Николай Саввичъ Тихонравовъ*, некрологъ, Д. Я. (Московскія Вѣдомости. 1893 г., № 329).
7. *Памяти Н. С. Тихонравова*, статья съ подписью *Ученикъ (Д. Д. Языковъ)* (Московскія Вѣдомости 1893 г., № 331).
8. *Московскія Вѣдомости* 1893 г., №№ 333, 336, 342 и 348 (Воспоминанія и замѣтки о Н. С. Тихонравовѣ).
9. *Русскія Вѣдомости* 1893 г., №№ 328—331 и 333 (некрологи и воспоминанія о Н. С. Тихонравовѣ).
10. *Новое Время* 1893 г., №№ 6355 и 6379 (статьи, посвященныя жизни и дѣятельности Н. С. Тихонравова).
11. *Николай Саввичъ Тихонравовъ*, некрологъ, проф. М. И. Соколова (Рѣчь и Отчетъ, читанныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго Университета. М. 1894 г., стр. 268—277).
12. *Памяти Н. С. Тихонравова*, рѣчь въ публичномъ засѣданіи

- Общества Любителей Россійской Словесности, проф. *Н. И. Стороженка* (Артистъ, 1894 г., кн. 33, стр. 95—96) ¹⁾.
13. *Н. С. Тихонравовъ*, некрологъ, *А. Н. Пыпина* (Вѣстникъ Европы 1894 г., кн. 1, стр. 446—454).
 14. *Н. С. Тихонравовъ*, некрологъ, акад. *Л. Н. Майкова* (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1894 г., кн. 1, стр. 79—92).
 15. *Н. С. Тихонравовъ*, некрологъ, *В. Б.* (Историческій Вѣстникъ 1894 г., кн. 1).
 16. *Н. С. Тихонравовъ*, некрологъ, *В. И. Шенрока* (Сѣверный Вѣстникъ 1894 г., кн. 1, отд. II, стр. 185—189).
 17. *Рускія Вѣдомости* 1894 г., № 35 и 83 (Мелкія замѣтки о *Н. С. Тихонравовѣ*).
 18. *Воспоминанія о профессорѣ Н. С. Тихонравовѣ*, за подписью: *С. М. С.* (Историческій Вѣстникъ 1894 г., кн. 2) ²⁾.
 19. *Николай Саввичъ Тихонравовъ*, очеркъ его учено-литературной дѣятельности *Д. Д. Языкови* (Русское Обозрѣніе 1894 г., кн. 2, стр. 857—879).
 20. *Памяти Н. С. Тихонравова*: ученые труды *Н. С. Тихонравова* въ связи съ болѣе ранними изученіями въ области исторіи русской литературы, проф. *А. С. Архангельскаго* (Казань 1894 г., 87 стр.).
 21. *Памяти проф. Н. С. Тихонравова*, рѣчь проф. *В. Θ. Миллера* (Этнографическое Обозрѣніе 1894 г., кн. 20, № 1).
 22. *Изъ эпохи великихъ реформъ*, книга *Г. А. Джамшѣева*, М. 1894 г., пятое изданіе (о *Н. С. Тихонравовѣ*, какъ ректорѣ Московскаго Университета) ³⁾.

¹⁾ См. настоящее изданіе, стр. 1 и слѣд.

Ред.

²⁾ Въ *Историческомъ же Вѣстникѣ* (1894 г., № 9, стр. 819—823) помѣщена записка *А. Мансурова* „Къ біографіи *Н. С. Тихонравова*“. Воспоминанія касаются времени преподаванія *Н. С.* въ кадетскомъ корпусѣ.

Ред.

³⁾ Біографическій очеркъ дѣятельности *Н. С.*, составленный *И. Ф.* (Иваномъ Франкомъ), находится также во львовскомъ малорусскомъ журналѣ *Житє і Слово* (1894, Март-Апрѣль, стр. 285—288). Къ статьѣ приложенъ и портретъ *Н. С.*

Ред.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Памяти Н. С. Тихонравова— <i>А. Н. Стороженка</i>	1
Рѣчь въ засѣданіи Славянской Коммиссіи— <i>А. С. Павлова</i>	5
Нѣсколько воспоминаній— <i>А. Н. Веселовскаго</i>	11
Николай Саввичъ въ корпусѣ и въ воскресныхъ школахъ <i>С. Н. В—аго</i> .	19
Н. С. Тихонравовъ въ его отношеніяхъ къ средней школѣ — <i>А. Е. Грушинскаго</i>	45
Н. С. Тихонравовъ, профессоръ университета— <i>М. Н. Сперанскаго</i> .	58
Памяти Н. С. Тихонравова— <i>Н. И. Аммона</i>	35
Университетскія чтенія Н. С. Тихонравова въ связи съ его научно-литературными идеалами— <i>А. Д. Кармьева</i>	66
Труды Н. С. Тихонравова по изданію памятниковъ литературы — <i>М. И. Соколова</i>	85
Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя— <i>В. И. Шенрока</i> .	92
Нѣсколько біографическихъ данныхъ— <i>С. О. Домова</i>	123
Н. С. Тихонравовъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ— <i>В. И. Сизова</i>	128
Н. С. Тихонравовъ. Очеркъ его учено-литературной дѣятельности— <i>Д. Д. Языкова</i>	136
Указатель статей о Н. С. Тихонравовѣ— <i>его же</i>	158

Въ подписи при прилагаемомъ портретѣ день рожденія Н. С. Тихонравова отмѣченъ ошибочно: вмѣсто 30 октября 1832 г., слѣдуетъ: 3 октября 1832 г. (см. стр. 136).

12-50
469193/884

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STALE STUDY

CANCELLED
CHARGE

